

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Учреждение Российской академии наук
Институт Дальнего Востока РАН

КИТАЙ В МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск XIV
Ежегодное издание

Москва
ИДВ РАН
2009

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)
К45

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

д. и. н. *Н. Л. Мамаева*, к. и. н. *В. Н. Павлятенко*, с. н. с. *И. В. Ушаков*

Редколлегия:

к. э. н. *Е. И. Сафронова* (отв. редактор-составитель), *О. У. Муфаззалова*

К45 Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIV: ежегодное издание / отв. редактор-составитель *Е. И. Сафронова*. — М.: ИДВ РАН, 2009. — 272 с.

ISBN 978-5-8381-0166-2

Очередной выпуск сборника включает работы ученых Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений, Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС, других подразделений ИДВ РАН, а также приглашенных центральноазиатских специалистов. Сборник посвящен рассмотрению проблем международного политического и экономического курса КНР в год ее 60-летнего юбилея по целому ряду направлений: российскому, американскому, индийскому, центральноазиатскому, японскому и др. Также анализируются вопросы миграционной политики Китая и факторы формирования образа КНР и России в некоторых сопредельных странах.

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя.

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)

ISBN 978-5-8381-0166-2

© Сафронова Е. И., составление, 2009
© ИДВ РАН, 2009

*60-летию установления
дипломатических отношений
между СССР/РФ и КНР
посвящается*

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР

Трифонов В. И.

60-летие КНР: приоритеты внешней политики 6

Уянаев С. В.

Вопросы развития партнерского взаимодействия
в формате «Россия—Индия—Китай» 21

Болятко А. В.

Перспективы развития американо-китайских отношений
при новой администрации США 36

Лузянин С. Г.

Политика России и Китая в «классической»
Центральной Азии и формирование их обновленного
имиджа в регионе 49

Пармонов В. В.

Основные факторы центральноазиатской
политики Китая в сфере безопасности
в конце XX — начале XXI в. 83

Сафронова Е. И.

«Водная проблема» в Центральной Азии и ее влияние
на имидж России и Китая в регионе 94

Ларин А. Г.

Китайские мигранты и российский правопорядок.
Проблема ответственности 115

Садовская Е. Ю.

- Китайская миграция в странах Центральной Азии:
Казахстан, Кыргызстан и — далее везде? 135

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

Кашин В. Б.

- Влияние глобального экономического кризиса
на экономику и внешнюю торговлю КНР и его
вероятные внешнеполитические последствия 164

Андрианов В. Л.

- Перспективы энергетического
взаимодействия в контексте сотрудничества
«Россия—Китай—АТР» в условиях мировой
финансовой нестабильности 177

Балакин В. И.

- КНР и США: от угасающей политической
конфронтации к многопрофильному
инвестиционному сотрудничеству 188

Беляев С. О.

- Китайско-японское соперничество за российский
рынок в период после финансового кризиса 1997—1998 гг. . . 198

Александрова М. В.

- Внешнеэкономическая деятельность провинции
Хэйлунцзян в период реформ (1978—2008 гг.) 217

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Мировицкая Р. А.

- Отношения СССР с Китаем в годы кризиса
версальско-вашингтонской системы международных
отношений (1931—1937 гг.) 241

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР

*В. И. Трифонов**

60-летие КНР: ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Еще до официального провозглашения КНР, а именно в сентябре 1949 г., I сессия Народной политической консультативной конференции (НПКК) определила Китай как государство «новой демократии», которое ведет борьбу за независимость, демократию, мир, единство, создание процветающей и сильной страны¹. В Декларации о провозглашении КНР от 1 октября 1949 г. было заявлено, что избранное на сессии НПКК Центральное народное правительство КНР во главе с Мао Цзэдуном «желает установить дипломатические отношения с любым иностранным правительством, которое пожелало бы соблюдать принципы равенства, взаимной выгоды и взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета»².

Первым государством, откликнувшимся на обращение правительства нового Китая, стал Советский Союз, оказавший ки-

* Трифонов Виктор Иванович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, с.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

тайскому народу огромную помощь и поддержку в борьбе за независимость. Уже 2 октября 1949 г. МИД СССР выразил согласие установить с КНР официальные дипломатические отношения.

Вслед за СССР о признании КНР заявили другие социалистические государства, а также влиятельные азиатские страны, такие, как Бирма, Индия, Пакистан, Афганистан, Индонезия, и ряд европейских государств. В ноте от 6 января 1950 г. де-юре признала КНР и Великобритания, хотя потребовалось еще немало лет, прежде чем между двумя странами были установлены полномасштабные дипломатические отношения и состоялся обмен послами. К настоящему времени китайская дипломатия успешно преодолела многие испытания на пути официального признания КНР подавляющим большинством стран мира.

С начала 1980-х годов, когда КНР приступила к реализации программы реформирования и либерализации экономической и политической жизни, произошло формирование современного внешнеполитического курса страны, в основе которого лежит обеспечение благоприятной международной среды для построения мощного современного Китая — одного из ведущих центров мировой политики и экономики. К настоящему времени определены основные ориентиры и формы внешней политики страны, видение Пекином современного мироустройства, места в нем КНР. Сложилась целостная внешнеполитическая доктрина Китая, отражающая современные реалии и опирающаяся на дипломатический опыт прошлых лет. Ключевое место во внешнеполитическом арсенале Китая заняли мирные декларации, выступления в пользу формирования справедливого и рационального миропорядка, осуждение гегемонизма, менталитета «холодной войны», политики с позиции силы, заявления о том, что Китай будет стремиться играть конструктивную роль в мировых делах, «стимулировать развитие международного порядка в еще более справедливом и разумном направлении»³. Далеко в прошлом осталась политика конфронтации, курс на борьбу «острием против острия». В действиях КНР на международной арене возобладали реализм и подчеркнутый практицизм. Произошла заметная идеологизация внешнеполитического курса Китая. Сосредоточив-

шись на первоочередном выполнении внутренних задач, Пекин старается по возможности обходить острые ситуации, «горячие точки», особенно там, где интересы Китая прямо не затрагиваются. Характерные черты политики Китая — многовекторность, линия на сотрудничество и партнерство со всеми странами, отказ от вступления в какие-либо военные блоки и объединения, направленные против третьих стран.

Излагая на XVII съезде КПК основные принципы политики КНР, генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао выделил в качестве главного курса на независимость и самостоятельность, политику открытости, которая, как он заверил, «будет все больше углубляться и расширяться», линию на защиту мира во всем мире и содействие мирному развитию. «Мы будем по-прежнему принимать активное участие в многосторонних делах, нести соответствующие международные обязанности», — заявил китайский лидер⁴.

КНР все более уверенно выходит на позиции одной из главных мировых держав в силу своего экономического веса, региональных и глобальных политических и военных параметров, постепенно сокращая разрыв с мировыми лидерами. Будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, КНР стремится играть активную роль в этой организации, в других международных структурах, выступает со многими инициативами. Заметно усилились позиции Китая во влиятельных региональных организациях, членом которых он является: АТЭС, АСЕАН, АРФ, ШОС и др. Повышается внимание КНР к «Группе восьми». Китай регулярно подключается к деятельности «восьмерки» по различным вопросам, начался регулярный диалог КНР с «G-7» в финансово-экономической сфере. Важную роль играла китайская делегация во главе с Ху Цзиньтао на апрельском (2009 г.) саммите «G-20» в Лондоне. Активные связи поддерживает Пекин с механизмами ЕС, демонстрирует растущий интерес к развитию взаимодействия по линии Россия—Индия—Китай (РИК) и Бразилия—Россия—Индия—Китай (БРИК).

Нынешний Китай располагает сопоставимым с США, ЕС, Японией экономическим потенциалом. КНР — крупнейший центр приложения зарубежных капиталовложений: свыше

700 млрд долл. прямых иностранных инвестиций были направлены в Китай за время реформ. Из года в год растет ВВП КНР, к 2009 г. его объем достиг 4,42 трлн долл.⁵ В результате по номинальному объему ВВП Китай обогнал Германию и вышел на 3-е место в мире после США и Японии (по паритету покупательной способности (ППС) — на 2-е место).

Достаточную устойчивость хозяйственной системы продемонстрировал Китай в условиях охватившего мир серьезного финансово-экономического кризиса. Накопленные резервы позволяют стране преодолевать связанные с ним трудности с относительно меньшими потерями. Принята масштабная антикризисная программа, и согласно разработанному Госсоветом КНР плану на поддержку китайской экономики на период до 2010 г. выделено 586 млрд долл.⁶ До 3 % снижена ставка рефинансирования Народного банка, а средняя банковская учетная ставка по кредитам — до 5,58 % в год. В целом, несмотря на кризис, в 2009 г. ожидается рост ВВП КНР на 8 %⁷. В то же время Всемирный банк прогнозирует рост ВВП страны в 2009 г. лишь на 6,5 %.

Китай выступил за кардинальную реформу международных финансовых институтов, против торгово-инвестиционного протекционизма, поддержал идею создания международной резервной валюты. Однако не следует недооценивать серьезные проблемы, стоящие перед китайской экономикой: необходимость дальнейших структурных преобразований, истощение земельных ресурсов, серьезнейшие экологические трудности, растущая безработица, что может привести к масштабным социальным волнениям. Кроме того, в силу падения внутреннего и внешнего спроса на китайскую продукцию пострадала внешняя торговля страны — главный финансовый источник КНР.

К настоящему времени во *внешнеполитических приоритетах* Китай исходит прежде всего из прагматических интересов, линии на укрепление своих международных позиций. Упор делается на отношения с ведущими мировыми державами — США, Россией, странами ЕС, Японией, Индией.

Особое место в политике Китая занимает *Россия*, непосредственный сосед КНР, отношения с которой, в том числе в советский период, переживали и взлеты, и падения.

В результате последовательной линии руководства обеих стран к настоящему времени устранены практически все серьезные раздражители в двусторонних отношениях. Снят вопрос о взаимной военной угрозе, долгие годы омрачавший советско-китайский диалог. В 1996 г. заключено Соглашение об укреплении доверия в военной области, а в апреле 1997 г. подписано Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границ Китая с Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, протяженность которых составляет 7,5 тыс. км. Полностью урегулирована наиболее острая и чувствительная в российско-китайских отношениях пограничная проблема. Последнюю точку в ее решении поставило вступление в силу 14 октября 2008 г. Дополнительного протокола-описания российско-китайской границы на ее восточном участке.

Исторической вехой в отношениях двух стран явился Договор о добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, подписанный главами России и Китая в Москве 16 июля 2001 г. Статья 10-я Договора определяет отношения между Россией и Китаем как «равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие»⁸. Документ закрепляет достигнутый уровень российско-китайских отношений и создает прочную правовую базу для их дальнейшего развития во всех сферах. Причем впервые в истории российско-китайских отношений в Договоре зафиксировано положение об отсутствии у сторон взаимных территориальных претензий. Председатель КНР Ху Цзиньтао подчеркнул, что в Договоре «излагаются общие подходы и позиции по самым актуальным и основным международным и региональным вопросам. Мы призываем к объединению усилий на эффективное противодействие общим угрозам и вызовам, обеспечение прочного мира и формирование гармоничной планеты»⁹.

Договор и другие подписанные сторонами совместные документы ориентируют на дальнейшее упрочение внешнеполитического взаимодействия между Россией и Китаем, направленного прежде всего на формирование многополярного демократического миропорядка, поддержание глобального стратегического

баланса и стабильности, мира и безопасности в Центральной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на борьбу с международным терроризмом. Стороны не участвуют в союзах или блоках, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности друг друга. В то же время предусмотрены обязательства, согласно которым стороны проводят консультации и вступают в незамедлительный контакт в случае возникновения угрозы миру или угрозы агрессии против одной из сторон.

Российско-китайские связи носят активный, динамичный характер. Одобрены Совместная декларация по основным международным вопросам и План действий по реализации Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве на 2009—2012 гг. Прошли встречи глав государств России и КНР в рамках апрельского саммита «G-20»; российский и китайский лидеры встретились и на саммите ШОС в июне 2009 г. в Екатеринбурге.

По итогам саммита Шанхайской организации сотрудничества (Екатеринбург, 15—16 июня 2009 г.) был подписан ряд значимых для региональной и мировой политики документов: Екатеринбургская декларация, Совместное коммюнике, Конвенция ШОС против терроризма; решение Совета глав государств ШОС об утверждении положения о политико-дипломатических мерах и механизмах реагирования ШОС на ситуации, ставящие под угрозу мир, безопасность и стабильность в регионе.

Были подписаны также решения Совета глав государств о предоставлении Белоруссии и Шри-Ланке статуса партнера по диалогу с ШОС. Обсуждались вопросы сотрудничества на афганском направлении и другие региональные проблемы, в том числе положение в Северной Корее. Кроме того, Китай объявил о принятом им решении предоставить странам ШОС кредит в размере 10 млрд долл. По словам председателя КНР Ху Цзиньтао, «Китай будет строго выполнять свои обязательства по поддержке двусторонних и многосторонних проектов в рамках ШОС»¹⁰. Значение таких проектов заключается в том, что они, имея трансграничный характер, сплачивают политико-экономический потенциал Организации. Обсуждались также перспективы сотрудничества в энергетической и строительной отраслях, в сфере инфраструктуры. Еще одной темой дискуссий стали дей-

ствия стран ШОС в связи мировым финансово-экономическим кризисом. Участники встречи были едины, что для противодействия кризису необходимо активное задействование потенциала Организации¹¹.

В Екатеринбурге состоялась и первая в истории официальная встреча лидеров БРИК (Бразилии, России, Индии и Китая), на которой стороны обсудили вопросы взаимодействия четырех стран по преодолению глобального финансово-экономического кризиса. Повестка дня включала проблемы реформирования международных финансовых институтов, обеспечения глобальной энергетической, продовольственной и климатической безопасности.

После саммитов ШОС и БРИК Ху Цзиньтао нанес государственный визит в Россию (16—17 июня), во время которого стороны обсудили актуальные международные проблемы в свете дальнейшего укрепления внешнеполитического взаимодействия и координации усилий РФ и Китая, в том числе в рамках ШОС и БРИК.

По итогам переговоров было принято Совместное заявление. В присутствии лидеров двух государств стороны подписали: План российско-китайского инвестиционного сотрудничества, предусматривающий развитие экономического взаимодействия особенно на приграничных территориях; Протокол к соглашению между правительствами о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая от 27 июня 1997 г.; три меморандума о взаимопонимании: два — по сотрудничеству в газовой и угольной сферах, третий — между Министерством экономического развития РФ и Министерством коммерции КНР по стимулированию двусторонней торговли, в том числе за счет машинотехнической и инновационной продукции.

Президент РФ Д. Медведев отметил значение сделки, заключенной на сумму 100 млрд долл. по поставке в Китай 300 млн т российской нефти в течение 20 лет.

Были подписаны также рамочное соглашение о предоставлении Экспортно-импортным банком Китая кредита Внешэкономбанку на сумму до 700 млн долл. на закупку в КНР обо-

рудования для нефтегазовой отрасли, для сферы дорожного строительства, телекоммуникаций и мобильной связи, а также меморандум о взаимопонимании между группой компаний «Ренова» и Китайской государственной золотодобывающей корпорацией¹².

Во внешнеполитической сфере отношения характеризуются взаимной поддержкой по наиболее важным вопросам, затрагивающим интересы двух государств. Все более весомую роль играет механизм российско-китайских консультаций по вопросам стратегической безопасности. Как правило, с близких позиций действуют стороны и в ООН. Россия и Китай решительно выступают против попыток навязать миру одномерные подходы к международным делам. Две страны видят в многополярности международной политической и экономической жизни важный фактор, сдерживающий поползновения на единоличное управление мировыми процессами. Выступая 7 марта 2009 г. на пресс-конференции в рамках 2-й сессии ВСНП, министр иностранных дел КНР Ян Цзечи высказался за дальнейшее укрепление сотрудничества Китая и России по международным проблемам во имя продвижения многополярности в мире, демократизации международных отношений и защиты мира и стабильности.

Быстрые темпы набирает взаимовыгодное экономическое сотрудничество. К 2009 г. товарооборот между Россией и Китаем составил 56,8 млрд долл., хотя в последние месяцы года намечился заметный спад в осуществлении торговых операций¹³. Ведется работа по выправлению «сырьевого крена» российского экспорта, увеличению взаимных инвестиций (они ничтожно малы для двух таких больших стран), расширению межрегионального сотрудничества. Центральное место в двусторонних экономических отношениях занимают вопросы энергетического сотрудничества, между странами подписаны такие важные документы, как Соглашение о принципах строительства и эксплуатации нефтепровода «Сковородино—граница с КНР», являющегося ответвлением трубопровода «Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО)», Меморандум о сотрудничестве в нефтяной сфере. Китайская сторона предоставила российским компаниям «Рос-

нефть» и «Транснефть» крупный кредит на эти цели в размере 25 млрд долл. на 20 лет по ставке 5 % в год. Взамен Китай будет получать в течение этого срока 15 млн т нефти ежегодно¹⁴.

Стороны поддерживают друг друга в вопросах их территориальной целостности (Тайвань, Тибет, взаимная поддержка усилий в борьбе с террористами и сепаратистами на своей территории). КНР в то же время не возражает против осуществления неофициальных связей России с Тайванем в торгово-экономической, научно-технической, культурной, спортивной областях.

Отдавая приоритет укреплению связей с Россией, Китай проводит линию на поддержание дружественных отношений с другими странами СНГ. Особый импульс получили отношения КНР с Казахстаном: построен нефтепровод в Китай, планируется сооружение его второй ветки, осуществляется сотрудничество по развитию железнодорожной сети и др. Китай выделил значительные кредиты Таджикистану и Узбекистану для строительства автодорог, связывающих эти страны между собой и с Китаем. Пекин стремится держаться в стороне от так называемых замороженных конфликтов в странах СНГ, выступая за их урегулирование мирными средствами. Озабоченность Китая вызывает осуществляемый Западом сценарий инспирирования «цветных революций» в странах СНГ, направленный на усиление влияния Запада на пространстве Содружества, особенно в Центральной Азии.

КНР явилась одним из соучредителей *Шанхайской организации сотрудничества*, придает ее деятельности большое значение, принимает конструктивное участие в работе Организации. Россия и Китай активно взаимодействуют между собой в вопросах укрепления практического потенциала ШОС. В целом создание ШОС оказало благотворное влияние на стабилизацию обстановки в Центральной Азии, упрочение взаимопонимания и сотрудничества в регионе. Организация имеет большие перспективы в своем развитии, повышается ее роль в расширении взаимовыгодного экономического и гуманитарного сотрудничества между странами-членами. Ценный резерв ШОС — расширение взаимодействия со странами-наблюдателями — Индией, Ираном, Монголией и Пакистаном. Во взаимодействии с междуна-

родной коалицией Организация может сыграть конструктивную роль и в урегулировании афганской проблемы.

Во взаимоотношениях с *США*, *ЕС* и *Японией* Китаем проводится курс на сотрудничество и стратегическое партнерство. Помимо мощи этих стран, центральной роли, которую они играют в международных отношениях, важнейшее значение для Пекина имеют экономические факторы. Китай стремится использовать эти страны для дальнейшего привлечения инвестиций, получения новейших технологий. Не секрет, что содействие Китаю в экономической сфере со стороны указанных стран и китайской зарубежной диаспоры (инвестиции, передовой опыт и менеджмент, льготная передача технологий, перенос в Китай многих тысяч предприятий) явилось одним из важных факторов китайского «экономического чуда». К тому же Китай в отличие от России не подвергается столь жесткому давлению и наступлению со стороны Запада в плане ущемления национальных интересов. Достаточно наглядную картину экономических предпочтений Китая дают следующие цифры: к 2009 г. объем торговли Китая с США составил 333,7 млрд долл., со странами ЕС — 425,6 млрд долл., с Японией — 266,8 млрд долл.¹⁵

Сложный характер носят взаимоотношения Пекина с *США*. Налажены отношения «конструктивного партнерства», осуществляются активные связи, включая обмены визитами на высшем уровне. В то же время Пекин раздражают постоянные поучения по вопросам демократии и прав человека со стороны Вашингтона, активно использующего в пропагандистских целях возникающие те или иные острые ситуации внутри КНР (например, волнения в Тибете в преддверии Пекинской олимпиады). Сильнейшим раздражителем остается тайваньский вопрос, хотя Вашингтон решительно пресекал действия Тайбэя в направлении провозглашения независимости. Усиливаются торгово-экономические трения в связи с огромным негативным салдо США в торговле с Китаем и продолжающимся давлением США на КНР по ряду направлений финансовой сферы, в частности в вопросе ревальвации юаня, либерализации банковской системы Китая и др. Сосредоточив основные усилия на решении проблем в неспокойных районах мира, США стремятся по возможности не

обострять отношения с Китаем, во многих вопросах идут ему навстречу. Немалые надежды на стабилизацию и дальнейшее развитие отношений с США в Пекине связывают с приходом к власти новой американской администрации.

Важные договоренности по дальнейшему развитию американо-китайских отношений были достигнуты во время визита в КНР в конце февраля 2009 г. нового американского госсекретаря Х. Клинтон. Выступая 13 февраля в Нью-Йорке, накануне турне по странам Азии, она подчеркнула, что США не рассматривают поднимающийся (*on the rise*) Китай как своего противника. Напротив, администрация Б. Обамы считает, что США и Китай могут извлечь пользу и внести вклад в успехи друг друга. В планах США, заметила Х. Клинтон, — упорно работать над созданием сфер общих интересов и разделяемых с Китаем возможностей. Несмотря на имеющиеся разногласия, Вашингтон остается приверженцем укрепления позитивных отношений с Китаем, что является жизненно важным для будущего мира, прогресса и процветания Америки¹⁶. В Пекине состоялись переговоры Х. Клинтон с министром иностранных дел КНР Ян Цзечи, американский госсекретарь была принята Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао. Стороны договорились наладить более тесное сотрудничество в таких вопросах, как противодействие глобальному финансовому кризису, изменение климата, энергетика, окружающая среда и в других сферах, затрагивающих интересы сторон. Достигнута принципиальная договоренность о создании диалогового механизма по стратегическим и экономическим вопросам. По завершении переговоров Х. Клинтон заявила: «Сейчас, когда новая администрация президента Обамы приступает к работе, мы хотели бы углубить и расширить наши отношения с Китаем». В свою очередь министр иностранных дел КНР Ян Цзечи подчеркнул: «Вступая в XXI век, две страны имеют все больше общих интересов и более широкую основу для сотрудничества перед лицом нарастающих глобальных вызовов. Это побуждает нас углублять диалог и обмены, укреплять взаимное доверие и сотрудничество, повышать двусторонние связи на новый уровень»¹⁷. В апреле, во время саммита «G-20» в Лондоне, прошла встреча Ху Цзиньтао с Б. Обамой. Возоб-

новлены военные связи между двумя странами, прерванные из-за решения США (октябрь 2008 г.) осуществить очередные крупные поставки американского оружия Тайваню. В конце февраля Китай посетил заместитель министра обороны США Д. Сидни.

В качестве стратегических рассматривает Пекин свои отношения и с *Европейским союзом*. Не имея существенных противоречий с ЕС, Китай форсирует расширение с ним торгово-экономических связей, особенно в передовых и наукоемких отраслях, воспринимает это мощное объединение как один из ключевых полюсов современного мира. Идет работа по подготовке Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между КНР и ЕС.

Пекин повел курс на нормализацию отношений с *Японией*. Возобновились обмены визитами на высоком уровне, была приглушена острота полемики по вопросам исторического наследия в отношениях двух государств. Расширяются торгово-экономические связи. Китай проявляет интерес к углублению сотрудничества в рамках тройки — КНР, Япония, Республика Корея.

В то же время по-прежнему наблюдаются трения сторон в связи ремилитаризацией Японии, ростом военных расходов КНР, дальнейшим укреплением японо-американского военного альянса, периодически обостряются двусторонние противоречия по ситуации в Восточно-Китайском море, не ослабевает соперничество за влияние в АТР.

Большое значение придает КНР развитию отношений со своими ближайшими соседями, созданию вокруг Китая своего рода пояса безопасности. В АТР и ЮВА Китай сталкивается с выстроенной под эгидой США системой военных договоров и союзов, в том числе направленных на сдерживание Китая. В усилиях по закреплению позиций Пекин стремится наладить тесное взаимодействие с АТЭС, АСЕАН, повысить свою роль в этих организациях. В качестве важного органа для обсуждения проблем безопасности в районе в КНР рассматривают Региональный форум АСЕАН (АРФ).

Активно развиваются связи с АСЕАН в целом, а также со странами — членами этой организации на двустороннем уровне. Налаживается практическое сотрудничество в формате

АСЕАН+1 (Китай) и АСЕАН+3 (Китай, Япония, Южная Корея). Расширяется политическое взаимодействие сторон, обсуждаются конкретные варианты сотрудничества в борьбе с терроризмом и нетрадиционными угрозами безопасности. КНР присоединилась к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии 1976 г. (Балийский договор) в качестве внерегиональной державы.

Рассматривая АТЭС как наиболее перспективный механизм экономической интеграции в общерегиональном масштабе, Китай ведет линию на налаживание торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между странами АТР на многосторонней основе. КНР поддерживает постепенную реализацию Богорских целей по расширению торговли.

Растущее внимание китайской дипломатией уделяется *Южной Азии*. В целом подходы Китая к Южной Азии стали более сбалансированными, на первый план выдвигаются задачи обеспечения региональной стабильности и безопасности, КНР выступает за скорейшее снятие напряженности в отношениях между Индией и Пакистаном, за мирное урегулирование кашмирской проблемы.

Заметным прогрессом характеризуются взаимоотношения Китая с *Индией*, с которой установлены отношения стратегического партнерства. Ведется активный диалог по международным вопросам, расширяется двустороннее торгово-экономическое сотрудничество (торговля двух стран достигла к 2009 г. 51,8 млрд долл.). В то же время в Пекине не остались незамеченными предпринимаемые Вашингтоном шаги по сближению с Индией (расширение взаимодействия Индии с «Сиднейской тройкой» — США, Япония, Австралия, а также заключенное недавно американо-индийское соглашение по ядерному сотрудничеству, в соответствии с которым США будут поставлять Индии ядерное топливо и компоненты атомных реакторов).

В последние годы возросло внимание Пекина к развитию отношений с *Африкой* и *Латинской Америкой*. Усиливается торгово-экономическое проникновение КНР в страны этих двух континентов, особенно в сырьевые отрасли, что вызывает все большее беспокойство Запада.

* * *

В условиях нынешней непростой геополитической обстановки дальнейшее укрепление отношений с Китаем приобретает особое значение для нашей страны. Сосредоточившись на решении задач по ускоренной модернизации и развитию, Россия и Китай нуждаются в мирном и добрососедском окружении: их конструктивное взаимодействие является одной из несущих опор нынешнего многополярного мира, важнейшим фактором международной стабильности и безопасности.

Расширению сотрудничества между Россией и Китаем способствуют такие благоприятные факторы, как их географическая близость, взаимодополняемость экономик двух стран, накопленная солидная договорно-правовая база отношений, крепнущие взаимные симпатии народов России и Китая, несмотря на имевшие место в прошлом превратности в развитии отношений сторон.

Обе страны придерживаются близких позиций по многим наиболее важным проблемам мировой политики, заинтересованы в построении справедливого и демократического миропорядка, в рамках которого в полной мере учитывались бы интересы России, Китая, других государств, на взаимной и равноправной основе обеспечивалась их безопасность.

Примечания

¹ Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы. М., 1950. С. 31.

² Там же. С. 66.

³ Доклад генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК. URL: www.russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930_22.htm.

⁴ Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК [полный текст]. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930.htm

⁵ Доклад премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао 5 марта 2008 года на 2-й сессии ВСНП 11-го созыва. URL: www.russian.xinhuanet.com/russian/2009-03/05/content_830402.htm

⁶ www.xinhuanet.com/russian/2008-11/10

⁷ Доклад Вэнь Цзябао на мартовской сессии ВСНП. URL: www.russian.xinhuanet.com/russian/2009-03/05/content_830402.htm

⁸ Сборник российско-китайских документов. 1999—2007 гг. М., 2007. С. 146.

⁹ www.kremlin.ru/appears/2008/05/23

¹⁰ <http://www.kreml.org/news/215645093>

¹¹ <http://www.energyland.info/news-show-26770>

¹² <http://www.newizv.ru/news/2009-06-18/110553> ; <http://www.itar-tass.com/level2.html?NewsID=14056650&PageNum=0>

¹³ www.tamognia.ru/news/nb/426820

¹⁴ Коммерсант. 18.02.2009.

¹⁵ www.china-daily.com.cn/bizchina/2009-02/06/content_7452850.htm

¹⁶ Синьхуа. 17.02.2009.

¹⁷ www.news.Xinhuanet.com/english/2009.02/21/content_10862996.htm

*С. В. Уянаев**

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ПАРТНЕРСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ФОРМАТЕ «РОССИЯ—ИНДИЯ—КИТАЙ»

Структура трехстороннего взаимодействия крупнейших государств Евразии — России, Индии и Китая (РИК) наряду с форматом БРИК (те же плюс Бразилия) в последние годы все отчетливее становится важным фактором мировой политики. Суммарно страны РИК — это 40 % мирового населения, пятая часть мировой суши. Но не менее важно, что все последние годы, включая 2008 г. с его кризисным спадом, каждое из этих государств демонстрировало высокие темпы экономического роста. В результате за период с 2003 по 2008 г. доля совокупного ВВП Китая, Индии и России в мировом ВВП, пересчитанная в доллары США по текущему валютному курсу, увеличилась более чем в 1,5 раза — с 7,1 до 12 %. При расчете же по паритету покупательной способности национальных валют (ППС) эта совокупная доля, имея схожую динамику, выглядит еще более внушительно — 19,5 % от мирового ВВП в 2008 г.¹

* Уянаев Сергей Владимирович, к. и. н., в. н. с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

Краткая история и эволюция формата РИК. Своего рода точкой отсчета в развитии концепции трехстороннего сотрудничества, а затем и в шагах по ее практической реализации принято считать декабрь 1998 г. Именно тогда находившийся в Дели премьер-министр правительства России публично и на столь высоком уровне огласил идею сотрудничества трех стран. В первое время она не нашла заинтересованного отклика ни в КНР, ни в Индии, более того, была со скептицизмом встречена многими экспертами и политиками в РФ.

Однако вскоре, в том числе в связи с тревожным развитием международной обстановки, прежде всего на Балканах, об идее «тройки» заговорили вновь. На рубеже веков возможности трехстороннего сотрудничества стали обсуждаться в компетентных и влиятельных экспертных кругах трех стран. В частности, в 2001 г. был запущен институт трехсторонних конференций политологов и отставных дипломатов, которые, к слову, ежегодно встречаются и поныне. В рамках этой «второй дорожки» постепенно формировалось общее понимание возможностей и принципов функционирования трехсторонней структуры. Важным итогом работы экспертов стал согласованный вывод о хороших перспективах сотрудничества, в основе которых лежат благоприятные исторические предпосылки, сходство современных внешнеполитических приоритетов, взаимодополняемость задач внутреннего развития трех стран. Особо был отмечен фактор позитивного состояния двусторонних отношений внутри «тройки», включая неуклонно поступательное развитие китайско-индийских связей.

Осенью 2002 г. формат РИК стал обретать зримые очертания: в сентябре в рамках очередной сессии ГА ООН состоялась первая неофициальная встреча министров иностранных дел трех стран. Эти встречи приобрели регулярный характер. К лету 2009 г. их было проведено уже девять, причем, начиная с лета 2005 г., когда три министра собрались во Владивостоке, встречи носят особый характер, имеют заранее подготовленную повестку дня и сопровождаются итоговым документом — трехсторонним коммюнике.

Этапное событие произошло летом 2006 г. в Санкт-Петербурге, когда трехсторонний диалог был выведен на высший уро-

вень. На полях форума «Большой восьмерки» провели встречу президент РФ, председатель КНР и премьер-министр Индии.

Формы и цели. Принципиально важно, что за эти годы были документально зафиксированы положения, которые объективно отражают институциональную суть трехстороннего сотрудничества. Пройдя согласование на экспертном уровне, они нашли отражение в совместных коммюнике трех министров иностранных дел, в целом ряде официальных заявлений руководителей каждой из стран. Кроме того, начиная с осени 2004 г., пункты о развитии трехстороннего взаимодействия включаются практически во все крупные двусторонние российско-китайские, российско-индийские и китайско-индийские документы. В сжатом виде положения, касающиеся форм, целей и направлений формата РИК, сводятся к следующему:

- трехстороннее сотрудничество носит внеблоковый и неконфронтационный характер и не означает образования союзов²;
- оно предусматривает объединение усилий на принципах независимости и самостоятельности и не направлено против интересов третьих стран³;
- его целями являются обеспечение международного мира, согласия и взаимопонимания, глобальная и региональная стабильность и прогресс, деятельность трех стран, направленная на «противодействие новым вызовам и угрозам», а также «более полная реализация их возможностей в экономическом развитии»⁴;
- механизмом сотрудничества являются действующие консультационные площадки по линии МИД и ряда министерств и ведомств; поставлена задача комплексного совершенствования такого механизма⁵.

Иными словами, были обозначены параметры неформализованной модели трехстороннего партнерства, базовыми целями которого являются два узловых пункта:

1) тройственное умножение усилий в отстаивании сходных внешнеполитических приоритетов в интересах международного мира, безопасности и противодействия современным угрозам и

вызовам, включая угрозу терроризма; создание таким образом благоприятной внешней обстановки;

2) прагматичное экономическое взаимодействие в целях наиболее динамичного продвижения хозяйственных комплексов каждой из стран.

Направления и механизмы. Для решения этих задач — внешнеполитической и экономической — в формате РИК определены основные предметные направления взаимодействия.

Во внешнеполитической сфере Россия, Китай и Индия отстаивают необходимость построения справедливой и рациональной мировой архитектуры, которая базировалась бы на принципах многополярности, на соблюдении норм международного права, многосторонней дипломатии и центральной роли ООН. Стороны взаимодействуют по проблемам борьбы с терроризмом, изменения глобального климата, по вопросам региональной политики, включая обеспечение безопасности и устойчивого развития в АТР и Центральной Азии, в деле урегулирования проблемы, связанной с ядерными программами Ирана и КНДР, восстановления экономики и мира в Афганистане, и по целому ряду других проблем. В той или иной мере эти подходы регулярно находят отражение в совместных коммюнике глав внешнеполитических ведомств трех стран, учитываются при консультациях и согласовании позиций в рамках различных форумов. К слову, сотрудничество и консультации по всему комплексу перечисленных внешнеполитических проблем опираются отныне на новый механизм: в соответствии с решениями, принятыми в Харбине, в феврале 2008 г. в Москве состоялись первые консультации директоров территориальных департаментов МИД Китая, России и Индии. Кроме того, месяцем позже появился еще один переговорный формат, обещающий стать регулярным. В Дели прошел первый геостратегический семинар «Россия—Индия—Китай» по формуле «Трек 2+1», в рамках которого предметные дискуссии по ключевым вопросам мировой политики провели одновременно ученые, эксперты и ответственные представители внешнеполитических ведомств трех стран⁶.

Среди направлений трехстороннего экономического взаимодействия перспективными признаны энергетика, транспорт и транспортная инфраструктура, наука и техника, космос, высокие технологии, включая информационные и биотехнологии, и ряд других.

При этом принципиально важно, что уже начинается конкретная, практическая работа. В экономической сфере также запущены новые механизмы — консультации на уровне руководителей отделов/департаментов министерств трех стран, действующих в сферах сельского хозяйства, медицины и здравоохранения, борьбы с чрезвычайными ситуациями. В апреле 2008 г. в Пекине собрались специалисты-аграрии. В июле 2008 г. в российской Самаре состоялась встреча представителей России, Индии и Китая, посвященная вопросам борьбы с чрезвычайными ситуациями и их последствиями. Специалистов в области здравоохранения в 2008 г. приняла Индия.

Добавим к этому, что в декабре 2007 г. механизм трехстороннего сотрудничества был расширен за счет корпоративного сектора. В индийской столице прошел бизнес-форум предпринимателей трех стран. Состоялись секционные дискуссии, охватившие такие отрасли, как энергетика, биотехнологии, нефтехимия, фармацевтика, нанотехнологии, развитие инфраструктуры.

Разумеется, в дискуссиях об элементах институционализации в трехстороннем сотрудничестве речь не идет о создании некой жесткой структуры. Такая задача и не стоит. Тем не менее определенные шаги по организационному оформлению, включая создание механизмов взаимосвязей трех стран, стали естественным компонентом развития взаимодействия.

Двусторонние отношения. Не требуется особых доказательств, что нормальное функционирование формата «Россия—Индия—Китай» вряд ли возможно без прочности их несущей конструкции — двусторонних отношений между этими странами. Не случайно, что на начальном этапе становления трехстороннего взаимодействия как раз сложности двусторонних, а именно китайско-индийских, связей были одной из основных причин скептицизма.

В целом на данном направлении все последние годы наблюдаются позитивные процессы. Прежде всего обращает на себя внимание *китайско-индийская* сторона «тройки». Она существенно укрепилась, причем развитие отношений между Пекином и Дели носит нарастающий характер. Главный результат апрельского (2005 г.) визита в Индию премьера Госсовета КНР — установление отношений стратегического партнерства между двумя странами — стал свидетельством перехода этих отношений в более высокое качественное состояние, соответствующее уровню российско-китайских и российско-индийских связей. В этом смысле формат РИК принял более сбалансированный, чем прежде, характер, и это благоприятствует его перспективам.

Ощутимыми достижениями китайско-индийских отношений стали итоги обмена визитами на высшем уровне в ноябре 2006 г. и январе 2008 г. Летом и осенью 2008 г. прошел ряд успешных встреч между председателем КНР Ху Цзиньтао, премьером Госсовета Вэнь Цзябао и премьер-министром Индии М. Сингхом (в частности, на полях «Большой восьмерки», очередной сессии ГА ООН и форума АСЕМ в Пекине). Подписанные документы, включая «Совместный обзор КНР и Индией перспектив в XXI веке» (январь 2008 г.)⁷, отражают стремление двух стран строить долговременные и прочные отношения добрососедства, способствовать глобальному и региональному миру, развивать экономические и гуманитарные связи, продолжать системную работу по созданию многоуровневого и многопрофильного механизма отношений, в том числе в военной сфере. Налицо хорошие результаты такой работы. Функционируют структуры стратегического, экономического, антитеррористического, пограничного диалога. Неуклонно растет двусторонняя торговля, объем которой в 2008 г. составил рекордные 51,78 млрд долл.⁸, что почти в 200 раз превышает показатель не столь уж далекого 1990 г.

Вместе с тем политики обеих стран далеки от эйфории и хорошо осознают степень старых и новых двусторонних проблем и трений (пограничная, тибетская, «пакистанская», экономические разногласия и т. д.), которые хорошо известны. При этом, однако, весьма важно, что стороны стремятся искать

взаимоприемлемые развязки и не ставят общее развитие отношений в зависимость от сохраняющихся проблем.

Что касается *российско-китайских и российско-индийских отношений*, то в обоих случаях имеют место как схожие, причем весьма серьезные, достижения, так и перекликающиеся проблемы.

Обе пары отношений характеризуются высоким уровнем политического взаимодействия и партнерства, носящих стратегический характер. Связи Москвы как с Дели, так и с Пекином опираются на прочную нормативно-правовую базу — межгосударственные договоры соответственно от 28 января 1993 г. и 16 июля 2001 г., ряд крупных совместных деклараций и заявлений. Действуют разветвленные механизмы многоуровневого и многопрофильного сотрудничества, охватывающего практически все имеющиеся сферы — от внешнеполитической глобального уровня до специальных областей экономики, науки, техники и культуры. Обе страны являются важнейшими партнерами России в области ВТС.

Проблемным же компонентом и российско-индийских, и российско-китайских отношений является та или иная степень несоответствия (особенно в первом случае), высокого уровня политического взаимодействия и существенного недоиспользования возможностей экономического потенциала. Речь идет не только об увеличении пока относительно низких объемов товарооборота, но и о необходимости качественного совершенствования его товарной структуры с упором на оптимизацию (в плане сбалансирования) доли машин и оборудования.

В *российско-индийских отношениях* последнего времени особое значение имели результаты регулярных саммитов, состоявшихся в ноябре 2007 г. в Москве и декабре 2008 г. в Дели, а также встречи на полях «Большой восьмерки» в Японии. К слову сказать, с начала столетия переговоры высших руководителей двух стран проходят в среднем не реже двух раз в год: с 2000 по 2008 г. они встретились 18 раз. По итогам декабрьского визита Д. Медведева в Дели стороны подписали 9 документов, в том числе важные соглашения в сфере мирного атома, космоса, финансового, таможенного и туристического сотрудничест-

ва, достигли принципиальных договоренностей о продлении на следующие десять лет истекающих в 2010 г. соглашений в сфере военно-технических связей.

31 марта 2009 г. в Большом театре в Москве была торжественно открыта программа Года Индии в России. Масштабные мероприятия в рамках Года РФ в Индии успешно прошли в 2008 г.

В 2008 г. товарооборот между двумя странами вырос более чем на 30 %. Хотя его абсолютные цифры — 6,94 млрд долл.⁹ — по-прежнему выглядят сравнительно скромно, есть основания полагать, что намеченный на 2010 г. уровень в 10 млрд долл. будет достигнут.

Не менее насыщенной выглядит сегодня повестка дня *российско-китайских отношений*. За год президентства Д. Медведева проведено шесть двусторонних встреч на высшем уровне, причем свой первый визит в дальнее зарубежье российский руководитель в мае 2008 г. совершил именно в Китай. В ходе этого визита, а также прошедшей в октябре 2008 г. в Москве 13-й регулярной встречи глав правительств России и Китая было подписано в общей сложности 18 документов. В их числе внешнеполитическая декларация, а также соглашения о важных шагах развития сотрудничества в атомной энергетике, авиации и авиастроении, в области нанотехнологий, в банковско-кредитной, туристической, лесной, нефтяной сферах, в том числе по строительству и эксплуатации нефтепровода «Сковородино—граница с КНР», мостового перехода через Амур/Хэйлуцзян. Развитием этих договоренностей явилось, в частности, подписание в феврале 2009 г. соглашения между Банком развития Китая и российскими компаниями «Роснефть» и «Транснефть» о предоставлении им кредитов в размере 25 млрд долл. в рамках сотрудничества по поставкам российской нефти в Китай.

Завершено оформление последних двух секторов российско-китайской границы на ее Восточном участке. 21 июля 2008 г. в Пекине был подписан Дополнительный протокол-описание российско-китайской границы, который вступил в силу 14 октября 2008 г. Тем самым поставлена окончательная юридическая точка в этом длившемся многие годы важном вопросе.

В 2008 г. произошло определенное снижение темпов роста российско-китайского товарооборота, тем не менее в абсолютном выражении он достиг рекордной планки — 56,8 млрд долл.¹⁰

Запущен новый масштабный проект в сфере гуманитарного сотрудничества — Год русского языка в Китае (2009 г.) и Год китайского языка в России (2010 г.).

Все это, повторим, не значит, что отношения Москвы с Пекином и Дели свободны от проблемных вопросов, порой носящих чрезвычайно сложный характер, причем не только в сфере взаимной торговли. Так, между РФ и Индией имеются некоторые расхождения в видении конкретных путей обеспечения азиатской безопасности, в российско-китайских связях еще не полностью сняты негативные наслоения, связанные с противостоянием 1960—1980-х годов и тезисом о так называемой угрозе масштабной миграции китайцев на российский Дальний Восток.

Тем не менее факты свидетельствуют, что все три линии двусторонних стратегических отношений в формате РИК развиваются в позитивном направлении и по широкому спектру областей. Имеющиеся проблемы, в том числе более глубокие в китайско-индийских отношениях, не являются критическим ограничителем для развития трехстороннего формата.

Внутренние и внешние риски. Сохраняющиеся стимулы трехстороннего сотрудничества, продвижение по линии его организационного оформления и в целом успешное развитие трех линий двусторонних отношений говорят в пользу позитивных перспектив трехстороннего взаимодействия. Не случайно такое видение было в очередной раз отражено в двусторонних российско-китайских и российско-индийских документах (май и декабрь 2008 г. соответственно)¹¹. Как было подчеркнуто в Совместной декларации, подписанной Д. Медведевым и М. Сингхом, трехстороннее сотрудничество «становится важным фактором многосторонней дипломатии, вносит весомый вклад в укрепление нарождающейся многополярности и способствует формированию коллективного лидерства ведущих государств мира»¹². Ранее, напомним, аналогичная оценка перспектив развития

формата РИК была дана в итоговом совместном коммюнике министров иностранных дел трех стран, которые в мае 2008 г. провели свою очередную встречу в Екатеринбурге.

Однако сложившееся в целом благоприятное положение в развитии трехсторонней структуры не является автоматически гарантированным. К внутренним рискам РИК можно отнести, во-первых, вероятное критическое накопление конфликтного потенциала в двусторонних отношениях. И хотя такая возможность в обозримой перспективе выглядит чисто гипотетической, требуется целенаправленная работа, чтобы она не обрела реальные очертания. Во-вторых, эффективность и перспективы трехстороннего взаимодействия могут быть поставлены под вопрос из-за сохраняющегося отсутствия реальных согласованных проектов в экономической сфере. А ведь продолжительное затягивание решения этой проблемы связано с рисками выхолащивания экономического взаимодействия как одного из главных направлений сотрудничества. Надежды здесь связаны с активизацией корпоративных и деловых кругов трех стран, которые, с одной стороны, находили бы естественные ниши взаимодействия, с другой — ощущали бы государственную поддержку. Причем в идеале такие подходы должны бы стать частью специальной стратегии, согласованной между руководством трех стран.

Внешние факторы потенциального риска видятся в линии тех сил, которые с точки зрения перспектив глобальной политической архитектуры сохраняют заинтересованность в доминировании лишь одного мирового центра. В этом смысле показательно, например, высказывание о взаимодействии внутри РИК, принадлежащее не нуждающемуся в представлении Г. Киссинджеру: «Американская дипломатия, несмотря ни на какие трудности и не проявляя никакого сострадания, должна пресечь любые попытки формирования такого союза. Такой союз снова закроет перед нами Ближний Восток. А Япония, Индонезия и Пакистан пересмотрят свою политику»¹³. Есть основания полагать, что такой подход находит отражение в практической политике США, в том числе через активизацию американо-индийских отношений. При этом ряд западных экспертов в

стремлении превратить Индию в «фактического союзника» США усматривают механизм «сдерживания» поднимающегося Китая. Вот что, к примеру, в августе 2007 г. писал об известном американо-индийском ядерном соглашении влиятельный британский журнал «Экономист»: «Чтобы не попасть в неловкое положение, подъем Китая редко упоминают в качестве фактора, в силу которого США открывают ядерные двери для Индии. Однако, возможно, именно этот фактор является фундаментальным импульсом, стоящим за американским подходом»¹⁴. Понятно, что через ослабление «индийского звена» и параллельное осложнение китайско-индийских отношений такое развитие событий способно негативно влиять и на РИК, «растаскивая» формат трехстороннего сотрудничества. Многое здесь зависит от позиции Дели, от системы сдержек и противовесов в механизме принятия решений в этой стране, где значительная часть политического сообщества резко выступает против чрезмерного сближения с США, тем более за счет осложнения отношений с Китаем. Определенные новые акценты теоретически возможны и в южноазиатской политике новой американской администрации Б. Обамы.

При этом следует подчеркнуть, что отношения в формате РИК ни в коей мере не являются неким ограничителем для связей каждой из трех стран с США. Не только Дели, но и Москва, и Пекин, безусловно, заинтересованы в параллельном развитии нормального партнерского диалога с Вашингтоном, что, в частности, продемонстрировали двусторонние переговоры Д. Медведева, Ху Цзиньтао и М.Сингха с президентом США, прошедшие в начале апреля 2009 г. в рамках встречи «Группы 20» в Лондоне.

Иными словами, внешние риски для перспектив взаимодействия в РИК пока носят в целом латентный и управляемый характер. Однако их не стоит недооценивать. В случае осложнения или критической пробуксовки решения старых и новых проблем (индийско-китайский пограничный спор, тибетский вопрос, застой в российско-индийских торговых отношениях и в реальных трехсторонних проектах) внешние вызовы и риски могут возрасти.

РИК и глобальный кризис. Разумеется, перспективы формата РИК сегодня не могут рассматриваться вне контекста мировой экономической ситуации.

Глобальный финансовый и экономический кризис отразился на каждой из трех стран. В разной степени замедлились темпы их экономического роста, сократились объемы экспорта. Ухудшение внешней конъюнктуры в меньшей степени затронуло Индию, которая традиционно зависит от экспортных операций не столь сильно. В каждой из трех стран разработаны антикризисные программы, в которых при всей специфике наблюдаются общие моменты: стимулирование внутреннего спроса, поощрение эффективных производств, выделение приоритетных отраслей, развитие инфраструктурных проектов, государственное инвестирование. Прогнозы относительно перспектив преодоления спада для каждой из стран разные. По данным МВФ, наиболее оптимистичны они для Китая, где в 2009 г. ожидается рост ВВП на уровне 6,5 %, а также для Индии — 4,5 %¹⁵. Внутренние прогнозы в Китае и Индии несколько выше — 8 и более 6 % соответственно¹⁶. Россию, по оценкам МВФ, в 2009 г. может ждать заметное снижение объема ВВП — примерно на 6 %, и лишь небольшой, на уровне 0,5 %, рост в 2010 г., что в целом совпадает с прогнозами российских экспертов. Для РФ, очевидно, многое будет зависеть от мирового спроса на углеводородные энергоносители.

Как представляется, ситуация кризиса создает дополнительные стимулы для сотрудничества России, Индии и Китая. И хотя формальных перемен в динамике именно трехстороннего процесса не отмечено и в формате РИК не принималась, к примеру, некая согласованная антикризисная программа или декларация, однако все это не значит, что координация действий не ведется. Не секрет, что с началом мирового спада три страны весьма оперативно приступили к взаимодействию в более широком формате с участием Бразилии — БРИК.

Так, в ноябре 2008 г. в Сан-Паулу и в марте 2009 г. в английском Хоршеме прошли переговоры министров финансов стран БРИК, где в канун встреч в формате «Группы 20» согла-

совывались позиции по вопросам реформирования мировой финансовой системы, определялись пути расширения торгового и инвестиционного взаимодействия в целях преодоления кризиса. В частности, подчеркивалась важность мер по восстановлению доступа реального сектора экономики к кредитам, стимулированию спроса и восстановлению мобильности капиталов¹⁷.

Страны БРИК выступают за повышение роли развивающихся государств в мировых финансовых организациях, за реформирование системы представительства стран, с тем чтобы она отражала их реальный вес в мировой экономике.

Кроме взаимодействия в формате БРИК, Россия, Китай и Индия развивают антикризисное сотрудничество на двустороннем уровне. Причем самым очевидным путем повышения эффективности здесь является скорейшая реализация уже имеющихся соглашений, смелое продвижение крупных инвестиционных проектов, таких, как упомянутое недавнее кредитное соглашение между РФ и Китаем в нефтяной сфере.

Согласно экспертным оценкам Китай и Индия будут одними из первых стран, которым удастся преодолеть последствия кризиса. Перед Россией стоит задача максимальной мобилизации внутренних ресурсов, наиболее полного использования возможностей международного взаимодействия, в том числе с партнерами по РИК и БРИК, с целью минимизации потерь и возобновления уверенного роста. Развитие событий по такому сценарию расширило бы благоприятные перспективы дальнейшего сотрудничества РФ, Индии и Китая как на трехстороннем уровне, так и в формате БРИК.

Примечания

¹ Подсчеты автора по данным Международного валютного фонда «World Economic Outlook Database, Aprile 2009». URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2009/01/weodata/weorept.aspx?sy=2003&ey=2008&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=924%2C922%2C534&s=NGDPD%2CPPPGDP%2CPPPSH&grp=0&a=&pr.x=33&pr.y=9>

² Сайт «Президент России». Выступления. Выступление на конференции Мемориального фонда Дж.Неру. Нью-Дели. Индия. 03.12.2004. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2004/12/03/2344_тupe63376тupe63377_80609.shtml; Пресс-релиз 1-й трехсторонней конференции ученых РИК // Проблемы Дальнего Востока. № 6. С. 16.

³ Совместное коммюнике по итогам трехсторонней встречи министров иностранных дел Индии, России и Китая. Нью-Дели. 14.02.2007. URL: <http://www.mid.ru/ns-asia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc3257282006347c8?OpenDocument>

⁴ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Принята Президентом России Владимиром Путиным и Председателем Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао 21.03.2006 г. URL: http://www.kremlin.ru/interdocs/2006/03/21/1851_тupe72067_103421.shtml?тupe=72067

⁵ «Совместная декларация Китая и Индии». 22.11.2006. Нью-Дели. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/zzjg/yzs/gjlb/1328/1330/t281586.htm>.

⁶ Геополитический семинар в Нью-Дели. ИТАР-ТАСС. 28.03.2008.

⁷ A Shared Vision for the 21st Century of the People's Republic of China and the Republic of India. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zzjg/yzs/gjlb/2711/2713/t399545.htm>

⁸ China India Trade a New Bright spot / URL: <http://english.people.com.cn/90001/90780/91421/6576969.html>

⁹ Сайт Федеральной таможенной службы РФ. URL: <http://www.customs.ru/ru/stats/arhiv-stats-new/porup.php?id286=504>

¹⁰ Сайт Министерства коммерции КНР. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/aarticle/newsrelease/commonnews/200902/20090206038133.html>

¹¹ Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/articles/2008/05/201196/201220.shtml>; <http://www.kremlin.ru/events/articles/2008/12/210187/210200.shtml>

¹² Там же.

¹³ Цит. по: Союз России и двух гигантов // Albaath (Сирия). 21.01.2008. URL: <http://www.inosmi.ru/translation/239041.html>

¹⁴ The America-India-China strategic triangle. The Economist / 02.08.2007. URL: http://www.economist.com/displayStory.cfm?story_id=9587588

¹⁵ Сайт Международного валютного фонда. URL: <http://www.imf.org/external/country/CHN/index.htm> ; <http://www.imf.org/external/country/ND/index.htm>. 18.05.2009.

¹⁶ Жэньминь жибао он-лайн. 30.03.2009. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/6625707.html>; The Financial Express. 06.03.2009. URL: <http://www.financialexpress.com/news/economy-to-grow-6.7-this-fiscal-du-n-&-bradstreet/431367/>

¹⁷ Подготовка к саммиту «G20». Страны БРИК выступают за пересмотр роли МВФ. URL: <http://rodon.org/polit-090319153809>

*А. В. Болятко**

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ НОВОЙ АДМИНИСТРАЦИИ США

Непосредственно перед инаугурацией нового президента США Б. Обамы в январе 2009 г. два наиболее маститых американских политолога, в прошлом «творцы внешней политики США», — З. Бжезинский, бывший советник президента Д. Картера по национальной безопасности, и Г. Киссинджер, советник по национальной безопасности и государственный секретарь в администрациях президентов Р. Никсона и Д. Форда, выступили в СМИ и на различных политических форумах со своими рекомендациями по вопросу основных перспективных направлений американской внешней политики. Значительное место они уделили развитию отношений с Китаем, причем З. Бжезинский даже озаглавил свою статью «Двойка»¹, придавая гипотетическому союзу США и Китая роль ведущей силы мировой политики.

Г. Киссинджер в статье «Шанс для нового миропорядка»² делает упор на идее трансформации отношений государств, лежащих по обе стороны Тихого океана, в проект «общей судьбы»

* Болятко Анатолий Викторович, д. воен. н., профессор, г. н. с. Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

с лидирующей ролью в нем США и КНР. При этом Россия даже не упоминается.

При оценке существующих геостратегических реалий американо-китайских отношений З. Бжезинский использовал цитату из статьи, опубликованной в китайском журнале, где эти отношения характеризуются как «комплексная взаимозависимость», в рамках которой «обе стороны воспринимают друг друга в духе прагматизма и умеренности, что позволяет им конкурировать и вести консультации на основе существующих международных норм»³.

Подобные мысли высказывает и значительное число китайских ученых и экспертов, занимающихся проблемами китайско-американских отношений. Эти специалисты не только считают отношения КНР и США одними из наиболее значимых в комплексе двусторонних связей обеих сторон, но и отводят им ключевую роль важного условия безопасности и развития всего мира. При этом подчеркивается, что факторы противостояния двух стран эволюционируют в сторону уменьшения, в то время как факторы сотрудничества приумножаются. В целом китайские специалисты отмечают, что отношения между Китаем и США развиваются в направлении зрелости и устойчивости, что подтверждается в ходе широких контактов стран на высоком уровне⁴.

По мнению З. Бжезинского⁵, Китай, укрепляющий свои позиции на мировой арене, выступает за ряд важных изменений в системе международных отношений, причем, добиваясь их, проявляет терпение, продвигаясь благоразумным и мирным путем. Особенно высоко оценивается тот факт, что в стратегическом мышлении Пекин отошел от концепции глобальной классовой борьбы и насильственных революционных преобразований и что акцент теперь делается на «мирном усилении» его международного влияния в целях достижения «гармоничной ситуации на мировой арене».

Подобные точки соприкосновения помогают США и Китаю улаживать остающиеся или потенциальные разногласия и сотрудничать, например, в решении тех проблем, которые возникают в связи с северокорейской ядерной программой. Именно

взаимозависимость является базой и предпосылкой развития американо-китайских отношений; она позволяет успешно решать и другие вопросы даже тогда, когда взгляды на них у сторон расходятся. Поэтому следует укреплять и углублять геостратегическое сотрудничество двух стран, не ограничиваясь такой текущей задачей, как взаимодействие в борьбе с экономическим кризисом.

США необходимо добиваться, чтобы Пекин напрямую участвовал в диалоге с Ираном, поскольку последствия провала переговорного процесса с этой страной скажутся и на самом Китае. Результатом американо-китайских консультаций по проблеме индийско-пакистанских отношений могло бы стать формирование более эффективных, пусть и неформальных, посреднических функций Вашингтона и Пекина, необходимость чего очевидна. Конфликт между Дели и Исламабадом способен привести к разрушительным последствиям не только для Южноазиатского региона. Китаю также следует активно участвовать в урегулировании палестино-израильского конфликта, чреватого религиозной радикализацией и дестабилизацией Ближнего Востока. Китаю и США необходимо выработать совместный подход по вопросам устранения рисков общемирового масштаба, связанных с климатическими изменениями. Две страны должны изучить возможность создания более многочисленных миротворческих сил ООН постоянной готовности, которые можно было бы направлять для урегулирования ситуации в «несостоятельных» государствах. Сторонам нужно тесно сотрудничать в вопросах преобразования нынешней «Большой восьмерки» ведущих промышленно развитых стран в «группу четырнадцати» или «группу шестнадцати», что позволило бы расширить круг государств, принимающих решения общемирового значения, и углубить координацию действий по преодолению экономического кризиса.

Однако чтобы все это стало возможным, двум странам для начала необходимо образовать некую неформальную «двойку». Отношения между Китаем и США должны носить характер всеобъемлющего партнерства, подобного отношениям США с ЕС и Японией. Нужно наладить процедуру регулярных нефор-

мальных встреч высших руководителей Китая и США, чтобы они могли лично проводить углубленные дискуссии не только по вопросам двусторонних отношений, но и по международной проблематике в целом. По мнению З. Бжезинского, речь идет о весьма амбициозных задачах как в политическом, так и в философском плане. Тезис Пекина о необходимости «гармонизации» международных отношений мог бы послужить весьма действенной отправной точкой для американо-китайских саммитов. В эпоху, отмеченную возрастанием опасности крайне разрушительного «столкновения цивилизаций», в высшей мере необходимы целенаправленные усилия для подлинного примирения цивилизаций. Эта задача должна найти отклик у президента Б. Обамы, внутренне склонного к урегулированию противоречий. Несомненно, ее позитивно воспримет и председатель Ху Цзиньтао — автор концепции «гармоничного мира». Речь идет о миссии, достойной двух стран, обладающих уникальным потенциалом в формировании будущего человечества.

Г. Киссинджер в своей статье высказал мнение, что с приходом в Белый дом новой администрации Америка и ее потенциальные партнеры обретают уникальную возможность превратить момент кризиса в «предвидение надежды»⁶.

Проблемы кризиса можно преодолеть лишь совместными усилиями. Даже самые богатые страны столкнутся с сокращением имеющихся у них ресурсов. Каждому государству придется пересмотреть свои национальные приоритеты. Если будет создана система общих приоритетов, то это приведет к формированию нового мирового порядка. Но если приоритеты различных международных партнеров согласовать и выверить все-таки не удастся, то это будет иметь катастрофические последствия и повлечет за собой распад ныне существующего миропорядка.

В создании нового мирового порядка важную роль играет КНР. Взаимосвязи Китая и США, которые начинались в основном как парадигма стратегического сдерживания противника, с годами превратились в один из краеугольных камней системы международных отношений. КНР фактически позволила Америке наращивать внутреннее потребление, скупив американские долги. США помогли модернизировать и реформиро-

вать китайскую экономику, открыв свои рынки для производимых ею товаров. Китай в полной мере проявил себя как ответственный член клуба сверхдержав.

США и Китай, находящиеся на противоположных берегах Тихого океана, нуждаются в двустороннем сотрудничестве для ликвидации последствий мирового финансового кризиса. Глобальный финансовый кризис разрушил китайские экспортные рынки, поэтому сейчас КНР сосредоточила усилия на развитии своей инфраструктуры и внутреннего потребления. Америка нуждается во взаимодействии с Китаем, чтобы решить проблемы своего бюджетного дисбаланса, не допустить его «взрывоопасный» дефицит и предотвратить разрушительную инфляцию.

Характер и специфика будущего глобального экономического порядка в значительной степени зависят от того, как Китай и Америка будут строить свои взаимоотношения в ближайшие годы. Китайско-американские отношения нужно поднять на новый уровень. Сегодняшний кризис можно преодолеть лишь при осознании общности целей. Такие вопросы, как распространение оружия массового уничтожения, энергетика и изменение климата, требуют укрепления политических связей между Китаем и Соединенными Штатами.

З. Бжезинский также считает, что нынешнее поколение лидеров имеет возможность трансформировать взаимоотношения государств по обе стороны Тихого океана в «проект общей судьбы», как это было с трансатлантическими отношениями в послевоенный период. Разница состоит в том, что существующие сегодня вызовы носят в большей мере политический и экономический характер, нежели военный. По мнению американского политолога, этот проект должен включать и такие страны, как Япония, Корея, Индия, Индонезия, Австралия и Новая Зеландия, которые могут присоединиться к нему в рамках общих тихоокеанских и региональных структур, действующих в конкретных сферах, например, в таких, как энергетика, нераспространение оружия массового уничтожения и охрана окружающей среды.

Примечательно, что ни З. Бжезинский, ни Г. Киссинджер не упоминают в своих статьях Россию, словно ее уже нет на геополитическом поле: речь идет в основном о Европе и Китае.

В ходе телефонной беседы с президентом Б. Обамой, состоявшейся 30 января 2009 г., председатель Ху Цзиньтао сказал, что Китай готов укреплять диалог и взаимодоверие, а также расширять сотрудничество с США для совместного отражения различных глобальных вызовов и для содействия стабильному развитию китайско-американских отношений. Б. Обама ответил, что американская сторона надеется на более тесное взаимодействие с Китаем для разрешения важных международных и региональных вопросов; американская администрация намерена совместно с Китаем активизировать развитие двусторонних отношений и придать им более конструктивный характер.

Свой первый зарубежный визит (в феврале 2009 г.) новый государственный секретарь США Х.Клинтон совершила по странам Азии: она посетила Японию, Южную Корею, Индонезию. Но кульминацией зарубежного турне госсекретаря стал Китай. В Пекине Х. Клинтон не только встретила со своим китайским коллегой Ян Цзечи, но и провела переговоры с премьером госсовета Вэнь Цзябао и председателем КНР Ху Цзиньтао. Во время этих встреч она подчеркивала, что США намерены уделять больше внимания отношениям с КНР и не станут омрачать вопросы экономического сотрудничества сторон постоянными придирками по поводу состояния демократии и прав человека в Китае, хотя и будут иногда напоминать о существовании этих проблем. Более того, госсекретарь признала, что Вашингтон готов всерьез обсуждать вопросы, связанные с геополитическими устремлениями Пекина в долгосрочной перспективе. На встрече с главой китайского МИД госсекретарь отметила важность для США намерений КНР как в отношении шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблеме, так и в отношении Афганистана и Пакистана, где у Китая есть и исторически сложившиеся интересы, и текущие экономические и стратегические планы.

Все это означает, что новая администрация США готова пересмотреть позицию в отношениях с Китаем, которые в последние годы развивались непросто. В Вашингтоне при администрации Дж.Буша взяли на вооружение теорию «огоражива-

ния» Китая, для чего США начали укреплять военный союз с Японией, Южной Кореей и Австралией, приняли решение создать на Тихом океане систему противоракетной обороны.

В марте 2009 г. администрация США провозгласила новую стратегию в отношении одной из ключевых азиатских проблем — положения в Афганистане. Установлена четкая и, как считают в Вашингтоне, достижимая цель — разгромить «Аль-Каиду» и уничтожить ее опорные базы, ведя борьбу с экстремистами не только на афганской территории, но и в соседнем Пакистане, которому обещана дополнительная экономическая и военная помощь. Важным элементом новой стратегии является энергичное вовлечение в эту активность других государств. США намерены добиваться поддержки и содействия со стороны своих союзников по НАТО, государств Центральной Азии, стран Персидского залива, Ирана, России и Китая.

Предложив мировым державам разделить ответственность за афганское урегулирование, новая администрация США надеется существенно ослабить ключевой аргумент своих оппонентов, настаивающих на том, что истинной целью операции в Афганистане является не борьба с терроризмом, а усиление военно-политического влияния США в Центральной Азии. Нестабильность в Афганистане позволяет США поддерживать постоянную напряженность у границ Китая, Индии, Ирана, дестабилизировать ситуацию в странах Средней Азии, создавая тем самым permanently растущую угрозу государствам региона. Пополнение числа военных баз и группировок США, размещенных в Японии, Южной Корее и в некоторых других странах АТР, военными базами в Центральной Азии обеспечивает Америке контроль над континентальной частью Евразии, а также (со стороны Тихого и Индийского океанов) над основными стратегическими объектами почти всех азиатских стран. Поэтому указанные американские военные базы способны стать как минимум фактором мощного силового давления на Россию, Китай, Иран, Пакистан и Индию, особенно в случае обострения военно-политической обстановки. Кроме того, военное присутствие может использоваться США для манипулирования региональными противоречиями и для поддержки различных

организаций с целью воздействия на правительства стран региона.

Стратегическому сближению США и КНР способствуют факторы прежде всего финансового порядка. Так, Пекин является крупнейшим в мире покупателем облигаций казначейства США (в них содержится свыше 700 млрд из 1,95 трлн долл. золотовалютных резервов КНР), финансируя таким образом дефицит американского платежного баланса. Х. Клинтон активно призывала собеседников в Пекине и дальше скупать эти ценные бумаги. «В китайских интересах, чтобы экономика США начала демонстрировать рост. Продолжив поддержку казначейских инструментов США, Китай признает нашу взаимную зависимость. Мы поднимемся или упадем вместе. Мы в одной лодке, и хорошо, что мы гребем в одном направлении», — отметила госсекретарь. Госпожу Клинтон заверили, что пока у Китая и в мыслях нет прекращать скупку облигаций. «Облигации США — это единственная стабильная инвестиция для Китая», — заявил глава комиссии КНР по банковскому регулированию Ло Пин⁷. В итоге госсекретарь США высказала идею дополнить стратегический диалог с КНР в финансовой сфере (встречи на уровне вице-премьера КНР и главы казначейства США проходят несколько раз в год) созданием постоянного диалогового механизма высшего уровня. Его прообразом может стать комиссия «Гор—Черномырдин», работавшая в годы президентства Б. Клинтона. Но на этот раз подобную комиссию Вашингтон намерен создавать уже не с Россией.

Впрочем, Пекин продемонстрировал, что для формирования особых партнерских отношений на уступки придется пойти и Вашингтону: в частности, отказаться от критики Китая по вопросам прав человека, а также занижения курса юаня. В недавно опубликованном госдепом США докладе о правах человека Китаю посвящено 80 страниц текста; Россия — на втором месте (68 страниц). МИД КНР жестко отреагировал на доклад, обвинив его составителей в искажении основных фактов и выдвигании безосновательных обвинений в адрес Китая. «Доклад свидетельствует о слепоте в отношении исторических достиже-

ний Китая в области прав человека, которые получили признание во всем мире», — говорится в заявлении МИД КНР⁸.

Непосредственным следствием сдвига в американо-китайских отношениях явилось сообщение о восстановлении военных связей двух стран, разорванных в октябре 2008 г. по причине продажи американского оружия Тайваню на сумму 6,5 млрд долл. Пекин посетила делегация Пентагона во главе с заместителем помощника министра обороны США Д. Синди. На переговорах с коллегами из КНР были обсуждены вопросы двусторонних военных связей, проблемы региональной и глобальной безопасности, потенциальные сферы сотрудничества между военными двух стран, включая борьбу с пиратами, т. е. те темы, которые подняла госсекретарь США во время визита в Пекин.

1 апреля 2009 г. в Лондоне в ходе совещания руководителей «G-20» по вопросам борьбы с мировым кризисом состоялась встреча председателя КНР Ху Цзиньтао и президента США Б. Обамы. Она прошла на мажорной ноте: участники встречи договорились установить в XXI в. «отношения позитивного и всеобъемлющего сотрудничества» с целью углубления двустороннего взаимодействия в различных областях⁹. Главы двух государств согласились создать механизмы китайско-американского стратегического, а также экономического диалогов. Председатель КНР назначил заместителя премьера Госсовета Китая Ван Цишаня и члена Госсовета Дай Бинго специальными представителями в соответствующих китайско-американских структурах, а президент Б. Обама выдвинул на пост спецпосланников от американской стороны кандидатуры госсекретаря Х. Клинтон и министра финансов Т. Гайтнера. Дай Бинго и Х. Клинтон станут сопредседателями стратегического диалога, а Ван Цишань и Т. Гайтнер — экономического. Первый раунд стратегического и экономического диалогов между Китаем и США был намечен на лето 2009 г. в Вашингтоне.

В ходе беседы с президентом США Ху Цзиньтао заявил, что благоприятные отношения с США не только отвечают интересам народов двух стран, но и содействуют миру, стабильности и процветанию в АТР и в мире в целом. По его словам, после прихода Б.Обамы к власти китайско-американские отношения

получили хороший старт: стороны достигли консенсуса по направлениям развития китайско-американских отношений в новую эпоху, а также по созданию механизма китайско-американских стратегического и экономического диалогов. При этом Ху Цзиньтао подчеркнул, что вне зависимости от того, как будет развиваться ситуация в Тайваньском проливе, Китай будет неизменно придерживаться политики одного Китая и решительно выступать против заявлений о «независимости Тайваня», «одном Китае и одном Тайване» и о «двух Китаях».

Б. Обама в свою очередь подтвердил приверженность американской администрации политике одного Китая и трем американо-китайским совместным коммюнике, добавив, что эта позиция не изменится. По его словам, США приветствуют и поддерживают усилия для улучшения отношений между двумя берегами Тайваньского пролива, а также надеются на большой прогресс в этих отношениях. Американский президент указал, что отношения между США и Китаем стали весьма конструктивными, а экономические связи сторон являются очень крепкими. По его мнению, американо-китайские отношения не только имеют большое значение для граждан обеих стран, но и предоставляют миру платформу для противодействия вызовам¹⁰.

В то же время на фоне благостных сообщений об американо-китайских контактах на высоком уровне текущее практическое взаимодействие Китая и США нельзя назвать бесконфликтным. В частности, КНР выступила против введения Вашингтоном ограничений на импорт из Китая текстильных изделий, а Министерство обороны КНР выразило серьезное недовольство и протест по поводу публикации в США доклада о военной мощи Китая, полагая, что доклад Пентагона искажает реальные факты развития системы обороны КНР. Официальный представитель министерства обороны Ху Чанмин отметил, что в этом документе приводятся необоснованные данные, ставящие под сомнение правомерность допустимого наращивания военной мощи Китая, которая представляется в докладе угрозой для соседнего Тайваня. В докладе Пентагона утверждается, что Пекин скрывает расходы на оборонные нужды и тратит на эти цели значительно больше средств, чем объявляет офици-

ально. В 2008 г. китайцы якобы израсходовали на оборону от 105 до 150 млрд долл., тогда как, по официальным данным, военный бюджет страны составил 60,1 млрд. В документе также отмечается, что Пекин развивает наступательные ядерные технологии и методы борьбы в киберпространстве, хотя технологические новшества, которые разрабатываются и внедряются китайскими военными, в основном имеют оборонное назначение. Тем не менее все эти факты, как считают в Пентагоне, нарушают баланс сил и могут сказаться на обстановке во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе¹¹.

В Южно-Китайском море произошел еще один инцидент, отразившийся на развитии китайско-американских отношений. Пять китайских кораблей вытеснили из района, расположенного в 120 км южнее острова Хайнань, океанографическое судно «Импекэбл», входящее в состав 7-го флота ВМС США. По заявлениям Пекина, это было сделано в связи с тем, что судно занималось незаконной деятельностью в китайских водах. В США выразили резкий протест по поводу «агрессивных действий» КНР в международной акватории и подчеркнули, что американские корабли продолжают выполнять свои задачи в Южно-Китайском море. По существу, Вашингтон, не отрицая, что «Импекэбл» занимается разведывательной деятельностью, тем не менее требует от Пекина не препятствовать судну находиться вблизи китайских берегов. Более того, США направили для его сопровождения еще и ракетный эсминец¹².

Военная сфера — это самый чувствительный аспект сотрудничества двух стран. Она постоянно проходит «испытания на разрыв» из-за существующих взаимных подозрений в чрезмерном наращивании военных приготовлений. Пекин вполне справедливо указывает на увеличение численности группировки авианосцев и атомных подводных лодок США в Тихом океане, перебрасывание в регион американских боевых самолетов, в том числе стратегических бомбардировщиков, проведение США совместно с союзниками крупных военных маневров. Пекин не может не беспокоить факт развертывания в регионе американской системы ПРО, направленной против китайского ракетно-ядерного потенциала, а также многое другое, что до сих пор

преподносилось Вашингтоном как меры, направленные на сдерживание Китая. Рассчитывать на то, что новая американская администрация откажется от подобной активности, не приходится. Как и на то, что Пекин смирится с ней, тем более вблизи своих берегов.

Есть и другие области, в которых между Китаем и США существуют серьезные противоречия. В части тайваньской проблемы США, заявляя о приверженности политике «одного Китая», в то же время продолжают снабжать Тайбэй различными вооружениями, что, по мнению Пекина, осложняет обстановку в Тайваньском проливе. И новая американская администрация не намерена отказываться от этой практики. Во всяком случае, Б.Обама, отвечая на вопрос относительно оружейных сделок с Тайбэем, констатировал отсутствие каких-либо изменений в этой сфере. Точно так же США поступают при решении северокорейской ядерной проблемы. Ратуя на словах за скорейшую денуклеаризацию Корейского полуострова, Вашингтон постоянно провоцирует Пхеньян, заставляя его раз за разом прибегать к ядерному шантажу. Все это, с одной стороны, позволяет США сохранять свое присутствие на полуострове, но с другой — до предела нагнетает обстановку в регионе, ставит развитие ситуации на грань войны. И естественно, что это вызывает у Китая серьезную обеспокоенность.

Решительно не приемлют в Пекине и американскую позицию в отношении Тибета. Очередным свидетельством этому стала реакция КНР на принятие конгрессом США резолюции, призывающей Китай положить конец репрессиям в Тибете. Комитет по внешней политике Всекитайского собрания народных представителей охарактеризовал ее как «грубое вмешательство во внутренние дела Китая»¹³. Ян Цзечи в ходе пребывания в Вашингтоне также подчеркнул, что вопрос Тибета касается исключительно суверенитета и территориальной целостности самого Китая и что его страна требует, чтобы США прекратили вмешательство в ее внутренние дела.

С учетом всех этих и других факторов нетрудно предположить, что глобальное противостояние между США и КНР будет нарастать и принимать все более острые формы. Вместе с тем не

исключено, что во имя неких тактических схем Пекин и Вашингтон могут пойти на более тесное взаимодействие. В связи с этим России следует обратить особое внимание на защиту своих интересов от возможных негативных для нее последствий углубления американо-китайского партнерства. Необходимо активизировать сотрудничество с Пекином на двусторонней основе в рамках ШОС, БРИК, АТЭС и других организаций и структур и параллельно этому — интенсифицировать диалог с Вашингтоном, делая акцент на вопросах, выгодных для обеих сторон.

Примечания

¹ Financial Times. 14.01.2009.

² International Herald Tribune. 13.01.2009.

³ Liaowang Magazine. 14.07.2008.

⁴ Китайские исследователи-американисты об особенностях современной фазы развития отношений между Китаем и США // Экспресс-информация. Бюллетень № 8. М.: ИДВ РАН, 2008.

⁵ Financial Times. 14.01.2009.

⁶ International Herald Tribune. 13.01.2009.

⁷ По материалам газеты «Жэньминь жибао».

⁸ Цит. по: URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1235648040>

⁹ <http://russian.people.com.cn/31520/6627686.html>

¹⁰ Там же.

¹¹ Красная звезда. 12.03.2009.

¹² Там же. 17.03.2009.

¹³ Цит. по: URL: <http://www.navy.ru/nowadays/concept/opposite/impeccable.htm>

*С. Г. Лузянин**

ПОЛИТИКА РОССИИ И КИТАЯ В «КЛАССИЧЕСКОЙ» ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ИХ ОБНОВЛЕННОГО ИМИДЖА В РЕГИОНЕ

Понятие «Центральная Азия» в современной политологии еще не получило унифицированной трактовки, поэтому видится целесообразным пояснить примененный в статье термин «классическая» Центральная Азия. Крупные страны и международные «игроки», имеющие свои политические и экономические интересы по всему миру и/или во многих его регионах (РФ, Китай, США, Евросоюз, Индия и ряд исламских государств), зачастую по-разному определяют пределы Центральной Азии (ЦА). В мировом политическом и научном обороте присутствует: а) «классическая» Центральная Азия, северо-запад которой лежит на границах СССР/России с Китаем и Монголией, на востоке регион простирается до Большого Хингана, Ордосской излучины реки Хуанхэ и Сино-Тибетских гор в Китае, а на юге доходит до верхнего Инда (север Индии), а также б) «новая», или постсоветская, Центральная Азия в составе Казахстана,

* Лузянин Сергей Геннадьевич, д. и. н., проф., зам. директора ИДВ РАН, руководитель Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 09-03-00688 а/р.

Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Термин «Центральная Азия» был введен в мировой политический оборот в 1993 г., когда на встрече глав государств, ранее входивших в состав СССР, прозвучало предложение именно так именовать регион в составе указанных пяти стран¹.

Рост влияния Китая в «классической» Центральной Азии очевиден. Для России развитие стратегических отношений с КНР в данном регионе обеспечивает как сегодняшние, так и завтрашние приоритеты и потребности кооперации, поэтому понятен большой интерес РФ к различным механизмам и проектам азиатского сотрудничества, в которых Китай уже имеет прочные позиции и большой опыт. В политическом плане очевидно, что рост влияния КНР не поддерживается США и их союзниками, наоборот, через те или иные структуры они пытаются сдержать этот процесс, используя зачастую не всегда корректные средства. Россия для Китая на азиатских площадках — естественный союзник против роста гегемонизма и диктата одной страны. Взгляды двух стран по проблемам стратегической безопасности в ЦА, кооперации и развития сотрудничества в регионе или близки, или совпадают.

Международно-правовой уровень отношений двух стран, как известно, базируется на фундаментальной основе китайско-российского сотрудничества, включающей в себя тысячи документов и обеспечиваемой работой десятков межведомственных комиссий и структур. Ключевым для двух стран стало подписание в Москве Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР 16 июля 2001 г. Документ отразил реалии двусторонних отношений — общее стремление РФ и КНР содействовать становлению многополярного мира, эффективно противодействовать международному терроризму, а также разрушительным мировым финансово-экономическим кризисам. Россия определила свое отношение к бурно развивающемуся Китаю как к долговременному, стратегическому партнеру.

В XXI в. усиливается зависимость Китая от российских энергетических ресурсов и зависимость России от китайских инвестиций и технологий, опыта интеграции в мировое хозяйство, умелого сочетания либеральных и государственных подхо-

дов в экономике. Реализована важная задача системного взаимопроникновения двух культур и цивилизаций. В 2006 г. успешно прошел Год России в Китае, а в 2007 г. — Год Китая в России, которые показали, что сложившаяся структура неформальных, народных отношений меняется в лучшую сторону. Фактически руководители РФ и КНР сделали процесс российско-китайского сближения качественно более высоким.

Постсоветская Центральная Азия. Проблемы сравнительной эволюции образов РФ и КНР в регионе

В условиях воздействия мирового финансового кризиса на регион постсоветской Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан) роль и значение России и Китая в оказании помощи по реализации антикризисных национальных программ приобретают особое значение. Сравнительный анализ образов России и Китая показывает, что происходит заметная эволюция восприятия РФ и КНР в регионе. По представлениям политических элит и общественности стран ЦА в плане безопасности и экономического сотрудничества, Россия и Китай объективно выходят на первые позиции как наиболее эффективные государства, способные предоставить широкий спектр услуг и возможностей, как на двустороннем уровне взаимоотношений, так и в многосторонних форматах, в рамках Шанхайской организации сотрудничества, ОДКБ, ЕврАзЭС. Кроме того, на фоне западных дискуссий по поводу якобы подрывных действий и наличия «опасных и коварных» китайских стратегем в отношении Центральной Азии российские и китайские начинания на самом деле реально работают на поддержку отсталых стран региона, развитие их экономик, инфраструктур, на подъем социального уровня жизни населения, усиливая позитивное восприятие двух стран в Центральной Азии.

Вместе с тем процесс формирования имиджа России и Китая в ЦА имеет специфику, связанную как с исторической ос-

новой российского (советского) и китайского присутствия в регионе, так и с современными реалиями двусторонних взаимодействий РФ и КНР с каждым из центральноазиатских государств. В самом общем виде историческая база российских позиций, и прежде всего общее советское прошлое, несмотря на сохранившиеся отрицательные настроения среди населения и политических элит региона в отношении идеологии КПСС и ее национальной политики, в большей мере работает именно на позитивный образ России. Страны Центральной Азии в основном сохранили индустриальную, инфраструктурную и культурно-языковую базу, сложившуюся в период СССР, которая сегодня успешно работает на модернизацию уже независимых государств.

Исторический же опыт взаимодействия Китая с народами региона в основном связан с попытками Цинской и других династий укрепить зависимость данного региона, превратить центральноазиатские народы в вассалов Поднебесной. В сознании казахов, киргизов, таджиков, уйгуров и многих других этносов сохранился отрицательный исторический стереотип Китая, воспринимаемый как некая угроза их независимости. С другой стороны, современный опыт взаимодействия КНР с центральноазиатскими государствами меняет данный (традиционный) стереотип, создавая новый, позитивный имидж Китая как экономически мощного государства, способного принести пользу слабым экономикам ЦА.

Китайско-казахстанская модель. Очевидно, что Казахстан остается главным приоритетом для Китая в регионе ЦА в плане развития двустороннего сотрудничества. По мнению вице-президента Китайского института международных отношений Ши Цзэ, сотрудничество в энергетическом секторе Китая и Казахстана является отправной точкой и ведущим мотивом расширяющегося взаимодействия Китая в экономической и торговой сферах со странами Центральной Азии². На РК приходится порядка 80 % товарооборота между Китаем и всеми центральноазиатскими странами — членами ШОС. Основные позиции экспорта Казахстана в Китай — это сырьевые ресурсы (энергонасители (нефть, газ) — 63 %, черные и цветные металлы (в большой

мере в форме металлолома), сталь — 24 %). Взамен Казахстан получает продукцию машиностроения и металлообработки (72 %), продовольствие (11 %) и другие позиции, в основном — товары широкого потребления, значительную часть которых вполне можно было бы производить в самой РК. Увеличение идет и за счет трансграничной зоны свободной торговли, открывшейся в 2006 г. на китайско-казахстанской границе. В 2008 г. взаимная торговля превысила 14 млрд долл. Объем инвестиций Китая в РК, по китайским официальным данным, составил в 2006 г. 1,3 млрд долл.³ Очевидно, что в отношениях двух стран произошел качественный сдвиг. Китайско-казахстанское сотрудничество стало системным и вышло на сопоставимый с «большими» евразийскими державами (Индией, Россией) уровень. Таким образом, имидж КНР в Казахстане связан с формированием некоего «инвестиционного образа» богатого государства, вкладывающего большие деньги в казахстанский ТЭК и значительно опережающего Россию в данной сфере. Кроме положительных моментов, в общественном мнении Казахстана и СМИ проявляется и недовольство (опасения) массированным китайским участием в освоении нефтегазовых ресурсов Казахстана.

Тандем Россия—Казахстан в настоящее время обеспечивает стабильность в Центральной Азии, из чего вырисовывается несколько иной (в отличие от китайского) образ России как государства-партнера по вопросам безопасности в регионе. На это работают не только двусторонние проекты, но и совместное участие в ОДКБ.

Принципиально важными для Астаны и Москвы в 2006 г. были: 1) ратификация парламентами соглашения 2005 г. о российско-казахстанской границе и 2) подписание в Астане в январе документов о создании Евразийского банка развития (ЕБР) с уставным капиталом 1,5 млрд долл., $\frac{2}{3}$ из которых предоставила Россия, а $\frac{1}{3}$ — Казахстан. При этом на территории двух стран, а в будущем и тех государств, которые присоединятся к работе этого международного финансового учреждения, банк освобождается от любых налогов, сборов и пошлин. Политика России в Казахстане — это новое качество политиче-

ского доверия, диверсификация российских проектов (энергетика, химпром, инвестиции, космос, банковское дело), рост двустороннего товарооборота за счет российского экспорта. Так, торговля в 2004 г. оценивалась в 7 млрд долл. В 2005 г. она выросла до 9,749 млрд долл. (российский экспорт — 6,524 и импорт — 3,225), в 2006 г. — 12,808 млрд долл. (российский экспорт — 8,969, импорт — 3,839), в 2007 г. — 14,2 млрд долл. По данным за 2008 г., она составила более 16,5 млрд долл.⁴

20 декабря 2007 г. было подписано трехстороннее соглашение о строительстве Прикаспийского газопровода между Россией, Казахстаном и Туркменистаном. В мае 2007 г. — четырехстороннее соглашение о расширении мощностей системы газопроводов Средняя Азия—Центр (САЦ), подписанное Россией, Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Из документов видно, что уже в ближайшее время для России, Китая и собственно Казахстана важным станет вопрос казахского газового транзита. В перспективе через Казахстан может проходить 80—100 млрд куб. м газа в год, он станет перекрестком, на котором туркменский и узбекский газ будет сворачивать либо в Россию, либо в Китай.

Сравнивая «имиджевые» особенности двух моделей регионального сотрудничества — КНР—Казахстан и РФ—Казахстан, следует отметить не только некоторые (объективные) несовпадения интересов внутри указанных пар, но и возможность купирования возникающих разногласий в случае, если кооперация этих государств (в частности, по энергетическим вопросам) будет осуществляться на трехстороннем уровне — РФ—КНР—РК.

Как известно, китайско-казахстанские договоренности (переговоры Н. Назарбаева и Ху Цзиньтао в 2003 и 2004 гг.) о строительстве нефтепровода в Китай и развитии китайской инвестиционной активности в нефтегазовой сфере Казахстана были позитивно восприняты в России далеко не всеми экспертами. Некоторые рассматривали их как некие скрытые антироссийские шаги со стороны Астаны. Другие считали, что Китай активизировал свою казахстанскую политику по причине консервации тогда Россией Дацинского проекта. Отдельные аналитики, наоборот, рассматривали активизацию китайско-казахстанского

нефтяного сотрудничества как желание Пекина и Астаны создать альтернативный западным компаниям энергетический «коридор» в сторону Китая, подчеркивая, что это не несет России каких-либо вызовов и угроз⁵.

Проецируя эту дискуссию на сегодняшние реалии, следует отметить, что все взаимные подозрения 1990-х годов ушли в прошлое. РФ, КНР и РК доказали свое право на диверсификацию энергетического экспорта без ущерба друг другу. В 2003 г. казахстанская сторона впервые поставила вопрос о возможности участия России в поставках нефти в Китай в комбинации с казахстанскими проектами. Многие казахстанские эксперты сомневались по поводу того, что Казахстан сможет одновременно заполнить все трубопроводные системы нефтью, включая и магистральный трубопровод в Китай⁶. В связи с этим вырисовываются перспективы нового энергетического сотрудничества Москвы и Астаны. Ряд казахстанских компаний предлагают российским коллегам рассмотреть возможности увеличения пропускной способности российской нефти до 30 млн т в год через недогруженный нефтепровод Атырау — Самара и другие транзитные нефтепроводы с перспективой экспорта российской нефти по будущему магистральному трубопроводу в Китай⁷. Для России участие в подобном проекте может быть достаточно перспективным, так как формирование своеобразного российско-казахстанского нефтяного картеля усилило бы позиции Москвы и Астаны как продавцов на мировых нефтяных рынках.

Китайско-туркменские отношения базируются на перспективах строительства и открытия (в 2011 г.) нового газопровода Туркменистан — Китай, развития энергетического сотрудничества. Кончина Сапармурада Ниязова в декабре 2006 г. и избрание в феврале 2007 г. нового руководителя Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова внесли некоторые новые акценты в китайско-туркменские отношения. Пекин был встревожен возможностью политической дестабилизации в Ашхабаде и отхода нового руководителя от традиционного нейтралитета в сторону большего сближения с Западом, что могло бы отрицательно сказаться на сложившихся стабильных отношениях двух стран.

Смена руководства заставила Пекин интенсифицировать подготовку газовых проектов по планируемому импорту туркменского газа. Практическая реализация проекта газопровода началась в августе 2007 г.

Взаимная торговля КНР и Туркменистана за период 1997—2008 гг. увеличилась с 19 (1997 г.) до 453 млн долл. (2008 г.). Основные статьи таджикистанского экспорта в КНР — это энергоносители и продукция нефтехимической промышленности (порядка 85 %), хлопковое волокно и иное текстильное сырье, лакричный корень, продукция текстильной и легкой промышленности. Китай поставляет в РТ продукцию производственно-технического назначения и стройматериалы (около 60 % туркменского импорта), потребительские товары (более 30 %). В Туркменистане реализуются 37 инвестиционных проектов с участием китайских компаний. Пока общий объем инвестиций составляет 382,6 млн долл. и 360 млн юаней. Проекты в основном размещены в сырьевой (нефтегазовой) отрасли (более половины всех проектов), транспортной сфере, телекоммуникационной отрасли, в легкой промышленности и сельском хозяйстве. На территории страны зарегистрировано 13 предприятий с участием китайского капитала, которые поставляют оборудование и оказывают услуги в нефтегазовом секторе, в сфере транспорта, здравоохранении, оптово-розничной торговле и туризме. За последние 5 лет объем услуг китайских нефтегазовых компаний и поставок их оборудования составил 293 млн долл.⁸

Современный формат *отношений Туркменистана и России* в газовом секторе связан с перспективами туркменских газовых поставок в Россию. Существующие еще с советских времен трубопроводные сети Средняя Азия—Центр уже сегодня не справляются с объемами прокачки газа. В случае увеличения поставок потребуются строительство новых трубопроводов и соответственно увеличение российских либо иных (китайских, иранских, казахстанских) инвестиций в проекты. Российские эксперты считают, что Россия и Китай «сталкиваются лбами» в восточном Туркменистане⁹. Россия, как известно, планирует значительное расширение импорта туркменского газа по сети САЦ. В условиях реализации китайско-туркменских газовых

проектов Туркменистан может устроить некий аукцион по ценам на свой газ. «Газпром» традиционно был ориентирован на сохранение монополии и низких импортных цен. Однако для России сохранить монополию на закупку туркменского газа будет достаточно сложно.

Торговля между РФ и Туркменистаном в 2004 г. достигла 285,2 тыс. долл. (экспорт РФ — 242, импорт — 43,2), в 2005 г. — 301,2 (экспорт РФ — 224, импорт — 77,2), в 2006 г. — 307,9 тыс. долл. (экспорт РФ — 229, импорт — 78,9) при высоком положительном сальдо для России¹⁰.

Каспийская проблематика также напрямую влияет на российско-туркменские отношения. Потенциально общей точкой соприкосновения является взаимный российско-туркменский интерес по совместной разработке энергетических ресурсов Каспия. Как известно, основное препятствие для всех каспийских государств — определение правового статуса моря. В свою очередь эта проблема «распадается» на отдельные двусторонние «опции» в отношениях пяти каспийских государств — России, Казахстана, Ирана, Азербайджана и Туркменистана. Позиция России в целом известна: «вода» — общая, дно должно быть поделено на пять секторов. Уже подписаны российско-казахстанское и российско-азербайджанское соглашения о разделе дна. Остаются нерешенными вопросы по Каспию с Ираном и Туркменистаном.

КНР—Кыргызстан. Непростым испытанием для китайско-кыргызских отношений стала так называемая тюльпановая революция 24—25 марта 2005 г. в Кыргызстане. Китайские эксперты, анализируя ситуацию, высказывали ряд опасений, связанных с китайско-кыргызскими отношениями. Часть из них опасалась активизации трансграничного уйгурского сепаратизма, возможности изменения новым руководством КР отношения к участию в ШОС. В течение 2005—2008 гг. Китай значительно усилил свое торговое присутствие в Кыргызстане. Объем китайско-кыргызской торговли вырос с 97 млн долл. (2005 г.) до 3,7 млрд долл. (2007 г.)¹¹. Причем китайский экспорт в 32,5 раза превышает импорт из Кыргызстана. В настоящее время на Китай приходится почти 90 % всего внешнего товарооборота Кыр-

гызстана. Рост объемов китайско-кыргызской торговли отчасти объясняется реализацией Бишкеком в 2005—2006 гг. китайских (льготных) торговых кредитов. Пекин, стремясь наладить отношения с новым руководством Кыргызстана, увеличил кредитование кыргызского импорта. Создание же трансграничной зоны свободной торговли между КНР и Кыргызстаном еще более убыстрило процесс. Стоимость импорта КР из Китая в 32,3 раза превышает стоимость ее экспорта. Поскольку КНР и КР — члены ВТО, то доступ китайских товаров на рынки Кыргызстана более прост, чем в случае с другими странами ЦА. Экспорт в Китай включает текстильное сырье (преимущественно кожи и шерсть — $\frac{1}{4}$), отходы переработки черных и цветных металлов (порядка 60 %). Ассортимент импорта состоит из машин и оборудования (около 6 %), продовольственных товаров и иных наименований ширпотреба (примерно 85 %)¹². Другими словами, образ Китая для современных кыргызов — государство, активно торгующее с Кыргызстаном, некий «старший торговый брат».

Россия—Кыргызстан. Кыргызстан для России как при первом президенте (А. Акаеве), так и при нынешнем (К. Бакиеве), всегда был одним из форпостов в Центральной Азии. Коллективные силы быстрого развертывания (КСБР) в Канте являются частью структуры Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В сентябре 2003 г. министры обороны России и Кыргызстана подписали договор «О статусе и условиях пребывания российской авиабазы в Киргизии». Официальное открытие авиабазы состоялось 23 октября 2003 г.

Другая особенность «акаевского» периода российско-кыргызских отношений заключалась в том, что российское руководство после известных «цветных революций» в Грузии и в Украине сдержанно относилось к курсу А. Акаева на открытое общение с Западом, демократизацию в стране, которая на деле приводила больше к усилению коррупции и теневого бизнеса. В этот период была создана американская военная база в Кыргызстане (аэропорт Манас), открытая в декабре 2001 г. в рамках антитеррористической операции в Афганистане. Осенью 2003 г. соглашение между правительствами США и Кыргызстана о дея-

тельности базы в Манасе было продлено на 3 года. Сохраняющийся «параллелизм» военного присутствия России и США в Кыргызстане отрицательно влиял на двусторонние российско-кыргызские отношения.

В экономической сфере отмечается постепенное наращивание присутствия российского капитала в Кыргызстане. Инвестиции РФ в экономику республики увеличивались приблизительно на 30 % в год. Объемы торговли распределились следующим образом: в 2004 г. — 413 млн долл. (экспорт РФ — 268, импорт — 150), в 2005 г. — 544 (экспорт РФ — 398, импорт — 146), в 2006 г. — 754 млн долл. (экспорт РФ — 560, импорт — 194)¹³. В 2008 г. объем товарооборота превысил 1 млрд долл., а пакет заявленных инвестиций составил около 2 млрд долл. под конкретные проекты¹⁴.

Приоритеты *узбекского направления политики КНР* связаны со сферой как экономики (энергетический сектор Узбекистана), так и безопасности. Китайско-узбекские отношения после 2005 г. развивались на фоне трагических событий в Андижане. Россия и КНР поддержали действия узбекских властей по подавлению бунта в Андижане, организованного исламским радикальным движением «Акрамийя». Позицию Китая в поддержку И. Каримова эксперты связывали с желанием Пекина ограничить политическое влияние США в Узбекистане, а также с необходимостью оптимизации борьбы с исламским экстремизмом, имеющим в том числе и узбекские корни и проявляющимся в СУАР КНР. После вывода американской базы из Ханабада отношения Ташкента и Пекина получили дополнительный импульс. Радикальный шаг президента И. Каримова прямым образом сказался на дальнейшем росте политического доверия и углубления стратегического сотрудничества Пекина и Ташкента на двустороннем уровне. Принципиально важным в связи с этим был официальный визит 21—24 мая 2005 г. президента Узбекистана в Китай. Итогом переговоров стало подписание договора о китайских инвестициях в разработку узбекских нефтяных месторождений, расширение торговли и китайских инвестиций, активизация совместной борьбы против

терроризма, экстремизма и сепаратизма как на двустороннем уровне, так и в рамках ШОС.

Китай имеет серьезные экономические интересы в Узбекистане, связанные с нехваткой энергетических источников и продуктов питания для растущего населения. В 1990-е годы имидж Китая в Узбекистане был, скорее, нейтральным. Деятельность Поднебесной больше ассоциировалась с поставками дешевого и некачественного ширпотреба на местные вещевые базары. Крупный бизнес РУ был ориентирован в основном на Запад. Однако в 2005 г. ситуация в этом плане стала быстро меняться: акценты и общая риторика в узбекских СМИ относительно Китая приобрели ярко выраженный позитивный характер, что признают и ведущие американские эксперты по региону¹⁵.

Торговля Китая с Узбекистаном достигла 972 млн долл. за 2006 г.¹⁶, что значительно ниже казахстанских и киргизских показателей, а в 2007 г. она превысила 1 млрд долл. Имеется проект строительства газопровода из Узбекистана в Китай. Для этого компания «Узбекнефтегаз» проводит реконструкцию газопровода Мубарек—Янгиер—Андижан—Ош. Также с участием казахских и китайских компаний строится газопровод Ош — Кашгар. Мощность газопровода должна составить не менее 20 млрд куб. м в год¹⁷.

В 2006 г. прямые инвестиции КНР в РУ составляли всего около 100 млн долл. Однако перспективным остается энергетическое направление сотрудничества. Почти на 60 % территории РУ располагаются месторождения углеводородного сырья. Объемы разведанных запасов нефти и газа на открытых месторождениях составляют более 2 трлн т условного топлива. В этом контексте подписание в ходе визита И.Каримова в Китай в 2005 г. соглашения между компанией «Узбекнефтегаз» и Китайской национальной нефтяной компанией (КННК) по созданию СП с объемом прямых инвестиций около 600 млн долл. свидетельствовало о серьезности намерений двух сторон в данной сфере. Кроме того, иностранным инвесторам, участвующим в проведении геологоразведочных работ на территории Узбекистана, предоставлены существенные льготы¹⁸.

РФ—Узбекистан. Президент И. Каримов в конце 1990-х годов, как известно, пытался выстраивать стратегию сближения с США. Россия в Ташкенте воспринималась прохладно, а иногда и открыто враждебно.

Российский экономический рост, наметившийся с 2000 г. (на фоне экономической стагнации в самой узбекской экономике), объективно повысил интерес Узбекистана к России. Не умаляя значения экономической составляющей и ее влияния на эволюцию российской политики Ташкента, представляется, что главным побудительным мотивом к развитию отношений стал комплекс вопросов безопасности. Как известно, Узбекистан, подписав с Россией 16 июня 2004 г. Договор о стратегическом партнерстве, принял активное участие во встрече глав государств ШОС (17—18 июня 2004 г.) — структуры, являющейся все большим противовесом американскому влиянию в регионе. Узбекистан вступил в эту организацию еще в 2001 г. В 2006 г. И. Каримов настоял, чтобы американцы покинули базу в Узбекистане. После долгих переговоров Вашингтон вынужден был подчиниться требованиям Ташкента.

Узбекскому президенту импонировало, что Москва и Пекин не поучают его, как строить и развивать государство, общество и демократию. Их интересовали исключительно вопросы безопасности и экономики, сохранения общего статус-кво в регионе, что полностью совпадало с интересами И. Каримова. Но в начале 2009 г. Ташкент, вспомнивший о выгодах экономического содействия Запада, приостановил свое членство в ЕврАзЭС, что вызвало отрицательную реакцию в Москве.

Китай—Таджикистан. В годы гражданской войны (1993—1997) в Таджикистане Китай, придерживаясь принципов мирного сосуществования и невмешательства во внутренние дела, не встал ни на чью сторону, ограничившись лишь оказанием республике гуманитарной и технической помощи. Товарооборот двух стран в 2005 г. составил 157 млн долл., в 2006 г. — 323, в 2007 г. — 482 млн долл.¹⁹ Основные статьи экспорта Таджикистана в Китай — это сырье (алюминий, другие цветные и редкоземельные металлы, хлопковое волокно), а импорта из Китая — несложная продукция машиностроения, предметы широкого потребления.

В рамках ШОС Таджикистан получил от Китая льготный кредит в 600 млн долл., который используется в основном на строительство ЛЭП-500 «Юг—Север» и ЛЭП-220 в Хатлонской области, а также на строительство тоннеля под перевалом Шар-Шар на дороге Душанбе—Куляб. Китай вносит существенный вклад и в поддержку таджикской легкой промышленности — хлопчатобумажного и шелкового производств²⁰.

По мнению одного из ведущих ученых-экономистов Таджикистана, Хаджимахмата Умарова, именно поток дешевых (в 2—3 раза ниже средних мировых цен) товаров повседневного спроса из Китая помог Таджикистану в программе борьбы с бедностью. За последние два года доля беднейшего населения в общей демографической структуре республики снизилась с 83,4 до 64 %. Существуют проекты участия Китая в реконструкции Душанбинского цементного завода, производстве каустической соды, а также поставок шахтного оборудования и горной техники для разработки месторождений олова и вольфрама. Особое значение для республики имеют поставки малой сельхозтехники и навесного оборудования к ней, а также агрегатов для малых ГЭС и ветроэнергетических установок в высокогорные районы²¹.

За 2006—2007 гг. поддержка китайской стороной строительства первой из серии каскадов гидроэлектростанций в Зеравшанской долине свидетельствовала о твердом желании КНР качественно увеличить свою инвестиционную активность в республике.

15 января 2007 г. в Пекине состоялась встреча председателя КНР Ху Цзиньтао с президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном. Стороны дали высокую оценку результатам развития китайско-таджикских отношений за 15 лет дипотношений и выразили готовность претворять в жизнь Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в интересах выведения двусторонних отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества на еще более качественно высокий уровень.

РФ—Таджикистан. Отношения Москвы и Душанбе прошли нелегкие испытания в 1990-е годы — в период гражданской войны в Таджикистане и восстановления мира в республике.

Специфика современных российско-таджикских связей определяется следующим рядом противоречивых факторов.

Во-первых, это проблема таджикской трудовой (в основном нелегальной) миграции в России. Ежегодно в РФ на поиски заработков отправляется, по разным подсчетам, от 300 до 500 тыс. таджиков. Российские власти пытаются поставить этот процесс под правовой и административный контроль, но де-факто миграция и дальнейшая деятельность мигрантов регулируются слабо.

Во-вторых, наличие у России крупных инвестиционных планов в отношении РТ. РАО «ЕЭС России» в свое время подписало соглашение с правительством Таджикистана об условиях долевого участия РФ в проекте завершения строительства Сангтудинской ГЭС, планируя вложить в данный проект 250—300 млн долл. До 2007 г. существовал ряд проектов российской компании ОАО «Русский алюминий» («Русал») о строительстве Рогунской ГЭС. Наряду с этим компания договорилась о реконструкции алюминиевого завода в Регаре и строительстве нового, второго в стране, с планируемой мощностью 200 тыс. т в год. Компания могла бы инвестировать в экономику Таджикистана около 1,2 млрд долл. В связи с завышенными технологическими требованиями таджикской стороны по высоте плотины Рогунской ГЭС и другими претензиями «Русал» ушла из данного проекта, «освободив» место для других претендентов.

В-третьих, функционирование российской военной базы в Таджикистане. Основой для нее послужила 201-я мотострелковая дивизия, подразделения которой были расквартированы, помимо Душанбе, в Курган-Тюбе и Кулябе. Российская база в Таджикистане стала одной из самых мощных в системе безопасности ОДКБ в Центральной Азии. Учитывая, что Россия и Таджикистан в свое время полностью договорились о режиме работы российской высокогорной станции «Нурек» («Окно»), имеющей для Москвы стратегическое значение в сфере космического слежения, можно данный фактор занести в актив партнерства.

В-четвертых, проблема таджикско-афганской границы и безопасность России. Еще 16 октября 2004 г. пограничными службами России и Таджикистана было подписано специальное соглашение о поэтапной передаче охраны границы от рос-

сийских пограничников таджикским погранотрядам, которая завершилась в 2006 г. Приход таджикских пограничников, к сожалению, не способствовал усилению борьбы с наркотрафиком, который к 2006 г. возрос в 3,5 раза. Местные жители Таджикистана сегодня горько шутят, что теперь граница «поделена» между родственниками и вождями таджикских (афганских) племен, проживающими по обе стороны границы, и каждый ее участок имеет свою цену. Произошла некая «племенная приватизация» основных трансграничных каналов и маршрутов поставок наркотиков. Кому было выгодно и кто лоббировал с таджикской стороны решение о сдаче российскими пограничниками участков таджикско-афганской границы, остается большим вопросом. Возможно, что негативные результаты пограничной «реформы» были учтены наверху. Президенты России и РТ на встрече в Сочи 25 мая 2006 г. согласовали сотрудничество в пограничной сфере и программу помощи Таджикистану в становлении погранслужбы этой республики.

Можно сказать, что отношения двух стран строятся сегодня на: а) заинтересованности крупного российского бизнеса — государственных и негосударственных компаний в таджикском рынке электроэнергии и алюминия; б) важности военного компонента, имеющего для России как глобально-стратегическое (комплекс «Нурек»), так и региональное значение — 4-я база.

Перспективы развития российско-таджикских экономических связей напрямую связаны с продвижением энергетических проектов. В случае их реализации и преодоления нынешних технологических трудностей Таджикистан сможет постепенно увеличивать собственный вес и влияние в отношениях с Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном по вопросам электроэнергетики и водопользования. Фактически российская экономическая активность дает дополнительные возможности Таджикистану позиционировать себя в Центральной Азии не как периферийное государство, а как достаточно самостоятельный субъект. Двусторонняя торговля в 2004 г. достигала 258,9 тыс. долл. (экспорт РФ — 183, импорт — 75,9), в 2005 г. — 335 млн долл. (экспорт РФ — 240, импорт — 95), в 2006 г. — 502 млн долл. (экспорт РФ — 377, импорт — 125)²².

Российско-китайская торговля. «Сырьевой» образ России

Проблемам двусторонней торговли посвящено немало работ и специальных докладов ведущих российских ученых-китаистов, в которых наряду с положительными тенденциями, достижениями и успехами отмечается и ряд объективных проблем («тревожных симптомов»). В докладе академика РАН М. Л. Титаренко, сделанном в Москве на 2-м российско-китайском форуме по общественным наукам 9 октября 2007 г., в частности, говорилось, что хотя за последнее десятилетие и произошло увеличение товарооборота в 5,5 раза (в 2008 г. торговля РФ и КНР превысила 64 млрд долл.), однако цифра чрезвычайно мала, если сравнивать этот показатель с торговлей ведущих держав с Китаем²³. Не происходит позитивных для РФ подвижек в структуре товарооборота, в котором более 90 % российского экспорта приходится на сырьевые товары, в том числе нефть и лес. Доля машинотехнической продукции в российском экспорте продолжает снижаться, в то время как аналогичная доля Китая в его экспорте в Россию растет. Особенно высокими темпами происходит ввоз китайской машинотехнической продукции.

Российский экспорт в Китай вырос в 2007 г. на 12 % и составил в стоимостном выражении 19,7 млрд долл. Однако сократились поставки в Китай российской нефти — они составили 14,5 млн т, уменьшившись в годовом исчислении на 9 %. Важную роль продолжали играть поставки в Китай круглого леса: Россия экспортировала в 2007 г. 25 млн куб. м этого ресурса. Вместе с тем, как считают официальные российские представители, в связи с принятым правительством России решением об увеличении до 80 евро экспортной пошлины за кубометр круглого леса со второй половины 2008 г. предполагается рост импорта в КНР из РФ древесины глубокой или первичной переработки при сокращении вывоза необработанного леса. В 2007 г. наблюдалось также увеличение российского экспорта в Китай химической продукции на 22 %, железной руды — на 115 % по сравнению с 2006 г. Намечился некоторый рост поста-

вок машинотехнической продукции: по данным китайской таможенной статистики, он увеличился на 18 % и достиг 256 млн долл., составив 1,3 % в структуре всего российского экспорта в Китай. Также сохранились положительные тенденции в высокотехнологичных отраслях. Был сдан в коммерческую эксплуатацию построенный с российским участием первый блок Тяньваньской АЭС, достигнуты принципиальные договоренности об участии России в сооружении ее второй очереди, а также четвертой очереди газодиффузионного завода по обогащению урана на китайской территории.

Одновременно происходит плавное расширение сферы расчетов в национальных валютах обеих стран в рамках приграничной торговли. Начинает развиваться сотрудничество по обслуживанию банковских карт, в сфере страхования и в борьбе с отмыванием денег.

Официальные российские представители рост китайского экспорта связывали с активизацией платежного спроса в РФ, стабильностью курса национальных валют двух стран, привлекательностью и конкурентоспособностью китайских товаров на российском рынке, подчеркивая объективный и долговременный характер наметившейся тенденции. Одной из причин снижения российских поставок нефти в КНР было названо отсутствие новых контрактов между основным поставщиком НК «Роснефть» с китайскими партнерами, что, в свою очередь, объяснялось отсутствием четкой договоренности по ценам²⁴.

Важными аспектами торгово-экономических отношений в 2007 г. оставались также: 1) сотрудничество в сфере добычи и транспортировки углеводородов; 2) инвестиционное сотрудничество; 3) военно-технические связи; 4) «народная», челночная торговля. Каждый из перечисленных четырех аспектов имел собственную (экономическую) структуру и специфику. Челночная торговля, например, после принятия в России ряда законов и поправок, запрещающих иностранным гражданам вести торговлю на рынках, а также ограничивающих вес товара и количество пересечений границы «челноками», становилась локальным явлением. Сокращение и упорядочивание «народной торговли» в целом положительно сказалось на снижении объемов

нелегальной («серой») торговли, хотя и не привело к ее полному искоренению. Наоборот, первый аспект (транспортировка углеводородов) приобрел в 2006—2007 гг. стратегическую ясность и динамизм. В 2007 г. шло плановое строительство нефтепровода Восточная Сибирь—Тихий океан (ВСТО) по маршруту Тайшет (Восточная Сибирь)—Сковородино (Амурская обл.). Завершение 1-го этапа (Тайшет—Сковородино) предполагалось к 2009 г. при росте общей сметы расходов. Однако возникают не до конца решенные вопросы с планируемыми газопроводами, особенно с определением цены на газ, а также на электроэнергию²⁵.

Россия планирует реализовать в Китае 156 проектов в области промышленных высоких технологий, включая 63 проекта в сфере освоения природных ресурсов, 53 — в медицине, биоинженерии и производстве медицинского оборудования, 17 — по производству и освоению новых материалов, 23 проекта в сельском хозяйстве и в сфере охраны окружающей среды.

Активно развивается инвестиционное, межбанковское и финансовое сотрудничество. На конец 2007 г. объем остатка по кредиту, предоставленному России Государственным банком развития Китая, достиг 5,5 млрд долл. Кредит предоставлен под проекты в нефтегазовой и электроэнергетической промышленности, добыче полезных ископаемых, в области лесного хозяйства и инфраструктурного строительства.

Сибирско-дальневосточный вектор российско-китайского партнерства

В российской экспертно-аналитической литературе проблема приграничных связей России и Китая разработана достаточно подробно и глубоко, причем как учеными из Москвы, так и сибирско-дальневосточными исследователями²⁶. Вес и значение региональных связей в общем российско-китайском партнерстве в течение 1991—2008 гг. менялись как в экономическом, так и в политическом плане. Как отмечает А. В. Лукин, в 1990-е годы власти Приморского и Хабаровского краев проводили политику

«осажденной крепости», искусственно разжигая и нагнетая напряженность в приграничных отношениях. Китай обвинялся во всех мыслимых и немыслимых грехах — от «открытой экспансии», наркотрафика, до военных приготовлений «на границе Приморского края»²⁷. Понятно, что подобные акции были больше связаны с российскими политическими особенностями эпохи Ельцина (борьба Центра и регионов и прочее), чем с реалиями российско-китайского приграничного сотрудничества. В конце 1990-х годов подобные подходы были устранены. Российские и китайские местные власти уже совместно решали действительно существовавшие проблемы трансграничного сотрудничества.

В начальный период президентства В. Путина на экспертном и политическом уровнях была четко сформулирована комплексная задача интеграции Сибири и российского Дальнего Востока в азиатскую экономическую систему. В плане реализации поставленной задачи Институт Дальнего Востока РАН для Байкальского экономического форума (БЭФ) в Иркутске одним из первых в России подготовил концепцию этой интеграции. В частности, академик М. Л. Титаренко, анализируя данную проблему, писал: «Полноценное включение азиатской части России, и прежде всего Дальнего Востока и Сибири, в систему мирохозяйственных связей представляет собой основное условие нормального социально-экономического развития самого региона и государства в целом, устойчивого наращивания экономического потенциала и укрепления позиций России в мировой экономике. При этом азиатско-тихоокеанское направление естественным образом должно стать основным вектором в стратегии взаимодействия российского Дальнего Востока с мировым хозяйством»²⁸.

Другой момент, связанный с проблемой экономического возрождения Сибири и Дальнего Востока, — качественный и количественный рост федеральной целевой помощи и инвестиций на развитие сибирских и дальневосточных регионов за счет дополнительных внутренних средств, появившихся в стране за последние годы. С учетом принятой правительством комплексной программы развития Сибири и Дальнего Востока, а также планируемого в 2012 г. саммита АТЭС под Владивостоком объ-

ем федеральных средств (на период 2008—2009 гг.) только по Приморскому краю оценивался в 100 млрд руб. (весь бюджет края — примерно 34 млрд руб.). Для реализации целевых финансовых траншей была создана правительственная комиссия (под началом премьер-министра), от качества работы которой будет зависеть, сколько денег и как будет израсходовано в Приморье и других дальневосточных и сибирских субъектах²⁹.

Основными факторами, определяющими позицию Китая в отношении развития регионального (на уровне приграничной торговли) торгово-экономического сотрудничества с Россией, на начало 2008 г. являлись, во-первых, заинтересованность в получении доступа к источникам сырья, в первую очередь нефти и газа, а также руд черных и цветных металлов, биоресурсов моря, древесины и иных ресурсов; во-вторых, стремление обеспечить присутствие китайских товаров в значимых сегментах российского рынка (продукция легкой, текстильной, пищевой промышленности, бытовая электротехника, а также отдельные виды машин и оборудования); в-третьих, использование имеющегося в России потенциала передовых научных разработок и технологий.

Российско-монгольский вектор. Специфика современного сотрудничества

Актуальность проблематики современных российско-монгольских отношений подтверждена документами, подписанными по итогам встречи президентов России и Монголии В. В. Путина и Н. Энхбаяра в декабре 2006 г. в Москве. Согласно Московской декларации от 8 декабря 2006 г. многие положения российско-монгольского сотрудничества приобретают долговременный, стратегический характер (договор о режиме российско-монгольской границы, план развития торгово-экономических российско-монгольских отношений на 2006—2010 гг. и др.). Важным было заявление В. Путина о том, что российская сторона готова до 2010 г. инвестировать на модернизацию уже существующих совместных проектов (ГОК «Эрдэнэт», УБЖД,

ОАО «Монголросцветмет») до 2 млрд долл. С учетом дальнейших перспектив объемы российских инвестиций в новые проекты по добыче и разработке минералов (уголь, медь, золото и др.), переработке газового конденсата, строительству дорог и пр. должны достичь 5 млрд долл. Монгольский президент Н. Энхбаяр, со своей стороны характеризуя возможности российско-монгольской торговли, обозначил ее ближайшие параметры в 1 млрд долл.³⁰

Исходя из задач, поставленных политическим руководством двух стран, можно сформулировать *два текущих вопроса*, связанных с реформатированием и качественным обновлением российско-монгольской повестки:

1) каким должен быть механизм реализации новых планов, какие «приводные ремни» (торговля, транспорт, энергетика или горнодобыча) должны вытянуть «локомотив» российско-монгольского сотрудничества, придать ему соответствующую скорость и динамику;

2) как более эффективно увязать социально-экономическое и инфраструктурное развитие приграничных Монголии российских субъектов (Бурятской Республики, Иркутской области, Тувинской Республики и др.) с качеством и динамикой межгосударственных российско-монгольских отношений. Как более эффективно и взаимовыгодно встроить региональный (российский) фактор в общую систему отношений России и Монголии.

Очевидно, что поставленные проблемы предполагают новую структуризацию собственно российско-монгольских отношений в плане выделения общих (фоновых), перспективных и реальных, существующих сегодня, направлений. Условно можно выделить *следующие*:

АТР и российско-монгольское сотрудничество. Главная задача данного формата — попытка спроецировать отдельные элементы российско-монгольского сотрудничества на азиатско-тихоокеанские измерения. Понятно, что задачи России и Монголии в АТР объективно разномасштабные. Они определяются возможностями, ресурсами, географией и многими другими факторами развития каждой из стран. Несмотря на разномасштабность, в перспективе данное измерение может быть частично

инкорпорировано в российско-монгольскую повестку. Так, важным для двустороннего сотрудничества выглядит стремление Монголии вступить в АТЭС. Россия, как известно, вступила в эту организацию в 1998 г. и к настоящему времени имеет «свои» ниши в транспортных и энергетических проектах АТЭС. В 2007 г. озвучен проект В. Путина «Россия—АТЭС, 2012 г.», предполагающий проведение саммита под Владивостоком (о. Русский). Для Монголии Россия могла бы стать политическим и отчасти экономическим «лоббистом» в этой организации, придав российско-монгольскому сотрудничеству дополнительные ресурсы, и открыть новые направления взаимодействия на обширном пространстве Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. В частности, могут появиться новые варианты реализации застывшего проекта — создание зоны свободной торговли Туманган³¹, включая и российско-монгольский ресурс³². Однако особенность данного измерения — его перспективный и долгосрочный, не сиюминутный характер.

Экономические параметры *российско-монгольских отношений* достаточно противоречивы. Объем двусторонней торговли за 2005—2006 гг. вырос с 462 до 512 млн долл. В 2008 г. торговый оборот составил 1,3 млрд долл. К монгольскому рынку проявляет интерес крупный российский капитал — «Газпром» и «Ренова» (переработка сжиженного газа и другие энергетические проекты), «Северсталь», «Базовый элемент» (разработка новых угольных, медно-молибденовых, золотоносных, урановых месторождений). Существуют проработанные планы создания консорциума российских компаний, заинтересованных в разработке минеральных ресурсов, для реализации инвестиционного пакета в 1,5 млрд долл. по разработке месторождений угля и других стратегических ресурсов месторождения Таван Толгой.

Монгольское правительство планирует к 2015 г. создать единую сеть дорог. Предполагается, что все проекты строительства новых и реконструкции старых магистралей будут реализованы в рамках программ с помощью иностранных организаций и стран-доноров (ADB, WB, Kuwait Foundation, RBG etc). Центральный мегапроект — строительство «Дороги тысячелетия» («Millennium Road» Project), рассчитанный до 2015 г. в рамках

«Концепции регионального развития» Монголии («Regional Development Concepts»), принятой в 2001 г. В 2000 г. индийская компания «Ай-Си-Ти» совместно с монгольским правительством разработали ТЭО проекта «Дорога тысячелетия». По проекту дорога с асфальтовым покрытием должна связать крайний западный аймак (административный центр г. Чойбалсан) с восточными аймаками. Маршрут дороги пролегает с запада на восток через 10 аймаков, в которых находятся месторождения полезных ископаемых. Протяженность дороги — 2700 км, из которых 800 км (на конец 2006 г.) уже построено. Финансовые расходы для завершения проекта — 520—550 млн долл. Если нынешние темпы строительства сохранятся (200—250 км в год), то для полной реализации проекта потребуется 8—10 лет. Открытие сквозной (Запад — Восток) трансмонгольской автомагистрали позволит увеличить грузопоток на 65 %, а перевозку пассажиров — на 50 %. Учитывая, что на востоке Монголии дорога стыкуется с пограничными переходами в КНР и КНДР, «Дорога тысячелетия» может стать кратчайшим автомобильным переходом из Европы в Азию. Мониторинг текущей реализации показывает, что за 2005 г. — декабрь 2006 г. сданы в эксплуатацию 1) участок Баганнур—Ундурха (215 км, Хэнтийский аймак); 2) участок через перевал Дуут (Восточная Монголия, 100 км); 3) участок Найлайх—Чойр (200 км). На указанные три участка Азиатским банком развития были дополнительно выделены 33,5 млн долл. Генеральным подрядчиком данных работ выступила китайская компания China Tiesejeue Civil Engineering Group³³. Строительство следующего участка дороги — от пос. Чойр до пос. Замын-ууд (400 км) — близко к завершению.

Одновременно в рамках совместного проекта РФ, КНР, ЭСКАТО и Азиатского банка развития осуществляется модернизация маршрута 725-километровой Азиатской автомобильной дороги Уланбайшинт—Ховд—Ярантай, которая будет проходить по западной части Монголии и обеспечит укороченное транспортное сообщение между Россией и Китаем через Монголию. В июне 2005 г. было разработано ТЭО проекта³⁴.

Структура товарооборота Монголии с РФ по основным группам товаров в последние годы выглядит следующим обра-

зом. Российский импорт в Монголии представлен: нефтепродуктами и электроэнергией (54 %), машинами и оборудованием (17), черными и цветными металлами (9), транспортными средствами (5), бумагой (2), продовольствием (3,7), зерном (2,1 %) и пр. Монгольский экспорт в Россию преимущественно состоит из медного, молибденового, плавиково-шпатового концентрата (70 %), мяса и мясопродуктов (25 %).

В 2001 г. Монголия импортировала 480 тыс. т нефтепродуктов. В 2002 г. импорт увеличился на 441 т, составив 921 тыс. т, в том числе бензин — 50 %, 30—40 % — дизельное топливо, оставшееся — различные смазочные материалы. В 2003 г. — 1575 тыс. т, в 2004 г. — 2756, в 2005 г. — 2951 тыс. т. По оценкам экспертов, в настоящее время общие потребности Монголии в нефтепродуктах составляют порядка 4,5 млн т.

По количеству зарегистрированных в Монголии предприятий с иностранным капиталом Россия занимает третье место (449) после КНР (1604) и Республики Корея (624). Наиболее крупными предприятиями с российским капиталом являются горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт», объединение «Монголросцветмет» и АО «Улан-Баторская железная дорога».

Предприятие «Эрдэнэт» проводит модернизацию своей технологии, что позволяет довести производство меди и концентрата до 517,1 тыс. т и получить прибыль в размере 150,2 млн долл. Так, в 2004 г. ЗАО «Эпик Рус» провело работы на предприятии «Эрдэнэт» по внедрению программы автоматизации деятельности материально-технического снабжения предприятия на базе Platinum SQ.L.

Объединение «Монголросцветмет» заключило с металлургическим комбинатом в городе Бугат Автономного района Внутренняя Монголия (КНР) контракт на строительство совместного предприятия по освоению железно-рудного месторождения Баргилт на территории аймака Хэнтий, которое стало первым в Монголии предприятием по добыче железной руды. С 2005 г. начался ее экспорт, а с 2006 г. это СП приступило к производству концентрата³⁵.

По объему добычи золота в Монголии одним из лидеров является российская компания «Золотой Восток-Монголия», на

которую приходится около 25 % годового производства химически чистого золота. В 2004 г. компания начала осваивать новую для себя технологию добычи золота на углубленных месторождениях методом подземного выщелачивания и продолжает поисково-разведочные работы новых рудных месторождений золота. В 2005—2006 гг. компания разрабатывала 7 золотоносных месторождений, включая наиболее богатые участки — и Ар Наймган, Баянгол, Туул Дэнж, Улзийт Тээл.

Перспективным для российско-монгольской региональной торговли представляется практическая реализация проекта создания свободной экономической зоны Кяхта—Алтанбулаг. Монгольское правительство еще в 2002 г. утвердило данный проект, были разработаны законодательство и нормы функционирования СЭЗ. Однако до сегодняшнего дня проект находится на стадии реализации.

В апреле 2006 г. монгольская сторона предложила России (на уровне министров иностранных дел) принять участие в строительстве 1,5 тыс. км дорог в Монголии. В качестве одного из вариантов расчета за содействие была названа передача в собственность России части крупнейшего в Монголии месторождения угля Таван-Толгой. В качестве главного претендента на покупку месторождения эксперты называют компанию «Северсталь»; финансировать проект будут «Внешторгбанк» и «Внешэкономбанк». Существует также большой пакет инвестиционных предложений ряда российских компаний по добыче и разведке полезных ископаемых, строительству инфраструктуры, развитию энергетики (строительство ЛЭП через Монголию на Китай и др.).

В практику монголо-российского бизнеса, связанного с разработкой монгольских природных ресурсов, внедрена такая форма, как трехстороннее сотрудничество. Примером служит монголо-российско-американское совместное предприятие «Гурван-Сайхан» по разведке урана на территории Монголии. Оно было образовано в 1994 г. в соответствии с Соглашением о полезных ископаемых от 14 января 1994 г. между американской компанией «Энерджи Фьюэлз», Министерством энергетики, горной промышленности и геологии Монголии и российским государственным концерном «Геологоразведка» Комитета по геологии и

использованию недр Российской Федерации. Основные задачи деятельности совместного предприятия, согласно подписанному документу, заключались, во-первых, в проведении поисковых и разведочных работ на уран и сопутствующие полезные ископаемые в Восточно-Гобийском регионе Монголии, во-вторых, в разработке любых открытых месторождений урана и других полезных ископаемых на отведенных под них площадях. Что касается долевого участия сторон, то оно было распределено таким образом: «Энерджи Фьюэлз» — 70 %, Министерство Монголии — 15 %, «Геологоразведка» — 15 %. Площади разведочных работ находятся в котловинах Чойра, Гурван-Сайхана, Хайрхана, Ульдзуйт и Ундуршилина Восточно-Гобийского региона³⁶.

Китайский фактор в российско-монгольских отношениях

Развитие трехсторонних отношений между Россией, Монголией и Китаем на сегодняшний день является одним из центральных и чрезвычайно важных компонентов собственно российско-монгольской повестки. Китайский фактор был и остается одним из основных ограничителей и одновременно стимуляторов российско-монгольского сотрудничества. Традиционность данного формата обусловлена самой историей формирования и развития треугольника «Россия—Монголия (Внешняя и Внутренняя)—Китай» в XVI—XXI вв. За этот период сложился некий баланс в экономической, политической и международно-правовой системе отношений. В настоящее время экономический баланс, в силу возросших возможностей и ресурсов, складывается в пользу Китая и усиления китайско-монгольского сотрудничества.

При оценках данного (трехстороннего) формата сохраняется «традиционный» методологический принцип — соперничество России и Китая в Монголии. Так или иначе, при сравнении эффективности развития российско-монгольского и монголо-китайского сотрудничества ключевым для России остается вопрос: насколько больше Китай торгует, инвестирует, строит

и т. д. в Монголии? И не всегда существующая методология соперничества и конкуренции за Монголию дает России и отчасти самой Монголии положительный результат.

Одним из примеров соперничества России и Китая может служить проблема экспорта и транзита нефтепродуктов через территорию Монголии. Так, в настоящее время монгольское руководство изучает возможности увеличения поставок нефтепродуктов от Китая, обеспечивающего 10 % потребностей монгольского рынка. Российских нефтеимпортеров не совсем устраивает тот факт, что южный сосед станет вторым на монгольском рынке. Российские нефтепредприятия конкурируют по качеству и экологичности продукции, хотя китайский и российский бензин, по отзывам монгольских потребителей, в принципе по качеству не различаются. Монгольские эксперты считают, что Монголия должна диверсифицировать нефтяной импорт и частично освободиться от «русской зависимости», но для того, чтобы получать бензин из Китая, надо решить проблему инфраструктуры поставок из Китая, в частности учитывать разницу в ширине железных дорог двух стран. Правительство Монголии полагает, что потребности в нефтепродуктах увеличатся к 2010 г. на 47—50 %. Данный прогноз в основном совпадает с российскими экспертными оценками роста потребностей монгольского нефтяного рынка.

В 2006 г. на уровне министерских контактов Монголии и КНР обсуждался вопрос о поставках нефтепродуктов из Китая в Монголию за счет помощи правительства КНР на сумму 138 млн ю. (по курсу 1 долл. = 8,3 ю.). Вместе с тем существуют объективные возможности использования большого политического ресурса российско-китайского партнерства, накопленного сторонами за 15 лет. Фактически российско-китайское стратегическое партнерство и российско-монголо-китайское (региональное) сотрудничество существуют «параллельно», не влияя друг на друга. Если же попытаться объединить два уровня, использовать часть ресурса первого для развития второго, очевидно, что создание транспортного и инвестиционного «коридора» по линии Хух-Хото (АРВМ КНР) — Улан-Батор (Монголия) — Улан-Удэ (Республика Бурятия РФ) пойдет быстрее и

эффективнее с пользой для развития самой Монголии и соразвития сопредельных китайских и российских территорий. Одновременно будут просматриваться и другие перспективные «коридоры»: Китай—Монголия—Тува; Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР—Монголия—Алтайский край—Западная Сибирь России; Китай—Монголия — Иркутская область—Восточная Сибирь России и др. Понятно, что нельзя переоценивать данный подход — элементы соперничества между Китаем и России в борьбе за рынки монгольского минерального сырья, золота и пр. в том или ином виде будут сохраняться.

Сокращение разрыва между растущим российским экспортом в Монголию и монгольским импортом в Россию потребует дополнительных усилий монгольской стороны по наращиванию качества и объемов поставок монгольских традиционных товаров, таких, как кожа, мясо, дубленки, козий пух, ковры и др. Кроме того, с учетом новых политических и экономических возможностей России и Монголии сторонам было бы целесообразно разработать новые подходы по интенсификации экспортной политики СП «Эрдэнэт» в плане расширения поставок медного концентрата и молибдена на российский рынок, изучив данный вопрос как на экспертном, так и на административном уровне хозяйствующих субъектов, задействованных в проекте СП «Эрдэнэт».

Подключение ресурсов и возможностей сопредельных российских регионов — Бурятской Республики, Иркутской области, Тувы, Читинской области, а также не сопредельных российских субъектов (Красноярского края, Новосибирской области и др.) потенциально может вывести российско-монгольское сотрудничество на международный (стратегический) уровень при условии осуществления разрабатываемых экспертами логистических моделей модернизации и интенсификации транспортных «коридоров»: Сибирь—Бурятская Республика—Монголия—Китай—другие страны Северо-Восточной Азии и АТР в целом. Для этого потребуются комплексная инвестиционная, технологическая, правовая и административно-таможенная «доводка» данного направления как на местах (в Бурятской Республике и др.), так и на уровне координации действий соответствующих компа-

ний, министерств и ведомств (Минтранс, ОАО «РЖД» и др.). На данный сценарий особенно эффективно мог бы работать проект «Открытая экономическая зона» (Кяхта, БР РФ — Алтанбулаг, Монголия), при условии его пуска в практическую эксплуатацию заинтересованными сторонами.

* * *

Подводя итоги рассмотрению текущего состояния и эволюции образов России и Китая на территории «постсоветской» (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан) и «классической» Центральной Азии (охватывающей также и «треугольник» Россия — Монголия — Китай), можно прийти к следующим выводам:

1. Острота проблем поддержания трансграничной безопасности, противостояния гегемонизму США, а главное — обеспечения экономических интересов становится мощным фактором позитивизации образов России и КНР на центральноазиатском пространстве. Несмотря на отдельные несовпадения российских и китайских экономических интересов между собой, а также отдельное их несоответствие устремлениям самих центральноазиатских государств, нет оснований говорить о том, что эти расхождения являются определяющими при формировании «итоговых» образов РФ и КНР в регионе на данном этапе. Ключевым «имиджмейкерским» фактором остается взаимовыгодность хозяйственного взаимодействия Китая с государствами региона на двустороннем уровне, с одной стороны, и сотрудничество России с теми же странами (также в двустороннем формате) — с другой.

2. При сопоставлении китайского и российского имиджа в ЦАР заметна специфика восприятия России и Китая центральноазиатскими элитами и народами региона. Особенности сложившегося российского образа связаны с: а) общностью культурно-языковых традиций, которая прослеживается и сегодня; б) более крепкими (по сравнению с Китаем) общими историческими и экономическими корнями; в) более сильными позициями России в сфере региональной безопасности. Особенно-

сти китайского образа в ЦА определяются: а) большими возможностями экономики КНР на современном этапе по сравнению с потенциалом национального хозяйства РФ, успехами китайских реформ и эффективностью антикризисной программы КНР; б) наличием на ближайшую перспективу крупных финансово-инвестиционных проектов по развитию инфраструктуры и других сфер хозяйства государств региона, а также достижением осязаемых положительных результатов на промежуточных этапах реализации этих проектов и в итоге — в) более сильными позициями Китая в сфере экономического сотрудничества.

3. К отрицательным факторам, влияющим на формирование образа КНР в ЦА, следует отнести сохраняющиеся опасения слабых государств региона (Таджикистана и Кыргызстана) по поводу возможности бесконтрольного расширения китайского хозяйственного присутствия в экономиках их стран и превращения последних в сырьевой придаток Поднебесной, вплоть до полного «размывания» национальных экономик. На формирование же российского образа отрицательно влияет запоздывание РФ (по сравнению с Китаем) в деле выдвижения и реализации экономических проектов.

4. Восприятие Монголией нашей страны и Китая сегодня формируется под знаком успешного двустороннего российско-монгольского и китайско-монгольского экономического сотрудничества, а также начального становления трехсторонней (РФ—Монголия—КНР) кооперации. Позитивизации этих образов способствует концепция о необходимости «трех опор» для Монголии в лице России, а также стран Запада (США, государств ЕС) и Востока (Японии, Южной Кореи и др.), оформившаяся в начале 1990-х годов как официальная внешнеполитическая доктрина страны. Восприятие России — в основном позитивное, дружественное, Китая — уважительное, но с элементами алармизма по поводу угрозы вероятного демографического давления на Монголию через сопредельную Внутреннюю Монголию КНР. Что касается Запада («третьей опоры»), то он воспринимается в Монголии через призму потребительских настроений и ожиданий безвозмездной помощи, новых льготных кредитов и других элементов поддержки.

Примечания

¹ *Фроленков В. С.* Современные торгово-экономические отношения КНР с центральноазиатскими странами — членами ШОС и Туркменистаном. М., 2009. С. 9.

² *Shi Ze.* Situation in Central Asia and Transcaucasia and its prospects at the threshold of the new century // Marco Polo Magazine. 1998. № 3. P. 44.

³ Хайгуань тунцзы [Таможенная статистика]. Пекин. 2006. № 12.

⁴ Внешняя торговля Российской Федерации со странами СНГ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2007/b07_11/25-06.htm

⁵ Стратегические перспективы: ведущие державы, Казахстан и центральноазиатский узел / Под ред. Р. Легволда // Сборник аналитических докладов российских экспертов. Кембридж, 2003. URL: www.amacad.org/publications

⁶ Казахстан сегодня имеет следующие нефтепроводы: 1) КТК; 2) транзитный Атырау—Самара; 3) транзитный Махачкала—Новороссийск; 4) готовящийся к эксплуатации Баку—Джейхан; 5) Омск—Павлодар—Чимкент. К 2010 г. республика сможет реально экспортировать 100 млн т нефти в год. Этого недостаточно для заполнения указанных нефтепроводов плюс планируемого китайского. URL: www.CentrAsia.org/newsA.php4

⁷ *Кириченко В.* Новый проект. Казахстан предлагает «окитаить» нефть России. URL: www.CentrAsia.org/newsA

⁸ *Фроленков В. С.* Экономический диалог «Китай—Центральная Азия» // Китай в мировой и региональной политике. Вып. XI. М., 2006. С. 192, 205—207.

⁹ *Сафранчук И.* Центральная Азия: один на один с Китаем // Ведомости. 25.12.2007 (№ 224).

¹⁰ Внешняя торговля РФ со странами СНГ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2007/b07_11/25-06.htm

¹¹ *Фроленков В. С.* Современные торгово-экономические отношения... С. 83.

¹² Там же.

¹³ Внешняя торговля Российской Федерации со странами СНГ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2007/b07_11/25-06.htm

¹⁴ <http://www.kreml.org/opinions/170389813?mode=print>

¹⁵ *Olcott Martha Brill*. The Central Asian States: An Overview of Five Years of Independence. Testimony Before Senate Foreign Relations Committee. Federal News Service. 22.07.1997.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Верхотуров Д.* Китай оказывает поддержку Кыргызии. URL: www.asiainform.ru

¹⁸ *Фроленков В. С.* Экономический диалог «Китай—Центральная Азия»... С. 195—197.

¹⁹ *Малышева Д.* Россия—Узбекистан: от партнерства к союзу. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20051122035816975>

²⁰ *Дубовицкий В.* Таджикистан—Китай: От настороженного отношения к стратегическому партнерству. 25.01.2007. URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=4862>

²¹ Там же.

²² Внешняя торговля Российской Федерации со странами СНГ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2007/b07_11/25-06.htm

²³ *Титаренко М. Л.* Экономическое взаимодействие России с Китаем в контексте интеграции в АТР как путь развития Восточных регионов РФ // 2-й российско-китайский Форум по общественным наукам «Развитие и углубление стратегического взаимодействия России и Китая». Москва. 9—10.10.2007. С. 189.

²⁴ Интерфакс Китай. Бизнес-обозрение Китая. 18—25.01.2008. № 3 (196). С. 20—21.

²⁵ *Портяков В. Я.* О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского стратегического партнерства // 2-й российско-китайский Форум по общественным наукам... С. 207.

²⁶ См.: *Ларин В. Л.* В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX—XXI веков. Владивосток. 2006; *Александрова М. В.* Российско-китайские приграничные экономические отношения. М., 2005; *Лузянин С. Г.* Российско-китайское стратегическое партнерство: региональное, культурно-цивилизационное и образовательное измерения // 2-й российско-китайский Форум по общественным наукам... С. 330—356; Российско-китайское сотрудничество: региональное (сибирско-дальневосточное) измерение (сетевой проект, руководитель Лузянин С. Г.). URL: <http://www.ino-center.ru/russia-china/>

²⁷ *Лукин А. В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М., 2007. С. 296—297.

²⁸ *Титаренко М. Л.* Экономическое взаимодействие России с Китаем в контексте интеграции в АТР... С. 184.

²⁹ К сожалению, печальный опыт России показывает, что факт выделения больших денег из Центра в регионы на развитие и иные (социальные и экономические) программы еще не означает успешного их использования на местах.

³⁰ www.mid.ru. 08.12.2006.

³¹ В 1997 г. в рамках международной программы «Туманган» с помощью шведских специалистов было проведено исследование различных вариантов маршрута железной дороги из Восточной Монголии до границы с Китаем. В качестве оптимального варианта был избран маршрут от г. Чойбалсана, центра Восточного аймака, через Тамсагбулаг (Монголия) до ст. Рашаант (КНР). Проект реализуется в настоящее время при поддержке Азиатского банка развития (АБР). 21 августа 1991 г. правительства Монголии и Китая подписали соглашение о том, что монгольская сторона может использовать китайскую территорию для свободного выхода к морю, иметь в прибрежных китайских зонах монгольские торговые точки, пользоваться возможностями более льготного тарифного режима. В 2005 г. монгольское правительство и правительство Китая под патронажем специальной комиссии ООН (UNESCAP) преобразовали (кооперировали) это соглашение в межправительственное соглашение по созданию трансасиатской железной дороги (Trans-Asian Railway).

³² Участниками проекта являются Россия, КНР, Япония, Южная Корея, Монголия, КНДР.

³³ *Ulaanbaatar Forum for East Asia. Resources, Energy and the Environment.* Ulaanbaatar, 2007. P. 57—72, 101—103, 105.

³⁴ Региональное сотрудничество в развитии инфраструктуры в интересах создания международной комплексной системы интермодального транспорта в Азии. Публикация Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана. Пусан (Республика Корея), 2006. С. 143—145.

³⁵ См.: Улс торийн Сонин. 15.12.2007.

³⁶ *Ulaanbaatar Forum for East Asia...* P. 127, 139.

*В. В. Парамонов**

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI в.

На протяжении более 100 лет Центральная Азия, являвшаяся составной частью сначала Российской империи, а затем Советского Союза, рассматривалась Китаем лишь в контексте общего комплекса китайско-российских и китайско-советских отношений. Резкое изменение геополитической конфигурации в Центральной Азии в начале 1990-х годов, вызванное распадом СССР, в значительной степени стало неожиданностью для КНР и было воспринято достаточно неоднозначно.

С одной стороны, крах Советского Союза открывал перед Китаем новые возможности в плане расширения присутствия в ЦА. С другой стороны, в Пекине, безусловно, понимали, что вызревание новых реалий в данном сегменте постсоветского пространства будет сопровождаться болезненными процессами, которые в совокупности с унаследованными проблемами советско-китайского периода могут крайне негативным образом ска-

* Парамонов Владимир Владимирович, к. полит. н., Республика Узбекистан.

При подготовке статьи использовались наработки, выполненные под руководством автора совместно с Олегом Анатольевичем Столповским, независимым экспертом из Узбекистана.

заться на безопасности Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) и КНР в целом.

В последующем динамика происходящих в Центральной Азии и вокруг нее процессов предопределила постоянную корректировку оценки Китаем факторов, угрожающих его безопасности, и соответственно механизмов и алгоритмов реагирования на них. В целом же, рассматривая развитие ситуации в ЦА и вокруг нее с начала 1990-х годов по настоящее время в контексте потенциальных угроз безопасности КНР, следует условно выделить три ключевых фактора, которые в основном определяют и в немалой степени продолжают определять политику Китая в Центральной Азии в сфере безопасности:

- фактор дезинтеграции постсоветского пространства в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР) (фактор распада СССР);
- фактор нестабильности в Афганистане;
- фактор присутствия США.

Фактор распада СССР

Такое эпохальное событие, как распад Советского Союза и образование новых независимых государств, коренным образом изменило расстановку сил и интересов и в регионе, и вокруг него, что само по себе являлось дестабилизирующим фактором для Китая, непосредственно граничащего с тремя центральноазиатскими странами — Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Негативное для Пекина развитие событий могло бы быть вызвано проблемами, унаследованными от периода советско-китайских отношений (например, пограничный вопрос), а также и появлением новых угроз, обусловленных изменением геополитической ситуации в ЦА. В этой связи наибольшую озабоченность у Пекина в начале 1990-х годов вызывали следующие потенциальные угрозы:

- неурегулированность погранично-территориальных вопросов;
- высокий уровень военного присутствия в приграничных районах;
- рост проявлений уйгурского сепаратизма.

Неурегулированность погранично-территориальных вопросов. Наличие неделimitированных участков границы, спорных территорий и отсутствие соответствующей договорно-правовой базы между Китаем и новыми, постсоветскими государствами вызывали у Пекина обоснованное беспокойство, так как все это могло привести к возникновению пограничных конфликтов. Но при этом Китай хотел воспользоваться «благоприятной» обстановкой, возникшей после распада СССР, для достижения максимальной выгоды для себя при решении погранично-территориальных споров.

Высокий уровень военного присутствия в приграничных районах. С конца 1960-х годов вдоль всего периметра советско-китайской границы были сосредоточены крупные войсковые группировки ВС СССР, а на территории Казахской, Киргизской и частично Таджикской ССР, граничивших с СУАР, дислоцировались войска Среднеазиатского военного округа. Там же располагалась часть ядерного стратегического арсенала СССР, используемого в то время как фактор сдерживания Китая. В условиях нерешенности в первой половине 1990-х годов погранично-территориальных споров достаточно высокий уровень концентрации военной силы и наличие ядерного оружия на сопредельной с СУАР территории не могли не вызывать беспокойство Пекина.

Активизация уйгурского сепаратизма. В конце 1980-х — начале 1990-х годов в Синьцзяне в очередной раз произошла активизация деятельности уйгурских сепаратистов, направленная на провозглашение независимого государства «Восточный Туркестан» и выход его из состава КНР. Распад СССР и появление новых независимых государств явились своего рода катализатором роста сепаратистских настроений в СУАР. Озабоченность руководства КНР ситуацией в Синьцзяне подкреплялась и наличием в ряде государств ЦА достаточно многочисленной уйгурской диаспоры, насчитывающей от 300 до 400 тыс. человек.

Политика Китая в сфере безопасности. В этих условиях для Китая было важно, прежде всего, не допустить возникновения на своих западных границах очагов напряженности и обострения ситуации в СУАР. В первую очередь Китай незамедлитель-

но выступил с инициативой возобновления переговоров по погранично-территориальным проблемам, начатых еще в период существования Советского Союза. Для китайского руководства было очевидным, что фундаментальные основы безопасности, целостности и неприкосновенности территории КНР будут обеспечены только тогда, когда будут окончательно определены, четко обозначены и договорно закреплены государственные границы Китая.

Уже в первой половине 1992 г. Китай инициирует двусторонние консультации с Казахстаном и Кыргызстаном по линии прохождения границы и спорным территориям (Таджикистан в силу начавшегося внутреннего вооруженного противостояния тогда практически выпал из переговорного процесса). В последующем Китай зафиксировал с каждой из указанных стран это положение в двусторонних соглашениях.

В то же время Пекин согласился с предложением Москвы о ведении переговоров по пограничной тематике в многостороннем формате. С этой целью в сентябре 1992 г. в Минске (Белоруссия) была сформирована рабочая группа в составе объединенной делегации России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и делегации Китая (так называемая формула «4 + 1»). В ходе переговоров были подтверждены ранее достигнутые договоренности между СССР и КНР по вопросам границы. Параллельно с погранично-территориальными проблемами в рамках данной рабочей группы решался вопрос о снижении уровня военного присутствия в приграничных районах.

Переговорный процесс по делимитации границ, а также по снижению уровня военного присутствия в приграничных районах завершился подписанием в 1996 г. в Шанхае и в 1997 г. в Москве соответствующих соглашений. Все это и заложило основы «Шанхайской пятёрки» и в целом ШОС — стратегического альянса между Пекином и Москвой.

Кроме того, в результате активных шагов, а порой и дипломатического давления Китая на государства региона в 1990-х годов была принята и по настоящее время проводится согласованная между КНР и странами ЦА политика в отношении проблемы уйгурского сепаратизма. Это является весьма важным

обстоятельством, поскольку в конце 1990-х годов руководство Китая принципиально изменило подходы к проблеме уйгурского сепаратизма и стало рассматривать его не только как «чисто» внутреннее явление, но и как составную часть международного террористического движения, борьба с которым требует совместных усилий.

Фактор нестабильности в Афганистане

В конце 1990-х годов, в период, когда Пекин стал все в большей степени проявлять интерес к Центральной Азии, в первую очередь к ее ресурсному и транзитному потенциалу, нарастает негативное воздействие на регион и СУАР военно-политической нестабильности в Афганистане. В связи с этим на первый план для Китая выходит борьба с новыми угрозами:

- международным терроризмом;
- исламским радикализмом и экстремизмом;
- незаконным оборотом наркотиков.

При этом принципиально важно и то, что с 2001 г. борьба Китая с данными угрозами оказалась напрямую связанной с фактором присутствия США в ЦА и Афганистане.

Активизация международного терроризма. Во второй половине 1990-х годов сохраняющаяся в Афганистане нестабильность привела к концентрации на афганской территории различных экстремистских группировок, пользующихся всесторонней поддержкой «Аль-Каиды». Это превратило страну в плацдарм международного терроризма. Отмечается появление в Афганистане и членов уйгурских группировок из СУАР, которые стали приобретать военный опыт, участвуя в боевых действиях на стороне талибов, а также проходя подготовку в лагерях «Аль-Каиды». Возвращаясь в Синьцзян, они принимали самое активное участие в вооруженных акциях против представителей китайских властей, а также выступали в качестве инструкторов на учебно-тренировочных базах, созданных в труднодоступных районах КНР. Руководство уйгурских сепаратистов не без ос-

нований считало, что движения «Талибан» и «Аль-Каида» представляют реальную силу, способную оказать действенную помощь в создании независимого исламского государства.

Распространение исламского радикализма и экстремизма. «Талибанизация» Афганистана стала основной причиной еще более активного распространения как в ЦА, так и непосредственно в Синьцзяне различного рода радикальных исламистских организаций, в первую очередь партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и так называемого Исламского Движения Узбекистана (ИДУ). Угроза исламского радикализма и экстремизма представлялась для Пекина реальной, поскольку большая часть населения СУАР исповедует ислам. Серьезную обеспокоенность у руководства Китая вызвали также попытки прорыва боевиков ИДУ на территорию Узбекистана и Кыргызстана в 1999 и 2000 гг. Сценарий развала существующих светских режимов в странах Центрально-Азиатского региона и прихода там к власти радикальных исламистов ни в коей мере не устраивал Пекин. Подобное развитие событий могло привести к дестабилизации ситуации в Синьцзяне, что в свою очередь несло реальную угрозу территориальной целостности Китая.

Рост незаконного оборота наркотиков. С конца 1990-х годов территория китайского Синьцзяна все активнее стала использоваться для международного наркотрафика: афганский героин начал поступать как непосредственно в КНР, так и транзитом через СУАР в российские регионы (в Сибирь и на Дальний Восток). Кроме этого афганские наркосиндикаты стали закупать в Синьцзяне прекурсоры (сырье, используемое при производстве героина из опия).

Политика Китая в сфере безопасности. По мере нарастания воздействия на регион новых транснациональных угроз, сотрудничество Китая со странами Центральной Азии и Россией становилось все более предметным. Уже к концу 1999 г. Пекин наладил с РФ и государствами ЦА взаимодействие по линии спецслужб и правоохранительных органов, что в условиях активизации деятельности уйгурских сепаратистов в СУАР, а также в ряде стран ЦА было достаточно актуально для Китая. После попыток вооруженного прорыва на территорию Узбекистана и

Кыргызстана боевиков ИДУ в 1999 и 2000 гг. КНР начала оказывать центральноазиатским государствам уже и конкретную военную помощь.

В итоге за очень короткий по историческим меркам период сотрудничество КНР со странами ЦА в сфере безопасности приобрело партнерский характер. Крайне важно и то, что к концу 1990-х годов Пекин наравне с Москвой сумел стать своего рода внешним гарантом формирующейся в Центральной Азии системы региональной безопасности. При этом наиболее важным достижением китайско-российского тандема явилось создание в июне 2001 г. на базе «Шанхайской пятерки» новой многопрофильной международной организации — Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Уже 15 июня 2001 г. в рамках ШОС была подписана Конвенция «О борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом», которая предусматривала еще более тесное взаимодействие государств-членов, а также предполагала возможность присоединения к сотрудничеству других стран.

Фактор усиления присутствия США

События 11 сентября 2001 г. и последовавшая за этим под эгидой Вашингтона антитеррористическая операция в Афганистане привели к кардинальному усилению присутствия Соединенных Штатов в Центральной Азии, что изменило расстановку сил в регионе в невыгодной для Пекина конфигурации. Более того, так называемая цветная революция в Кыргызстане и события в Узбекистане в 2005 г. лишь подтвердили опасения руководства Китая в отношении «реальных планов Вашингтона» в ЦА и возможности США влиять на ситуацию в потенциально опасном для КНР направлении. Соответственно произошел пересмотр Китаем системы приоритетов в оценке угроз интересам своей безопасности. На первый план для Китая вышли угрозы, так или иначе обусловленные масштабным присутствием США:

- появление крупного воинского контингента США в регионе;

- завуалированное политическое вмешательство США;
- расширение экономического присутствия США.

Появление крупного воинского контингента США в регионе.

В Пекине с нескрываемым беспокойством восприняли то обстоятельство, что вблизи западных рубежей Китая — в Узбекистане и Кыргызстане — впервые появился крупный американский воинский контингент. Этих сил, учитывая базы в Афганистане, по мнению экспертов, было вполне достаточно, чтобы в случае необходимости провести локальную военную операцию и держать под контролем западные районы Китая, в первую очередь СУАР, где находится ряд стратегически важных объектов, в том числе полигон «Лобнор» для испытания китайского ракетно-ядерного оружия. При этом Вашингтон существенно активизировал военное сотрудничество с государствами ЦА, что привело к подрыву сплоченности внутри ШОС и некоторому политическому «дрейфу» ряда государств — членов Организации в сторону США.

Более того, в стратегическом плане военное присутствие Соединенных Штатов в ЦА и Афганистане трактовалось в Пекине как возможный рычаг военно-политического воздействия США на Китай — потенциального соперника Соединенных Штатов не только в данном регионе, но и в мире в целом. Это, в свою очередь, побуждало руководство КНР рассматривать расширение позиций США в ЦА и Афганистане как продолжение проводимой Вашингтоном политики формирования однополярной модели миропорядка, которая, по мнению Китая, противоречит интересам глобальной безопасности.

Завуалированное политическое вмешательство США. Американское военное присутствие в ЦАР, в свою очередь, привело к расширению политического влияния США на центральноазиатские государства. Для осуществления контроля над обстановкой в Центральной Азии Вашингтон, используя финансовые и политические рычаги, мог «расшатать» ситуацию в рамках алгоритма так называемых цветных революций. События в Кыргызстане и Узбекистане весной 2005 г. Китай расценил как крайне опасный для себя сценарий, за которым явно просматривалось стремление США окончательно закрепиться в ЦА. Это, по мне-

нию Пекина, давало Вашингтону в дальнейшем потенциальную возможность оказывать все более значительное воздействие на социально-политическую ситуацию в СУАР КНР путем разыгрывания «уйгурской карты» под лозунгами продвижения демократии.

Расширение экономического присутствия США. Политика, проводимая США после 11 сентября 2001 г. под лозунгом единства действий всех стран мира против международного терроризма, отчетливо продемонстрировала Пекину, что Вашингтон не прочь кардинально расширить в Центральной Азии и свое экономическое присутствие. При этом, как представляется, особое опасение в Китае вызывали попытки США взять под контроль стратегические отрасли промышленности стран региона. В последующем, закрепившись в ЦА и опираясь на свою экономическую мощь, Соединенные Штаты путем финансовых вливаний могли бы получить возможность влиять на политическую и экономическую ситуацию в данном сегменте постсоветского пространства в выгодном для себя направлении.

Политика Китая в сфере безопасности. Несмотря на всю неоднозначность ситуации, обусловленной расширением американского присутствия в ЦА, Пекин сохранил взятый ранее курс на расширение взаимодействия с государствами региона в сфере безопасности как в рамках ШОС, так и в двустороннем формате, продемонстрировав при этом готовность использовать во всей полноте имеющийся у него потенциал для обеспечения своих интересов в регионе.

Основной акцент в реализации своего центральноазиатского курса Пекин сделал на усилении ШОС как своеобразного противовеса американскому присутствию в регионе и в целом механизма реализации здесь интересов Китая. В первую очередь потребовалось расширить и сделать более эффективной договорно-правовую базу регионального сотрудничества в рамках ШОС. На состоявшемся в июне 2002 г. в Санкт-Петербурге саммите по инициативе Китая и России была принята Хартия Организации, которая предусматривала права и обязанности ее членов с учетом новой ситуации в ЦАР и вокруг него.

В период «цветных революций» на постсоветском пространстве четко обозначилась устойчивая тенденция дальнейшего сближения Пекина и Москвы, что было основано на близости их оценок ситуации в ЦА и в мире в целом. Именно Китай и Россия выступили за расширение состава участников ШОС для усиления потенциала Организации и придания ей большего международного веса.

Одновременно Пекин взял курс на развитие политической и экономической составляющих ШОС: всестороннее углубление отношений с государствами ЦА за счет поддержки их политических режимов и участия в крупных экономических проектах. С 2005 г. КНР внесла целый ряд практических предложений по стимулированию экономического сотрудничества со странами региона.

В двустороннем формате Китай стал успешнее использовать фактор наличия общих угроз безопасности для установления более доверительных отношений со своими центральноазиатскими партнерами. При этом Пекину, как представляется, удалось увязать уровень и масштабы сотрудничества в сфере безопасности с реализацией крупных инвестиционных проектов в конкретных странах региона.

Выводы

Резкое изменение геополитической конфигурации в Центральной Азии и вокруг нее, вызванное распадом СССР, в 1990-х годах способствовало появлению новых угроз безопасности Китая.

Первоначально основной акцент в развитии сотрудничества с молодыми центральноазиатскими государствами Пекин сделал на решении проблем, унаследованных от китайско-советского периода отношений и проявившихся в результате дезинтеграции Советского Союза. Осторожная и одновременно настойчивая политика позволила Китаю к середине 1990-х годов добиться выгодного для себя решения целого ряда вопросов.

Однако уже в конце 1990-х годов нарастает негативное воздействие новых угроз, связанных с военно-политической нестабильностью в Афганистане. В этой ситуации Пекин выступил за развитие еще более активного сотрудничества с государствами ЦА. При этом Китай попытался взять на себя роль некоего внешнего гаранта формирования системы региональной безопасности, сделал ставку на стратегический тандем с РФ, которая в отличие от КНР имела уникальный исторический опыт присутствия в регионе.

События 11 сентября 2001 г. и последовавшее масштабное усиление в регионе присутствия США вновь изменили расстановку сил в ЦА и вокруг нее в невыгодном для Китая плане. После выработки соответствующих концептуальных решений Пекин значительно активизировал попытки укрепить стабильность и усилить свое влияние в регионе. При этом основной акцент был сделан во многом именно на экономическую составляющую отношений.

В настоящее время базовые элементы центральноазиатской стратегии Пекина в сфере безопасности в целом концептуально определились. Сама же стратегия заключается в том, чтобы, опираясь на ШОС и на тесное партнерство с Россией, участвовать в решении комплекса проблем безопасности, стремиться к всестороннему развитию отношений со странами ЦА, обеспечить реализацию своих стратегических целей, которые прежде всего касаются: 1) недопущения усиления присутствия США и их союзников в регионе; 2) стабилизации ситуации в Афганистане; 3) освоения богатых природных ресурсов ЦА и закрепления на ее рынках для экономического подъема СУАР.

*Е. И. Сафронова**

«ВОДНАЯ ПРОБЛЕМА» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИМИДЖ РОССИИ И КИТАЯ В РЕГИОНЕ

XX век стал свидетелем трехкратного увеличения населения Земли и шестикратного роста использования ее водных ресурсов¹. Треть населения планеты уже проживает в регионах, испытывающих острую нехватку воды, 20 % мирового населения не хватает этого ресурса даже для питья². По прогнозам, к 2050 г. численность населения Земли достигнет 8 млрд человек, но уже через 25 лет $\frac{2}{3}$ обитателей планеты будет проживать в районах, испытывающих острый дефицит водных ресурсов³. Недостаток питьевой воды в мире становится причиной смерти 3—4 млн человек ежегодно, и в ближайшие 10—20 лет это станет глобальной угрозой⁴.

Парадокс заключается в том, что 71 % территории Земли покрыто водой, однако при этом доля пресной воды во всех мировых гидроресурсах составляет всего около 2 %. Остальная вода — океаническая и морская — непригодна для употребления в силу ее чрезмерной минерализации. В принципе эту воду можно было бы опреснять уже сейчас, но тогда стоимость ко-

* Сафронова Елена Ильинична, к. э. н., в. н. с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 09-03-00688 а/р.

нечного продукта будет сравнима со стоимостью экзотических деликатесов⁵. Нехватка пресной воды все более дает о себе знать, несмотря на то, что мировое производство опресненной воды удваивается каждые 4 года. При всей экологической благополучности даже государствам Запада уже не хватает собственной воды. В Германии 25-литровая бутылка чистой горной воды из Кыргызстана стоит 12 долл. А рентабельность экспорта белорусской воды в ЮАР и Объединенные Арабские Эмираты составляет 200 %. В целом потребление импортированной бутилированной питьевой воды в платежеспособных странах приближается к 100 л в год на душу населения⁶.

Загрязнение вод — одна из важнейших социально-экологических и экономических проблем Азии. С конца XX в. на континенте почти повсеместно наблюдается рост загрязнения естественных и искусственных водоемов, связанный с развитием промышленности, увеличением численности и плотности населения, использованием более дешевых и посему более «едких» удобрений и ядохимикатов «старого поколения», причем в больших дозах на единицу площади, а также с отставанием в строительстве очистных сооружений. Основную опасность представляют патогенные микроорганизмы, органические вещества (биогены), тяжелые металлы, пестициды и другие токсичные взвеси и соли, в больших количествах находящиеся в континентальных водах⁷.

Для Центрально-Азиатского региона (ЦАР) водная проблема отличается особой остротой и спецификой. Государства Центральной Азии (ЦА) представляют собой ареалы «водного голода», вызванного не столько природно-географическими факторами, сколько быстрым ростом численности и плотности населения и — в весьма немалой степени — нерациональностью водопользования⁸.

В связи с возрастающей демографической нагрузкой в центральноазиатских странах, причем в основном в тех местностях, которые отличаются нехваткой именно пресной воды, создаются реальные предпосылки для усиления социальной напряженности из-за резкого снижения уровня занятости населения и критического снижения качества жизни⁹.

Таблица 1. Состав и объем основных гидроресурсов Центральной Азии¹⁰

Страна	Бассейн Амударья, куб. км/год	Бассейн Сырдарья, куб. км/год	Бассейн Аральского моря, куб. км/год	%
Казахстан	—	4,50	4,50	3,9
Кыргызстан	1,90	27,4	29,30	25,3
Таджикистан	62,9	1,1	64,00	55,4
Туркменистан	2,78	—	2,78	2,4
Узбекистан	4,70	4,14	8,84	7,6
Афганистан	6,18	—	6,18	5,4
Центральная Азия	78,46	37,14	115,6	100,0

Сегодня в ЦА в экстенсивном режиме используются все известные гидроресурсы, однако работы по водосбережению и изысканию новых водных возможностей (например, за счет разведки запасов грунтовых вод) практически не ведутся.

Нарушение гидробаланса в ЦАР обусловлено тем обстоятельством, что еще с 1930-х годов из стратегических соображений сельское хозяйство региона было сориентировано на выращивание влаголюбивой и водозатратной культуры — хлопка. Это привело к необходимости сооружения управляемой гидротехнической инфраструктуры, обеспечивающей активное орошение некогда пустынных земель и удовлетворение нужд сопутствующего промышленного производства и коммунального хозяйства, расширяющегося из-за увеличения числа занятых работников и общего демографического роста. В итоге крупнейшие реки ЦА — Амударья и Сырдарья были полностью зарегулированы еще в советский период¹¹.

В настоящее время, после распада командно-административной системы управления водохозяйственным комплексом, страны ЦАР пытаются самостоятельно извлекать выгоду из своих ресурсов. Ежегодный объем речных водных ресурсов в ЦАР составляет примерно 120 куб. км, из них на Амударью и Сырдарью приходится 115,6 куб. км (см. табл. 1). Гидроресурсы

региона истощаются, в то время как население ЦА увеличивается: его прирост к 2025 г. должен составить 40 %¹².

Более чем 80 % всех запасов пресной воды в Центральной Азии приходится на горные Кыргызстан и Таджикистан. Благодаря построенным в советское время водохранилищам в верховьях рек эти две страны имеют возможность регулировать водный сток. Здесь-то и кроется корень противоречий. На территории Кыргызстана и Таджикистана формируются реки, несущие воду в Узбекистан и Казахстан, — государства, являющиеся основными потребителями этого ресурса. В Кыргызстане 3,5 тыс. рек образуется за счет талых вод горных ледников и снега; в стране расположено 2 тыс. озер и более 5 тыс. скважин, выбрасывающих на поверхность в минуту по 15 л воды. В искусственных водохранилищах сконцентрировано почти 25 млрд куб. м воды¹³.

Интересы гидроэнергетики государств «верха» объективно не согласуются с интересами орошаемого земледелия государств «низа». Таджикистан и Кыргызстан стремятся увеличить производительность их ГЭС, сократить энергетическую зависимость от углеводородов Казахстана и Узбекистана и расширить экспорт электроэнергии в Иран, Афганистан, Пакистан и даже Индию. «Нижние» же, равнинные Узбекистан и Казахстан для обеспечения нужд своего сельскохозяйственного и промышленного производства, наоборот, заинтересованы в ирригационном, а не энергетическом режиме работы «верхних» ГЭС, что и вызывает серьезные трения. Начало этим конфликтам было положено в конце 1990-х годов, когда, например, водный спор вызвал напряженность на узбекистано-казахстанской границе¹⁴.

Следует отметить, что проблемы с водоснабжением весьма велики даже в богатой водой Кыргызской Республике (КР). Так, более 700 тыс. человек в стране не имеют там доступа к чистой питьевой воде, 40 % водопроводов и водотехнического оборудования изношено или пришло в негодность. Треть населения страны пользуется водой из колодцев и цистерн, за которыми выстраиваются длинные многочасовые очереди, а в некоторых аилах население вынуждено менять продовольствие на канистры с чистой водой¹⁵. Положение усугубилось нехваткой

квалифицированных специалистов-водотехников, вызванной тем, что многие русскоязычные специалисты, работавшие в стране, были вынуждены эмигрировать¹⁶.

К тому же, по прогнозам, к 2025 г. из-за глобального потепления площадь оледенения горных вершин КР сократится в среднем на 30—40 %, что приведет к уменьшению водности рек, берущих свое начало в горах, на 25—35 %¹⁷. Таким образом, существует высокая вероятность утраты водным потенциалом Центральной Азии характера восполнимого ресурса, что еще более обостряет проблему обеспеченности ЦАР водой.

Противоречие между потребностью в воде и темпами роста населения особо остро проявляется в Республике Узбекистан (РУ). В стране около 90 % водных ресурсов используется на орошение рисовых и хлопковых полей. Известный эксперт А. Куртов уже говорит о социальном и экологическом кризисе из-за дефицита воды в ряде регионов Узбекистана, в частности в Каракалпакии. Воды в стране не хватает не только для полива, но и для бытовых нужд населения¹⁸. Возникла проблема экологических беженцев из-за опустынивания значительной части территории Каракалпакии. Численность беженцев может превысить 200 тыс. человек¹⁹.

Россия — обладатель богатейших гидроресурсов, однако водные проблемы ее центральноазиатских партнеров грозят сокращением водоподачи и нарушением адекватного водоснабжения ряда российских регионов. Так, намерение Казахстана использовать гидропотенциал реки Ишим (в частности, для обеспечения нужд Астаны), а также рек Иртыш и Тобол для развития внутренних районов с настороженностью встречено в приграничных областях РФ. У центральноазиатских соседей есть нарекания в адрес Туркменистана, который продолжает осваивать новые земли путем резкого увеличения забора воды в Каракумский канал²⁰.

Особую остроту в проблему водоснабжения ЦАР вносит состояние Арала. В советское время для увеличения площадей посевов риса, а главное — хлопчатника были проведены масштабные работы по ирригации среднеазиатских земель. Это привело к Аральской катастрофе — резкому сокращению стока в Араль-

ское море Амударьи и Сырдарьи, разобранных для орошения и полива, деградации тугайных лесов вдоль русел этих рек, постепенному исчезновению 4-го по размерам озера-моря в мире, фактическому прекращению вылова в нем рыбы, некогда достигавшего 44 тыс. т в год, и потере 60 тыс. рабочих мест²¹.

Сейчас в двух местах акватории Арала обнажилось дно. Площадь этих безводных «пятен» составляет 40—50 тыс. кв. км. Покров образовавшегося «дна» состоит из россыпи вреднейших минеральных солей на 10—12 м вглубь. Заболеваемость раком в этих местах возросла в 15—20 раз. К тому же образовавшийся перешеек соединил с берегом остров, на котором находится леппрозорий, и теперь последний никак не отделен от мест проживания здорового населения²². Требуется решения и проблема острова Возрождения с остатками биологического оружия, ибо высыхание Арала грозит распространением опасных штаммов на огромные расстояния²³.

Катастрофическим образом страдает экология: не разбавленные водой пестициды и песок с высохших хлопковых полей вызывают массовые болезни, смертность местного населения²⁴ и падеж скота.

По оценкам международных специалистов, в этой части континента ветрами поднимается в воздух и переносится 75 млн куб. м соли и токсичной мелкодисперсной пыли, засыпающей сельскохозяйственные угодья. На космических съемках видно, как сотни тысяч тонн соли и песка с осушенных земель и открывшегося дна перемещаются на юг Уральского региона России, в города Саратов, Волгоград, Оренбург, Орск²⁵.

По одной из гипотез, высыхание моря может привести не только к деградации природной среды Центрально-Азиатского региона, но и к изменению климата в мировом масштабе²⁶.

Снабжение чистой питьевой водой и поддержание здоровой санитарно-эпидемиологической обстановки является еще одним важнейшим аспектом водной проблемы всей Центральной Азии. Повышение уровня грунтовых вод за счет поверхностных, проникающих под землю ввиду неизбежной фильтрации, привело к подъему грунтовых вод до уровня ассенизационных сооружений и переносу содержимого последних по грунту в

питьевые колодцы. Это повлекло за собой распространение гепатитов и различных желудочно-кишечных заболеваний, а также рост случаев врожденных уродств. Из каждых 10 детей 6 имеют хронические заболевания, а то и врожденные уродства²⁷.

В Таджикистане дефекты водоочистки стали причиной регулярных эпидемий тифа. Только в городе Кулябе с прилегающим районом с 1999 по 2005 г. заболело брюшным тифом около 10 тыс. человек²⁸. Ввиду нехватки средств на модернизацию водоочистного оборудования и химическую очистку воды власти страны были вынуждены отказаться от ее хлорирования, а не привыкшее кипятить воду население сразу стало жертвой этого решения²⁹.

Помимо центральноазиатских государств, к числу стран ШОС, страдающих от дефицита водных ресурсов, относится и Китай. С одной стороны, КНР занимает 5—6-е место в мире по объему возобновляемых гидроресурсов (в основном благодаря тому, что для больших прибрежных территорий КНР характерен муссонный режим питания рек, когда летний муссон приносит много влаги и сопровождается паводками и наводнениями) и на первый взгляд не должна испытывать нехватку воды. Однако в период зимнего муссона наступает сухой сезон с резким сокращением стока рек, когда даже при относительно большом количестве среднегодовых водных ресурсов наблюдается дефицит воды. В большинстве районов Китая имеет место нехватка именно пресной воды. Отчасти это объясняется природными особенностями: неравномерностью распределения осадков по территории страны; расположением половины сельскохозяйственных угодий в засушливых районах, где земледелие невозможно без искусственного орошения, и т. д.³⁰ 83,8 % водных ресурсов Китая приходится на водосбор реки Янцзы и районы к югу от него. Засухе регулярно подвержено порядка 15 % земель, а в особо засушливые годы — до 30 % неорошаемых земель, составляющих половину площади сельскохозяйственных угодий КНР. Поэтому в засушливых регионах широко используются подземные воды, откачка которых ведет к проседанию земной поверхности³¹. По запасам пресной воды КНР с ее огромным населением находится лишь на 121-м месте в мире *per capita*.

Более 600 городов страны и 20 млн человек испытывают нехватку воды. Среди таких городов и Пекин, который переживает многолетний период засухи. Общий дефицит воды для бытовых и промышленных нужд городов составляет 6 куб. км в год³². По информации, опубликованной Министерством водных ресурсов КНР, через 30 лет в Китае может наступить водный кризис. К 2030 г., когда количество жителей Китая достигнет 1,6 млрд человек, на душу населения страны будет приходиться всего 1,7 тыс. куб. м водных запасов. Сами китайские эксперты считают это опасным пределом³³.

Качество воды в Пекине и других вододефицитных городах — еще один больной вопрос. Очистных сооружений мало, поэтому воды для технических целей в столице и других мегаполисах не хватает. Нет трубопроводов для подачи такой воды обратно в город и использования, например, в ассенизационных целях или для озеленения. А доставка ее в цистернах весьма дорогостояща.

Для корректировки «угрожающего» положения с водой в Китае начал реализовываться проект по переброске воды с Юга на Север, который разрабатывался в течение почти 50 лет. Пока началась прокладка каналов в северные реки из восточной и средней части Янцзы (восточное направление). Именно этот водный путь должен к 2010 г. обеспечить питьевой водой столицу КНР. Весь же проект планируется завершить к 2050 г.³⁴

Не все китайские специалисты разделяют оптимизм по поводу этого грандиозного гидротехнического проекта. Так, автор книги «Водный кризис в Китае» Ма Цзюнь полагает, что ввиду пролегания восточного канала в открытом грунте проходящая по нему вода будет поступать в Пекин и другие города уже загрязненной. Чтобы предотвратить это, потребуются новые масштабные вложения. Может понадобиться и отселение людей из затапливаемых новыми водами районов³⁵.

В Китае идут работы по ирригации бесплодных земель СУАР (проект № 635). Намерение Пекина значительно увеличить посевные площади под хлопок и зерновые в Автономном районе, а также обеспечить водой новые промышленные объекты обусловлено задействованием ресурсов верхнего, так на-

зываемого Черного Иртыша. Планируется последовательное увеличение водозабора из этой реки до 4 куб. км в год.

Китайское гидротехническое «наступление» в Средней Азии началось еще в 1970-е годы, когда более трети вод трансграничной реки Или (третьей по величине реки в Казахстане) было разобрано на орошение в большой мере именно на китайской территории, в результате чего возник кризис обмеления озера Балхаш. Республика Казахстан подавляющую часть своих вод в принципе получает из-за границы — из Китая (Иртыш, Или) или из Кыргызстана (Сырдарья).

Из-за активного водозабора из Черного (китайского) Иртыша Россия уже недополучает свыше 2 куб. км воды в год, вследствие чего без воды могут остаться Омская, Курганская и Тюменская области РФ. Забор воды из Иртыша привел к проблемам с водоснабжением и в Северном Казахстане (например, заметно обмелел 300-километровый канал Иртыш — Караганда)³⁶. Член-корреспондент НАН Казахстана И.Северский полагает, что из-за вмешательства КНР в течение Иртыша дефицит его стока возрастет настолько, что с большим трудом можно будет поддерживать санитарный минимум воды в реке, причем придется отказаться от судоходства, рыболовства и необходимого затопления пойменных угодий³⁷. Мощности каскада иртышских ГЭС на территории РК снижаются уже сейчас. По мнению координатора проектов по гидроресурсам Национального экологического центра РК К. Дускаева, если не учитывать последствий увеличения забора иртышской воды, то буквально через несколько лет речь пойдет об экологической катастрофе в Прииртышье. «Из Китая в Иртыш, а значит, и в Обь уже поступает вода, загрязненная тяжелыми металлами, нефтепродуктами и нитратами»³⁸. Для России «иртышский вопрос» весьма актуален еще и потому, что по объемам сброса загрязненных сточных вод Иртыш ныне занимает 6-е место в стране. Предельно допустимые концентрации большинства вредных веществ в реке и ее притоках превышают нормативы в 6—30 раз, по нефтепродуктам и соединениям меди — в 50 и более раз. В Оби и ее притоках из-за аварий и сбоев в работе очистных систем часто регистрируется превышение нормативов по азоту

и фенолу в 30—90 раз. В Ишим же казахстанской стороной сбрасываются особо токсичные отходы (включая соли тяжелых металлов). Существует угроза опасного загрязнения и реки Тобол со многими другими притоками Оби, которые «идут» в Россию из Казахстана³⁹. Химическое загрязнение воды зачастую носит необратимый характер, ибо не поддается исправлению. Поэтому уже сейчас можно подвергнуть большому сомнению восполнимость гидроресурса Оби.

С 1999 г. между КНР и Казахстаном ведется дискуссия по вопросам эксплуатации вод трансграничных рек. По инициативе Астаны создана Совместная казахстанско-китайская комиссия, в рамках которой проводятся заседания международных рабочих групп экспертов. Существуют проекты соглашения об обмене гидрологическими и гидрохимическими данными, о контроле качества воды и о предупреждении загрязнения трансграничных рек, о научно-исследовательском сотрудничестве⁴⁰. Стороны договорились регулярно обмениваться информацией о состоянии воды и водохозяйственных объектов и трансграничных рек Или, Иртыш и др. Ученые двух стран уже более 15 лет совместно изучают экосистемы крупных бессточных озер Центральной Азии. Также проведены совместные конференции и выпущены коллективные монографии по гидроэкологическим проблемам бессточных озер⁴¹. Однако к более ощутимым результатам эти переговоры пока не привели. Несмотря на то что в сентябре 2001 г. Китай и Казахстан и заключили договор по использованию трансграничных рек, однако в целом он носит декларативный характер. К тому же он включает положение о невозможности для сторон «ветировать» планы друг друга, что на деле сводит на нет практическую значимость этого договора.

Несмотря на то что Иртыш — это трансграничная река и для России, Пекин настаивает на продолжении переговоров о судьбе ресурсов Иртыша лишь в двустороннем формате, без подключения к ним РФ, объясняя это необходимостью индивидуального подхода в каждом конкретном случае⁴². По всей видимости, Пекин не спешит ограничивать свою экономику в использовании гидроресурсов и тем более уступать в этом вопросе партнерам. Без адекватного водоснабжения невозможно

быстрое непрерывное развитие экономики Китая, обеспечивающее и нужды огромного населения страны⁴³.

В российско-китайских отношениях в сфере совместного использования гидроресурсов существует еще одна проблема. Как известно, Китай не отказывается от планов строительства ряда ГЭС (с необходимыми для этого плотинами) по основному руслу реки Амур. Возможно, эти планы китайской стороны продиктованы не только задачами получения электроэнергии, но и интересами создания условий для переброски части амурского стока на нужды внутренних районов КНР. Инвестиции на эти цели наверняка будут найдены. Россия не против сооружения ГЭС, но только на притоках Амура, что ей представляется более щадящим для водного и биологического режима реки действием. Некоторые российские специалисты опасаются, что, не проявив настойчивость (которой не занимать китайцам!), нерешительная Россия пойдет на уступки и в этом вопросе⁴⁴, тем более что амурские «аппетиты» Пекина внешне выглядят как соответствующие курсу правительства России на ускоренное расширение экономических отношений с КНР⁴⁵.

Российско-казахстанский диалог по водной проблеме опирается на двустороннее соглашение о совместном использовании и охране трансграничных гидрообъектов, действующее с начала 1990-х годов. Работает совместная водная комиссия, в ведении которой находятся вопросы технического обслуживания коллективной водной инфраструктуры, графики работы водохранилищ, лимиты водозаборов⁴⁶.

Каждая из центральноазиатских стран приняла и корректирует свои законы и кодексы по водопользованию, которые в большинстве случаев не «стыкуются» с соответствующими нормативными актами государств-соседей. Попытки преодолеть разногласия предпринимались на самом высоком уровне. С середины 1990-х годов, сначала в рамках Центральноазиатского союза, затем Организации центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС) прилагались усилия по нахождению столь нужного компромисса. Еще в 1992 г. была создана Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК) Центральной Азии с ее исполнительными органами. МКВК должна

была заняться реализацией единой водохозяйственной политики. В том же году в Алматы было подписано первое центральноазиатское межправительственное соглашение о сотрудничестве в деле согласованного управления и использования водных ресурсов Сырдарьи и Амударьи. Далее подобные соглашения подписывались чуть ли не ежегодно. В 1993 г. было принято Соглашение о сотрудничестве в сфере совместного управления, использования и охраны водных ресурсов межгосударственных источников, утвержденное на саммите президентами всех пяти государств ЦАР. В апреле 1996 г. было подписано соглашение между правительствами РК, Кыргызстана и РУ об использовании топливно-энергетических и водных ресурсов. В 1997 г. страны ЦА заключили договор о создании единого экономического пространства. Соглашение между правительствами Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана «О сотрудничестве в области охраны окружающей среды и рационального природопользования» 1998 г. имело прямое отношение к использованию водно-энергетических ресурсов бассейна Сырдарьи, тогда же была оглашена договоренность о создании Центральноазиатского водно-энергетического консорциума. Здесь следует отметить, что о водно-энергетическом консорциуме впервые заговорили еще в 1992 г. Тогда в Алматы четыре страны подписали соглашение, где говорилось, что «только объединение и совместная координация действий будут способствовать созданию благоприятных условий для решения социально-политических проблем, позволят смягчить и стабилизировать экологическую напряженность»⁴⁷. Однако дальше декларации ни тогда, ни после 1998 г. дело не пошло. Создание консорциума предполагало совместное инвестирование в строительство и эксплуатацию новых объектов ирригации. Некоторый прогресс наметился, когда в ОЦАС вступила РФ. Российская сторона обратила внимание на то, что страны ЦАР сами по себе не в состоянии решить водную проблему и обеспечить экологическое равновесие. После присоединения России к ОЦАС были возобновлены попытки разработки проекта создания водно-энергетического консорциума, финансируемого Евразийским банком России и Казахстана⁴⁸.

В 1999 г. на высшем уровне была принята Ашхабадская декларация по проблемам Арала. Наконец, в 2002 г. главы государств Центральной Азии, за исключением Туркменистана, приняли «Решение об основных направлениях Программы конкретных действий по улучшению экологической и социально-экономической обстановки в бассейне Аральского моря на период 2003—2010 гг.», где была предусмотрена подготовка пакета соглашений по основным трансграничным водным потокам. В развитие указанных документов сторонами несколько раз на самом высоком уровне принимались и декларировались программы об активизации и интенсификации сотрудничества, однако организационный механизм реализации проектов так и не был создан. В итоге все эти солиднейшие межгосударственные, а также двусторонние документы фактически не работают⁴⁹. Проблема «водных» взаимоотношений осталась неразрешенной и после создания экономического союза стран региона. В результате она вышла на межгосударственный уровень и стала предметом острейших дискуссий⁵⁰.

В настоящее время существуют два диаметрально противоположных подхода к решению проблемы вододефицита в Центральной Азии.

Первый — это получить гидроресурсы из-за рубежа путем изменения русел полноводных рек и строительства на них соответствующих гидротехнических сооружений (плотин, каналов). Лидеры Казахстана и Узбекистана регулярно выступают за поворот стока сибирских рек в сторону ЦА. Стремление стран ЦАР прирастить свои гидроресурсы за счет трансграничного водотока усиливается интересами некоторых международных сил, намеренных контролировать регион посредством гидрополитики. В итоге стала реальностью проработка планов о переброске воды из Ганга через Гималаи. Однако обсуждение проектов о техническом пополнении гидроресурсов Центральной Азии из-за рубежа ныне отложено на неопределенное время благодаря мировому экономическому кризису.

Второй путь основан на том обстоятельстве, что, по мнению многих специалистов, водная проблема в ЦАР, как и практически во всей Азии, прямо не связана с недостатком гидроресурсов

как таковым. Истинное решение этой проблемы заключается в повышении эффективности использования имеющихся водных ресурсов. Так, академик В. Селиверстов полагает, что вместо подвода зарубежных вод в ЦАР в целях эффективизации там земледелия достаточно более рачительно использовать уже существующие ирригационные мощности. При рациональном управлении водных ресурсов этого может оказаться вполне достаточно и для орошения, и для экологических целей⁵¹, ибо в действительности регион до сих пор занимает первое место в бывшем СССР по потерям водоресурсов и уровню их загрязнения⁵².

Например, на Арале воды или уходят в грунт при фильтрации, или попадают в дренажную систему, из которой почти половина теряется в пустынных низменностях. За десятилетие в бассейне Арала земель с высоким уровнем именно грунтовых вод прибавилось на 35 %. Общая площадь таких земель, превратившихся в непригодные для сельхозработ болота, составляет 2,5 млн га⁵³. Треть имеющихся водных ресурсов Кыргызстана теряется именно из-за нерационального использования — эта цифра признается официальным Бишкеком. Ситуация в «водном» Таджикистане в этом плане также весьма сложна. Свой благополучный имидж Душанбе удается спасти «благодаря» отсутствию вразумительной статистики⁵⁴. В Кыргызстане большинство из 108 скважин пришло в негодность; треть насосных станций требует замены. Четвертая часть каналов и треть водозаборников нуждается в санации и ремонте. Неудовлетворительное состояние водохранилищ приводит к потере в год более 300 млн куб. м воды. В других местах из-за изношенной дренажной системы на поверхность, наоборот, выходят грунтовые воды, что ведет к засолению и заболачиванию почв⁵⁵. При всем стремительном обмелении Амударьи и Аральского моря в сопряженных оросительных системах скапливается избыток воды, насыщенной солями и удобрениями, пестицидами и ядовитыми дефолиантами. Из сбросовых вод образовалась целая система (!) Ансайских озер, а Сарыкамышская впадина, соседствующая с пустыней Каракум и плато Устюрт, заполнена водой на площади 3200 кв.км. Только в одном Узбекистане заболочено и засолено 800 тыс. га земли. Фильтрация воды из каналов и избыточ-

ный полив подняли уровень грунтовых вод. Дефекты канализационных систем привели к отравлению колодцев сточными водами и иными нечистотами, зараженными возбудителями инфекционных болезней⁵⁶.

Для рационализации водопользования в регионе жизненно необходимо проведение комплексной реабилитации орошаемых площадей, в частности, путем внедрения новых видов полива, противofильтрационной облицовки русел магистральных и межхозяйственных каналов, строительства новой и реконструкции существующей коллекторно-дренажной сети⁵⁷. Однако для осуществления этих мероприятий требуются огромные средства, которыми ни одна страна ЦАР не располагает.

Государства региона в свое время предпринимали попытки найти источники финансирования их водоснабженческих инициатив. В 1993 г. главами пяти государств ЦАР было подписано Соглашение о совместных действиях по преодолению Аральского кризиса; основан МФСА; образован Межгосударственный совет по проблемам бассейна Аральского моря (МГСА); после одобрения Исполкомом МГСА программы действий было сформировано 10 рабочих групп (5 национальных и 5 региональных). Свою готовность финансировать детализацию всех направлений программы выразил Всемирный банк. По словам Генерального директора узбекского объединения «Водпроект» В. Антонова, помимо донорской подпитки, это финансирование осуществлялось в виде выделения грантов. 95 % средств шли на оплату командировок и содержание иностранных специалистов, главной задачей которых являлся сбор информации о внутреннем положении государств региона. Из оставшихся 5 % немалая часть использовалась на подкуп местных специалистов, предоставлявших нужную информацию. И лишь небольшое доставалось рабочим группам. После того как каждая из них снабдила западных экспертов ценнейшим материалом, включая данные о проведенных исследованиях и потенциале научно-исследовательских организаций, все контакты с ними эксперты ВБ прервали. В. Антонов полагает, что это было вызвано не только осознанием западными экспертами всей сложности Аральской проблемы, но и тем, что кому-то на Западе выгодно разрознен-

ность и несогласованность действий государств ЦАР⁵⁸. В итоге работы, начатые под эгидой МГСА и его Исполкома, были свернуты. Взамен эксперты ВБ предложили маловразумительные технические задания. В. Антонов не исключает, что именно с подачи Всемирного банка был упразднен МГСА и его работоспособный Исполком и создано (в Ташкенте) Агентство GEF, полностью подконтрольное ВБ⁵⁹.

Поскольку актуализация водной проблемы способна обострить уже существующую напряженность в ЦАР, становится очевидной необходимость поиска международного согласия в этом вопросе. Ценность водных ресурсов в Центральной Азии и накал борьбы за них, видимо, будут возрастать прямо пропорционально степени общей деградации вод в регионе, дальнейшему обмелению его крупнейших водных артерий и Арала, увеличению численности населения в центральноазиатских государствах и Китае, темпам экономического роста КНР. Демографический и экономический «всплеск» неизбежно влечет за собой увеличение личного и промышленного потребления воды.

Может ли ШОС способствовать решению водной проблемы стран ЦАР и Китая и избежать ошибок международных структур, доселе задействованных в ее решении? До сих пор усилия, предпринимаемые странами ЦАР и Китаем в направлении рационализации трансграничного водоснабжения и водопользования, не приводили к кардинальным результатам и не имели отношения к Шанхайской организации как таковой. Проектная рабочая группа по энергетике и водным ресурсам, в которой принимают участие представители стран ЦАР, Европейской экономической комиссии (ЕЭК), ОЦАС и МФСА и др., по ряду причин так и не стала эффективным оперативным органом.

Еще одной общей проблемой многих стран ШОС является деградация и опустынивание почв. Происходит изменение структуры земель, связанное прежде всего с обширностью посевов чрезвычайно влаголюбивого хлопчатника, многократно повышающего потребность земли в воде. В Китае пустыни занимают территорию площадью до 1,74 млн кв. км, или 18,2 % территории страны. Более того, площадь подвергающихся опусты-

ниванию китайских земель увеличивается ежегодно в среднем на 3,4 тыс. кв. км. В настоящее время в КНР осуществляется проект по созданию защитных лесонасаждений в северо-западной, северной и северо-восточной частях Китая и проект по искоренению источников песчано-пыльных бурь. Эти проекты охватывают 85 % пустынь КНР⁶⁰. Данный опыт мог бы быть полезен в случае водно-экологического взаимодействия стран ШОС.

Пока же «эгоистичное» поведение Китая при эксплуатации трансграничных гидроресурсов играет не на пользу его имиджа в казахстанской части Центрально-Азиатского региона, да и в России. Однако в Кыргызстане и Таджикистане, производящих электроэнергию, активность КНР по участию в сооружении ГЭС приветствуется самым очевидным образом и благоприятно сказывается на имидже страны в государствах «верхнего этажа».

На современном этапе проблема вододефицита в государствах ЦАР может быть решена только путем водосбережения, поскольку титанические проекты по переброске рек из-за рубежа сейчас невозможны по причине острейших финансовых проблем во всем мире. Само водное хозяйство и оросительные системы в ЦА не модернизированы, а структура реального сектора экономики по-прежнему сориентирована на водозатратные производства. Собственными силами изменить существующее положение государства ЦА не в состоянии по причине собственных экономических трудностей, усугубленных мировым кризисом. Вот здесь Россия могла бы сыграть роль если не абсолютного спонсора, то хотя бы технического супервайзера проектов по рационализации водопотребления в регионе. Тем более что РФ обладает в этом отношении бесспорными конкурентными преимуществами по сравнению с другими возможными партнерами стран ЦА: имеет собственный богатый опыт управления гидроресурсами, а также накопленные десятилетиями обширные знания водной специфики региона и его гидротехнической инфраструктуры. Наша страна могла бы быть успешной в оказании технической помощи в реконструкции построенных в советский период и уже изношенных систем орошения; в содействии геологическим исследованиям по оценке ресурсов подземных вод ЦА, а также в осуществлении космиче-

ского мониторинга состояния гидроресурсов региона, в частности его горных ледниковых покровов.

Несомненно, что участие в решении водной проблемы ЦАР, непосредственно влияющей на жизнь и деятельность многих миллионов человек, самым благотворным образом отразилось бы на имидже нашей страны не только на уровне правящих элит региона, но и в глазах широких масс простого населения Центральной Азии. Позитивизации имиджа РФ в регионе могла бы способствовать и ее деятельность в качестве проводника интересов центральноазиатских стран в их переговорах с «третьими», внерегиональными силами, заинтересованными в центральноазиатском водно-энергетическом регулировании, — Всемирным банком, Европейской экономической комиссией (ЕЕС), Американским агентством международного развития (USAID).

Примечания

¹ *Блинов А.* Воды в мире или где-то слишком много, или слишком мало. URL: ferghana.ru/article.php?id=711.

² Водные проблемы Центральной Азии / *К. Л. Валентини, Э. Э. Оролбаев, А. К. Абылгазиева.* Бишкек: МИСИ; Социнформбюро; Фонд им. Ф. Эберта, 2004. С. 9.

³ Там же. С. 13—14.

⁴ http://www.arbuz.uz/u_aral_perebr.html

⁵ Водные проблемы Центральной Азии... С. 8.

⁶ <http://magazines.russ.ru/ural/2004/8/par7.html>

⁷ *Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С.* Потребление воды: экологический, экономический, социальный и политический аспекты. URL: <http://www.iwp.ru/monograf/ddwater/te/dd27.shtml>

⁸ Там же.

⁹ <http://ferghana.ru/article.php?id=1268>

¹⁰ *Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С.* Указ. соч.

¹¹ <http://www.iwp.ru/monograf/ddwater/te/dd27.shtml>

¹² Водные проблемы Центральной Азии... С. 9.

¹³ *Богданов А.* Формула благоденствия. Что мешает задействовать гидроэнергетические ресурсы Средней Азии. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20060825064129594>

¹⁴ *Севастьянова О.* Назрел водопердел. Найдет ли ШОС брод в водных проблемах Средней Азии. URL: <http://centrasia.org/newsA.php4?st=1150081080>; <http://www.analitika.org/article.php?story=20060612003315731>

¹⁵ *Ашимбаев Д.* Любовь к электричеству, или Почему Таджикистан и Киргизия не считаются с соседями. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20060618013833325>

¹⁶ *Куртов А.* Водные конфликты в Центральной Азии. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20050307121605551>

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ <http://www.iwp.ru/monograf/ddwater/te/dd27.shtml>

²⁰ <http://magazines.russ.ru/ural/2004/8/par7.html>

²¹ <http://www.iwp.ru/monograf/ddwater/te/dd27.shtml>

²² <http://www.analitika.org/article.php?story=20050307121605551>; *Самарина А.* Надо ли, и если надо, то как спасти Аральское море? URL: <http://ferghana.ru/article.php?id=968>

²³ *Малахова О.* Вот новый поворот. <Http://www.np.kz/2002/16/issled2.html>

²⁴ *Петухов С.* Поворот рек: на этот раз Лужков высказал вполне здравую идею. URL: <http://ferghana.ru/article.php?id=1160>

²⁵ *Мусаев Б.* Воды сибирских рек в Центральной Азии: утопия или необходимый реальный проект? URL: <http://ferghana.ru/article.php?id=1050>

²⁶ Там же.

²⁷ <http://www.iwp.ru/monograf/ddwater/te/dd27.shtml>

²⁸ *Скоробогатов А.* Реки Сибири как средство влияния на Центральную Азию. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20050524050108212>

²⁹ *Звягельская И. Д., Наумкин В. В.* Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» ряда в Центральной Азии // Азиатско-Тихоокеанский

регион и Центральная Азия: контуры безопасности / под ред. А. Д. Воскресенского, Н. П. Малетина. М., 2001. С. 301.

³⁰ *Миловзоров А.* Китайцы устроят в Сибири великую сушь. URL: <http://www.utro.ru/articles/2005/12/06/501591.shtml>

³¹ *Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С.* Указ. соч.

³² *Плескачевская И.* Дело рук человеческих. URL: <http://china.kulichki.com/YourArticles/047.shtml>; *Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С.* Указ. соч.

³³ *Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С.* Указ. соч.; URL: <http://www.explan.ru/archive/2001/48/monitor.htm>

³⁴ *Плескачевская И.* Указ. соч.

³⁵ <http://china.kulichki.com/YourArticles/047.shtml>

³⁶ <http://www.svoboda.org/programs/eco/2002/eco.122602.asp>

³⁷ *Чичкин А.* Деньги можно отмыть и в воде. URL: <http://www.ruspred.ru/arh/14/17.php>

³⁸ <http://ferghana.ru/article.php?id=1175>

³⁹ *Чичкин А.* Указ. соч.

⁴⁰ <http://www.apn.kz/publications/article5569.htm>

⁴¹ *Турсунов А. А.* Гидроэкологические проблемы Республики Казахстан. URL: http://www.ca-c.org/journal/13-1998/st_09_tursunov.shtml

⁴² *Ревский А.* Фактор воды: эгоизм Китая грозит Казахстану экологической катастрофой. URL: <http://www.apn.kz/publications/article5569.htm>; *Миловзоров А.* Китайцы устроят в Сибири великую сушь...

⁴³ *Миловзоров А.* Указ. соч.

⁴⁴ *Симонов Е., Подольский С.* Кто перекрывает Амур? Экологическое расследование. URL: <http://2006.novayagazeta.ru/nomer/2006/18n/n18n-s35.shtml>

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *Миловзоров А.* Указ. соч.

⁴⁷ *Богданов А.* Указ. соч.

⁴⁸ <http://www.analitika.org/article.php?story=20060825064129594>

⁴⁹ *Севастьянова О.* Указ. соч.; *Бхадракумар М. К.* Москва перетягивает Центральную Азию на свою сторону. URL: <http://www.asiainform.ru/rusdoc/7747.htm>; *Скоробогатов А.* Указ. соч.

⁵⁰ Куртов А. Указ. соч.

⁵¹ <http://ferghana.ru/article.php?id=1510> ; <http://www.analitika.org/article.php?story=20050524050108212>

⁵² Чичкин А. Указ. соч.

⁵³ <http://www.analitika.org/article.php?story=20050524050108212>

⁵⁴ Ашимбаев Д. Указ. соч.

⁵⁵ Севастьянова О. Указ. соч.

⁵⁶ <http://magazines.russ.ru/ural/2004/8/par7.html>

⁵⁷ Рузиев Р. Опять поворот сибирских рек? URL: <http://www.ctaj.elcat.kg/tolstyj/a/a080.html>

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ <http://www.ctaj.elcat.kg/tolstyj/a/a080.html>

⁶⁰ www.ru.ruschina.net/news/ecol/. 12.04.2004.

*А. Г. Ларин**

КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ И РОССИЙСКИЙ ПРАВООРЯДОК. ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Разнообразные и многочисленные нарушения правопорядка — большая тема, идет ли речь о мигрантах вообще, или о мигрантах из КНР, или, если на то пошло, о ситуации в РФ в целом. Противозаконные действия китайских мигрантов не только наносят ущерб российскому государству, но и худшим образом влияют на формирование образов Китая и китайца в российском массовом сознании. Другой вопрос — соразмерно ли влияют.

Криминальной деятельности китайцев посвящено немало гневных разоблачительных публикаций, в которых правда перемешана с вымыслом, подчас при заметном перевесе в пользу последнего, и которые читаются как беллетристика, написанная в форме документальной прозы. Отчасти это явление объясняется понятной скудостью фактического материала, которым соответствующие органы считают возможным поделиться

* Ларин Александр Георгиевич, к. филол. н., в. н. с. Центра политических исследований Китая ИДВ РАН.

Работа выполнена при содействии Фонда международных научных обменов им. Цзинго (Chiang Ching-kuo Foundation for International Scholarly Exchange, Taipei).

с общественностью, отчасти же — очевидными пристрастиями авторов.

Между тем наряду с повышением бдительности граждан — на что, очевидно, и нацелены такие публикации — возникает другая, более конструктивная задача, подчас остающаяся в тени: попытаться выяснить, какие обстоятельства порождают масштабные правонарушения, иными словами, кто и в чем виноват, с кого и за что нужно спрашивать.

Незаконную деятельность китайских мигрантов можно классифицировать следующим образом:

- нарушения правил въезда через границу, пребывания (проживания) и занятий трудовой деятельностью — все то, что превращает законопослушного мигранта в нелегального;
- экономический криминал, связанный с провозом товаров через границу: контрабанда, «серая растаможка»;
- преступная хозяйственная деятельность на российской территории: незаконное предпринимательство, уход от налогов, подкуп должностных лиц, вывод денежных средств за рубеж через подпольные банки, браконьерство и т. д.;
- уголовные преступления: грабежи, вымогательства, похищения, убийства. Обычно они совершаются китайскими мигрантами в их собственной среде.

Рассмотрим эти виды правонарушений по порядку.

Нелегальные мигранты. В связи с распространенным интересом к теме «китайской демографической экспансии» многих, не только специалистов, интересует вопрос: сколько в России нелегальных мигрантов из КНР?

Как полагаем, нелегальные мигранты, сколько бы их ни было, входят в общую совокупность китайских мигрантов, исчисляемую экспертами в 200—400—500 тыс. человек. Действительно, эксперты, учитывая официальные данные, вносят в них поправки, основанные на собственных представлениях о наличии такого-то количества китайцев на такой-то территории, а в конечном счете — на интуитивных визуальных оценках, не дающих, естественно, возможности отличать легальных мигрантов от нелегальных.

Своего рода ориентиром для определения количества китайцев-нелегалов может служить число трудовых мигрантов из КНР, зарегистрированных Федеральной миграционной службой. Значительная часть мигрантов уклоняется от регистрации в ее структурах. Тем не менее количество регистрирующихся каждый год увеличивается, причем темпы роста миграции из КНР относятся к числу наиболее высоких. В 2005—2006 гг. эта группа превосходила по численности приезжих из всех других стран, и глава ФМС К. О. Ромодановский назвал китайцев «наиболее законопослушными» из иностранных граждан¹. В 2006 г. в России использовался легальный труд 201 835 китайцев (по другим данным, 210,8 тыс. человек²) — более 20 % от общей численности зарегистрированных ФМС иностранных работников³. В 2007 г. этот процент снизился до 15,5, но общее количество получивших разрешение на работу составило 2136 тыс.⁴, и, таким образом, численность китайцев достигла 331 тыс. человек.

Это как минимум 40—50 % от указанного выше общего количества китайских трудовых мигрантов, признаваемого экспертами. Соответственно нелегалов не может быть больше, чем оставшаяся часть. На самом деле, разумеется, не все китайцы, въезжающие в Россию, обязаны регистрироваться в отделениях ФМС (туристы; приезжающие по частным приглашениям и т. д.). Но они могут стать нелегалами, например, въехав в качестве туристов, а затем вместо экскурсий отправившись на рынок торговать. С другой стороны, и зарегистрировавшийся в ФМС может стать нелегалом, скажем, просрочив визу. Поэтому мы и говорим о неточности данного критерия. Тем не менее он дает нам право не соглашаться с утверждениями типа: «на одного легально оформленного китайского рабочего приходится десять нелегально трудящихся, которые пытаются осесть в России»⁵. Коль скоро эти десять действительно где-то трудятся в количестве, составляющем более 90 % всех китайских рабочих, то как они могут остаться незамеченными и пройти мимо внимания властей и экспертов?

Вот если взять всех трудовых мигрантов в России, откуда бы они ни приехали, то среди них, если верить экспертам, соотношение легальных и нелегальных выглядит более удручаю-

шим. В 2006 г. в ФМС был зарегистрирован приблизительно 1 млн работников, а нелегалов у нас, по разным оценкам, имеется от 6 до 10 млн. В 2007 г., по словам руководителя ФМС К. О. Ромодановского, на 2,136 млн зарегистрированных пришлось 5—7 млн нелегалов⁶.

Китайцев, незаконно въезжающих в Россию, судя по всему, совсем немного. Однако время от времени эпизоды незаконного пересечения границы имеют место и даже могут носить характер организованной преступности. Так, в 2007 г. в Хабаровске состоялся суд над гражданином КНР Юань Лунхэ, которому было предъявлено обвинение по статье Уголовного кодекса «Организация незаконной миграции». Обвиняемый, зарегистрировав в Хабаровске несколько фирм на российских граждан, вместе со своим поделельником в Суйфэньхэ организовал оформление фиктивных документов для въезда в Россию, пользуясь содействием одного из сотрудников миграционной службы. Поделельники были арестованы одновременно: один — в Китае, другой — в России⁷. Газета «Пограничник Северо-Востока» сообщает о случаях, когда депортированные из России нелегалы, которым запрещен въезд в РФ в течение пяти лет, спустя несколько месяцев после высылки возвращаются в страну, получая визы на основании поддельных документов или пересекая границу тайно. Имеет место и «использование прозрачных рубежей, которые сохраняются у России с некоторыми странами СНГ»⁸.

Однако в массе своей нелегальные китайские мигранты являются таковыми из-за нарушений паспортно-визового режима и незарегистрированной трудовой деятельности. В известной мере эти нарушения связаны с жесткими рамками визовых правил (для продления визы мигрант в определенных случаях бывает вынужден вернуться в Китай), а также со сложностью и длительностью оформления разрешительных документов на ввоз рабочей силы. Случается, граждане КНР используют Россию в качестве промежуточного пункта для дальнейшей миграции на Запад.

Правительство России ведет постоянную борьбу с нелегальной миграцией с помощью целого ряда мер, в число которых входят, в частности, взимание штрафов, размер которых со вре-

менем повышается, а также проведение на постоянной основе спецопераций типа «Иностранец» и «Нелегал» с целью выявления фактов незаконной миграции. О масштабах и результатах операций такого рода можно судить по следующим примерам. Так, в ноябре 2008 г. в рамках операции «Нелегал-2008» в Приморье пограничники совместно с сотрудниками миграционной службы задержали 297 иностранцев, 20 % из них — в пограничной зоне, в основном — граждан КНР. Сумма штрафов — около 100 тыс. рублей⁹. Операции такого рода дают скромные результаты по сравнению с численностью нелегальных мигрантов, однако их профилактическая роль представляется достаточно значимой.

Одним из важнейших поставщиков нелегальной миграции являются туристические группы, члены которых зачастую не возвращаются на родину вместе со своей группой, а остаются в России до конца визового срока, а то и после его окончания, занимаясь в это время торговлей на рынках. Чтобы затруднить превращение туристов в нелегальных коммерсантов, происшедшее несмотря на взыскание штрафов с турфирм, срок действия туристической визы в 2006 г. был сокращен с 30 дней, установленных двусторонним Соглашением 2000 г., до 15 дней.

В определенной мере сокращению числа нелегальных мигрантов способствуют меры по упрощению процедуры регистрации мигрантов.

Тем не менее пока с нелегальной миграцией, исчисляемой миллионами, приходится мириться. И если полпред в Дальневосточном федеральном округе К. Исхаков не погрешил против истины, заявив: «Мы обладаем точными цифрами, сколько человек, граждан какой страны трудится на том или ином производстве, в той или иной отрасли народного хозяйства, знаем, где они проживают»¹⁰, то Дальний Восток должен считаться счастливым исключением на фоне общей ситуации в России, когда ни один орган власти не в состоянии огласить более или менее точное число мигрантов — ни в совокупности, ни хотя бы только китайских; ни легальных, ни нелегальных.

Впрочем, есть и другие оценки, не менее авторитетные, отнесенные к Дальнему Востоку. Глава МВД России Р. Нургалиев

назвал рост незаконной миграции, наряду с усилением напряженности в ДВФО и масштабами криминализации его экономики, серьезной угрозой национальной безопасности страны¹¹.

Подчас в сфере нелегальной миграции открываются поразительные случаи. Так, в сентябре 2006 г. в Волгоградской области сотрудники милиции, проводя операции «Урожай» и «Мигрант», задержали 44 сезонных сельскохозяйственных рабочих, незаконно трудившихся на полях одного из районов. У задержанных отсутствовали и документы, удостоверяющие личность, и разрешения на трудовую деятельность. В ходе проверки было установлено, что на арендованных полях они «не только грубо нарушали все санитарные и агротехнические нормы, но и использовали сильнейшие химические вещества — ускорители роста, вследствие чего земля оказалась «перенасыщена вреднейшими химическими составами»¹².

Правительство КНР решительно выступает против нелегальной миграции в Россию. Министерство общественной безопасности КНР совместно с другими ведомствами ведет последовательную борьбу с нелегальным пересечением российско-китайской границы, против посредников, организующих преступные акции такого рода. Как отметил посол КНР в России Лю Гучан, благодаря усилиям китайской стороны количество граждан Китая, незаконно остающихся в России, сокращается с каждым годом¹³. Противодействие нелегальной миграции является одним из важных направлений российско-китайского взаимодействия, зафиксированным в двусторонних документах самого высокого уровня. В Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 2001 г. записано: «Договаривающиеся стороны сотрудничают в борьбе с нелегальной миграцией, в том числе с незаконным перемещением физических лиц через свои территории»¹⁴. Проблема нелегальной миграции стала затрагиваться на ежегодных консульских консультациях министров иностранных дел двух стран. В 2006 г. двумя МИДами была создана рабочая группа по вопросам миграции. В Совместной декларации КНР и РФ от 26 марта 2007 г. отмечалось: «Уверенно развивается российско-китайское сотрудничество в сфере миграции. Успешно работает Совместная рабочая группа

по вопросам миграции. Стороны намерены продолжать взаимодействие в области борьбы с незаконной миграцией»¹⁵. По словам китайских специалистов, «не было случая, чтобы китайская сторона отказалась принять китайского гражданина, незаконно перешедшего границу, и не подвергла бы его уголовному и административному преследованию».

Вообще, на международной арене китайское правительство ведет активное наступление на нелегальную эмиграцию из страны, сотрудничая в этой области со многими государствами.

Среди нарушений закона, связанных с переправкой товаров через границу, прямая контрабанда, т. е. тайный провоз с сокрытием от таможенного контроля, занимает сравнительно скромное место. Таким способом везут небольшие по объему партии товаров, которые можно спрятать в укромных местах. Например, это разнообразный ширпотреб (одежда, обувь, проводные и сотовые телефоны), сувениры, даже кожаные кресла, а как особый вид контрабанды — наркотики и сильнодействующие вещества. Все это везут в Россию не только через российско-китайскую границу, но и через Казахстан, и не только граждане КНР, но и наши соотечественники, и граждане центральноазиатских республик. Подобным же образом из России в Китай контрабандным путем пытаются переправлять товары животного происхождения: шкурки пушных зверей, морские продукты, древесных лягушек, дикоросы и т. д. Контрабандный товар таможенники находят под одеждой, под сиденьями автомобилей, в межпотолочном пространстве железнодорожных вагонов, даже в шинах грузовиков.

Стоит отметить, что борьбу с контрабандой из КНР, наркотрафиком, трансграничной преступностью российские таможенники и правоохранительные органы ведут в сотрудничестве с китайскими коллегами. Показательный факт: в 2007 г. группа китайских полицейских была награждена медалями РФ за содействие российским органам наркоконтроля в операциях по пресечению поставок в Россию больших партий наркотиков. Годом ранее наркополицейские перекрыли один из крупнейших каналов, по которому наркотики регулярно переправлялись в Благовещенск¹⁶.

Другой незаконный способ провоза через границу грузов, в том числе значительных по объему партий, состоит в их недостоверном декларировании и занижении стоимости. Так, в 2006 г. в Приморском крае был задержан целый железнодорожный состав, груженный, судя по документам, жиром подкожным и шпиком хребтовым, а на самом деле — сортовым мясом. По просьбе Приморской краевой прокуратуры Народная прокуратура провинции Хэйлунцзян выяснила, сколько таких поставок было за предшествующие три месяца. Оказалось, двадцать восемь — более 10 тыс. тонн!¹⁷

Временами российскому потребителю предлагают продовольственные товары, законно провезенные через границу, но не имеющие российских ветеринарных сертификатов; детские товары, изготовленные с нарушением санитарных норм, и т. д.

Особое место в таможенной практике занимает так называемая «серая таможенная очистка», именуемая по-китайски «бао цзи бао шуй» («оплата авиатранспорта и пошлин» с вариантами: «оплата автотранспорта и пошлин», «оплата водного транспорта...», «оплата хранения...»). Суть ее состоит в том, что груз ввозится в Россию через некие российские брокерские компании, которым владелец груза оплачивает разом и транспортировку, и таможенные пошлины, после чего товар доставляется в указанное место, но без должным образом оформленных документов о прохождении таможни. Такой способ провоза товаров через границу позволяет их хозяевам экономить время и средства. Основная клиентура «серой растаможки» — мелкие и средние фирмы, т. е. субъекты «народной торговли». Они утверждают, что вынуждены пользоваться серыми схемами, так как таможенные тарифы в России чрезмерно высоки, особенно на обувь, пуховые изделия и т. п., и проводить эти товары через таможню обычным путем им просто не под силу. Они жалуются также на сложность и длительность процедур таможенной очистки, способной попросту перекрыть товару дорогу к рынку. В наугад выбранных сообщениях китайской прессы можно встретить, например, жалобу на трехмесячную волокиту, в результате которой товары, предназначенные для новогодних подарков, до праздника не успели дойти до рынка.

Введенная еще в 1990-е годы «серая растаможка», как отмечают китайские эксперты, «открыла новые области китайско-российской народной торговли и быстро привела к многократному увеличению ее объема — как если бы тигру приделали крылья»¹⁸. По мнению российского Центра стратегических разработок, «основная часть китайского экспорта в Россию фактически не подвергается формальной процедуре растаможивания и является объектом так называемой «серой растаможки»¹⁹. Свидетельством в пользу этого утверждения может служить исчисляемая миллиардами разница между китайскими данными об экспорте в Россию и российскими данными об импорте из КНР. (Среди других причина расхождения — ввоз товаров в Россию в качестве личных вещей челноками.)

«Серый импорт» наносит серьезный ущерб российскому государству: он сокращает объем поступлений в бюджет и служит одной из причин дешевизны китайских товаров на нашем рынке, что создает давление на отечественного производителя, хотя, с другой стороны, отвечает интересам российского потребителя. Между тем, по словам главы Минэкономразвития (2007 г.) Г. Грефа, «российская легкая промышленность очень чувствительно реагирует на ситуацию в данной сфере и при улучшении ситуации с таможенным администрированием способна быстро развернуть производство»²⁰. Для китайских экспортеров обратной стороной «серой» оплаты таможенных пошлин является то обстоятельство, что груз, пересекший границу без соответствующих документов, считается контрабандой неизвестного происхождения и подлежит конфискации. Действительно, китайские товары неоднократно подвергались проверкам и изъятиям. Так, в марте 2005 г. на рынке «Садовод» под Москвой был произведен арест большой партии обуви из г. Вэньчжоу на сумму порядка 80 млн ю. (более 10 млн долл.). Причина ареста — отсутствие документов, подтверждающих прохождение таможенной очистки и право собственности на товар²¹. Еще более значительный размах имела проверка, произведенная в сентябре 2008 г. в рамках борьбы с «серой растаможкой» на московском рынке «АСТ». В ходе проверки были арестованы партии китайской обуви, одежды,

чулочных изделий приблизительно на 2 млрд долл., от чего пострадали более 2 тыс. фирм Чжэцзяна, Фуцзяни, Цзянсу, Шаньдуна, Сычуани²².

Нужно подчеркнуть, что во всех таких случаях китайские власти самым энергичным образом встают на защиту своих соотечественников, требуя возврата конфискованных товаров. У китайской стороны есть серьезный аргумент: посреднические компании открыто предлагают свои услуги и реализуют их, не подвергаясь никаким санкциям, следовательно, их деятельность является законной; но тогда столь же законным нужно считать и использование китайскими коммерсантами их услуг. К урегулированию конфликтов подключаются высокие дипломатические инстанции, и, таким образом, инциденты приобретают политическую окраску, внося диссонанс в общую атмосферу российско-китайских отношений.

Вообще, правительство КНР выступает категорически против использования «серых» схем таможенной очистки, которая создает серьезные риски для китайского бизнеса, бьет по экономическому сотрудничеству двух сторон, вносит элемент недоверия в их отношения. Кроме того, китайские предприниматели, проходящие таможенную нормальным способом, оказываются в невыгодном положении рядом с их недобросовестными конкурентами. В силу всех этих причин китайские власти обращают серьезное внимание на контроль над экспортными товарами, требуют от предпринимателей строго соблюдать российские законы. Китайские ведомства, представительства в России, СМИ ведут большую разъяснительную работу с коммерсантами: информируют их об изменениях в российском таможенном законодательстве, убеждают в невыгодности в конечном счете «серой растаможки» — стоит ли идти на риск потерять весь товар ради разницы между ней и законной таможенной очисткой: 28 тыс. долл. в первом случае и 30—40 тыс. — во втором?

Стремясь обезопасить своих соотечественников от рискованных коллизий, китайская сторона охотно идет на сотрудничество с российской. В 2003 г. проблема таможенной очистки обсуждалась во время встречи в Пекине премьеров М. Касьянова и Вэнь Цзябао. На следующий год была создана рабочая

группа по упорядочению двусторонней торговли, был принят ряд документов. В том же году во Владивостоке было подписано соглашение о сотрудничестве Дальневосточного таможенного управления и Харбинской таможни. Этим было положено начало системе обмена информацией, в рамках которой российским таможенникам могли бы передаваться из Харбина сведения о содержании экспортных деклараций на ввозимые в Россию китайские товары²³.

С формально-юридической точки зрения претензии за «серую растаможку» можно предъявить обеим сторонам: и российским брокерским компаниям, в порядке платной услуги волшебным образом проносящим товары невидимыми сквозь таможенные барьеры; и китайским коммерсантам, соблазняющимся услугами со скидкой, но зато не получающим необходимых таможенных документов. Но если мы хотим этот феномен устранить, необходимо и достаточно «расколдовать» российскую таможню.

В середине XIX — начале XX в. китайская таможня находилась под контролем подданных Британской империи, что справедливо расценивалось в Китае как частичная утрата государственного суверенитета. Но российская таможня, а равно другие ведомства, имеющие отношение к ее работе, управляются исключительно гражданами суверенной Российской Федерации, имеющими полную возможность установить там такие порядки, какие они считают нужными. Следовательно, в российской почве и таится корень зла, китайцы же не имеют к нему ни малейшего отношения. Какого рода этот корень, ни для кого не секрет — ни для россиян, ни для китайцев. «Для кадрового таможенника «серая растаможка», заниженная таможенная стоимость и другие уловки — это бизнес... Оперативники называют все «серые», «серенькие» и «сероватые» схемы одним словом: «контрабанда»²⁴.

Разумеется, в обеих странах ясно понимают социально-экономический субстрат этого явления. «Вокруг «серой растаможки» и пакетной оплаты «транспорт плюс пошлины» за годы их существования в России сложились группы интересов, чьи корни тесно переплетены между собой, — пишет китайская прес-

са. — Эти группы обладают огромным могуществом, ликвидировать «серую растаможку» — значит закрыть им дорогу к обогащению, поэтому они всеми силами оттягивают момент ликвидации нерегулярной торговли»²⁵.

Масштабы «серой растаможки» поразительны. В апреле 2005 г. Следственный комитет при МВД РФ возбудил уголовное дело о контрабанде обуви из Китая. Речь шла о 400 вагонах ширпотреба стоимостью в десятки миллионов долларов²⁶. В апреле 2007 г. Прокуратура Приморского края завершила предварительное следствие по делу одного из высших чиновников Дальневосточного таможенного управления. По данным следствия, в Приморье контрабандным путем были доставлены 515 контейнеров с различным товаром из КНР на сумму 1,3 млрд руб., в результате чего казна недосчиталась свыше 400 млн руб. таможенных платежей²⁷. В марте 2007 г. на заседании правительства глава Минэкономразвития Г. Греф заявил, что считает «первоочередной задачей трехлетки 2008—2010 гг. полное решение проблемы «серой» и «черной» растаможки импортных товаров»²⁸.

«Хотя «серую растаможку» невозможно уничтожить в одно мгновение, ее время истекает», — предсказывали китайские наблюдатели еще за два года до заявления Грефа²⁹. Оправдается ли их оптимизм?

Незаконная экономическая деятельность китайских мигрантов на российской территории составляет такую же часть законной и так же неразрывно связана с ней, прикрывается ею, как и вся теневая российская экономика относительно ее открытой части. Происходящая экономическая интеграция российского Дальнего Востока с приграничными провинциями КНР, принося множество выгод обеим сторонам, вместе с тем превратила южную часть этого региона в очаг криминала, как российского, так и китайского, наносящего огромный и притом зачастую невосполнимый ущерб нашей стране. В числе основных видов преступлений:

- незаконная вырубка леса;
- хищническая добыча таежных, морских, речных даров природы вплоть до того, что для добычи древесных лягу-

- шек в водоемы выливают отравляющие вещества, в том числе посредством набегов через границу³⁰;
- скупка леса, металлолома, биоресурсов у криминальных структур за «черный» нал, скупка с использованием «откатов» и т. д.;
 - контрабандный вывоз этой продукции в Китай;
 - нарушение экологического законодательства, в том числе правил недропользования при золотодобыче на арендованных участках.

Наиболее масштабные преступления связаны с лесом, экспортируемым в Китай, Японию и Корею. По словам начальника департамента экономической безопасности МВД России на Дальнем Востоке, «высокая оборачиваемость средств сделала лесную отрасль чрезвычайно привлекательной для криминальных структур». Он отмечает, что вдоль границы с Китаем «развернута широкая сеть пунктов скупки, где контрабандисты по бросовым ценам сбывают незаконно заготовленную древесину»³¹.

Ситуация с незаконной хозяйственной деятельностью на Дальнем Востоке делает вполне логичным сращивание криминального подполья с российской и китайской сторон. Как утверждают с долей осторожности ответственные работники МВД (в данном случае — начальник Приморского отдела ВНИИ МВД России), «мы можем говорить о создании транснациональных преступных групп» в Приморском крае³². Но, независимо от действительной степени взаимодействия преступных организаций, нельзя не признать: современная российская действительность с ее бессудностью, застарелыми прорехами в законе, коррупцией и слабостью власти, раздерганной по звеньям и ветвям, открывает неоглядные просторы для расцвета «взаимодополняющей» преступности, фактически прямо провоцирует ее.

Приведем пример из случайно выбранных сообщений. В 2003 г. 18 лесозаготовительных предприятий Иркутской области заплатили всего 558 тыс. руб. налогов, хотя только через иркутскую таможеню было вывезено около 3 млн кубометров леса. При этом, по данным областной администрации, в облас-

ти действовало около сотни пунктов продажи леса без всяких документов, за наличные деньги.

«В чужие дела лезть не хочу. Но о десяти долларах отката таможен за тонну металла в Забайкальске говорят очень многие. Хотя лично мы никогда никому откаты не платили и платить не будем», — категорически заявляет Юрий Потолицын, представитель крупной читинской компании «Втормет»³³. Многочисленные сообщения такого рода, не будучи прямым свидетельством противозаконных действий, тем не менее, соединяясь с личным опытом россиян, складываются в достаточно убедительную картину преступности, которую правильнее называть не китайской, а российско-китайской.

В эту картину вполне гармонично вписывается деятельность китайских нелегальных туристических фирм, гиды которых вольны как угодно интерпретировать факты из истории России и российско-китайских отношений. По законам РФ осуществлять туристическую деятельность в России имеют право только чисто российские компании, а также совместные компании с доминирующим российским участием, однако это не мешает китайским фирмам работать вполне открыто, в том числе на территории Московского Кремля.

Нужно особо подчеркнуть, что российская теневая экономика не только предоставляет соблазнительные возможности для криминального партнерства с нею; сплошь и рядом она вынуждает китайского коммерсанта действовать в обход закона. А китайский коммерсант, в свою очередь, ведет себя точно так же, как и наш, российский: он охотно принимает правила игры, если они ему выгодны, и выполняет их против своей воли в остальных случаях. «Китайские торговцы, стремящиеся встать на ноги, могут лишь следовать сложившимся правилам, то есть, “войдя в деревню, чтить ее обычаи”»³⁴. Вот несколько разного рода примеров из этой области.

Налоги, пошлины, сборы. Типичный китайский коммерсант, торгующий на рынке, не платит налоги, зато выплачивает администрации рынка большую арендную плату, что обеспечивает ему сносное полулегальное положение, не избавляющее его, однако, от милицейских поборов.

Скупка сырья. Знакомый китайский коммерсант рассказывал мне, как однажды он долго и трудно вел переговоры с директором некоего российского предприятия, предлагая ему сделку на самых выгодных условиях. Директор же в конце концов заключил контракт с другим коммерсантом, приятелем первого, причем на условиях гораздо менее выгодных для своей фирмы. Победитель объяснил затем своему проигравшему товарищу-конкуренту, что совершил двойную сделку: и с фирмой в лице директора, и лично с директором. Он назвал это «и э вэй э», что означало: «вести дела с россиянами на российский манер».

Регистрация фирм. Согласно инструкции каждая фирма должна иметь свой офис. Однако мелкому торговцу такая роскошь, за которую придется платить минимум 3 тыс. долл. в год, просто не нужна. Точно так же не нужен офис и коммерсанту покрупнее, который арендует на рынке контейнер, забивает его товаром, а в конце выгораживает себе крохотное помещение под контору, со столом и телефоном. Беда, однако, в том, что контейнер — это не адрес, и офис в контейнере не подлежит регистрации. Поэтому и первому, и второму коммерсантам ничего не остается, как обратиться к специальному маклеру, который устраивает им фиктивный договор об аренде офиса за 400—450 долл. в год. Все это, разумеется, сопровождается дачей взятки соответствующим чиновникам.

Нарушения паспортно-визового режима. Их совершают: а) лица, прибывшие без виз как туристы, но не выехавшие в срок; б) лица, приехавшие по приглашению какой-либо фирмы на 1—6 месяцев, а затем оставшиеся в России нелегально, поскольку фирма не оформляет для них подтверждения на право трудовой деятельности — документа, позволяющего находиться в стране в течение одного года. Существуют фирмы, которые за немалые деньги (порядка 1500 долл.) делают десятки приглашений, каковыми и ограничивают свои отношения с прибывшими соотечественниками.

Еще один вид нарушений заключается в том, что мигрант живет в общежитии или китайской гостинице, будучи зарегистрирован по фиктивному адресу на некоей квартире, разумеется,

за определенную плату хозяину квартиры. Он и рад бы зарегистрироваться там, где живет, но хозяин общежития не дает согласия на это, чтобы не платить налог, а снять квартиру — дорого. Общежитие может принадлежать китайцу, а может и российской организации — в данном случае разницы между ними никакой. Известны студенческие общежития, где живут китайцы, ни один из которых не зарегистрирован в ОВИРе.

Безусловно, негативные стороны деятельности китайских мигрантов, вносящих свою долю в криминализацию российской жизни, заслуживают бескомпромиссного осуждения. Однако не более сурового, чем аналогичные действия наших собственных недобросовестных дельцов. Некоторые россияне, демонстрируя свой патриотизм, относятся более снисходительно к отечественным жуликам только потому, что те — «свои» и нажитые ими капиталы остаются в российских руках (хотя и не всегда). Некоторые другие изображают Россию жертвой «китайского ограбления». Но надо ясно отдавать себе отчет: основные истоки китайской преступности в России — в криминальном характере нашей российской действительности; питательная среда для китайских правонарушений — наша общественная система с ее пороками и дефектами. Вымогает ли чиновник взятку у китайца или тот сам предлагает ее, подвергая испытанию его нравственные устои, — в любом случае все упирается в чиновника, потому что он — власть. За нечестную сделку российского «фирмача» с китайским коммерсантом, покупающим металл или лес, спрашивать надо прежде всего с «фирмача»: он — хозяин положения, законы и интересы своей страны нарушает он, а не китаец. Заставить одних только китайцев ступить на стезю законопослушания невозможно: те, кто кормится от китайцев, собирая с них невидимую дань, прикрывают своих данников от ока и десницы закона непробиваемым щитом. Тем самым они воспроизводят и консервируют совместную российско-китайскую теневую систему, vznikшую путем сращивания взаимодополняющих друг друга различных видов криминала.

И далее: если мы не в состоянии справиться с нашими преступниками, наносящими гигантский урон нашей стране, то

имеет ли смысл требовать от Китая приструнить китайских граждан, нарушающих чужие законы на чужой территории, тем более что они, в отличие от наших, приносят пользу своей стране?

Впрочем, в другой области — уголовных преступлений — дело обстоит иначе. Уголовные преступления — вымогательства, убийства, грабежи — китайские мигранты совершают, за редкими исключениями, в собственной среде. В российские правоохранительные органы по таким делам китайцы предпочитают не обращаться. Но если преступники задержаны и избличены российским правосудием и переданы на китайскую сторону — там их ждет суровое наказание, вплоть до смертной казни³⁵. О сотрудничестве правоохранительных органов двух стран в деле борьбы с наркотрафиком, контрабандой, трансграничной преступностью мы уже говорили выше.

В заключение статьи приведем выдержки из интересного документа — наставления Министерства торговли тем, кто намеревается делать бизнес в России.

«Действуйте только установленными путями, выполняйте все положенные процедуры, не давайте никаким должностным лицам повода для вымогания взяток. Например, в приглашении и в заявлении о выдаче визы должна быть указана одна и та же цель поездки. Зарегистрируйтесь в течение трех дней после въезда на территорию России.

Соблюдайте законы страны пребывания. Недавно посол в России Лю Гучан на совещании с зарубежными китайцами подчеркнул: от соблюдения соотечественниками законов решающим образом зависит, смогут ли они утвердиться в стране. Только строго соблюдая все положения законов, действуя по закону, можно быть принятым в обществе страны пребывания, обеспечить себе условия длительного проживания и развития. Это касается всех китайских граждан в России. Как показывает практика, при возникновении инцидентов, вызванных нарушением закона, консульская защита оказывается малоэффективной.

Умейте и не бойтесь защищать себя. На данном этапе обстановка в России еще не такова, как хотелось бы, общественная безопасность не вполне обеспечена, исполнители законов

подчас сами их нарушают. Тем не менее судебные структуры регулярно функционируют, равно как и органы внутреннего контроля в милиции. Нужно знать, как вызвать милицию, как подать жалобу. Нужно быть готовым к различным инцидентам и действовать спокойно, если они возникнут»³⁶.

Эти рекомендации (а они — далеко не единственный документ подобного рода) имеют принципиальное значение, так как четко и обобщенно показывают, каким китайское правительство хочет видеть поведение своих сограждан в России. Его позиция определяется стратегической задачей долговременного присутствия на обширном российском рынке. Цели двух стран здесь в значительной мере совпадают, и с точки зрения интересов России невозможно было бы требовать от Пекина большего. Дальнейшее ведение деятельности китайских мигрантов в рамки закона — наша забота.

Примечания

¹ Интервью радиостанции «Эхо Москвы». URL: <http://echo.msk.ru/programms/razvorot/48642>

² Труд и занятость в России. М., 2007. С. 292.

³ Антонова Л., Яковлев В. Российско-китайское сотрудничество в области миграционной политики // Россия — Китай. XXI век. 2007. Апрель. С. 46.

⁴ Константин Ромодановский: «Погромов, как в Париже, в России не будет!» URL: http://www/fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=11276

⁵ Нырова Н. Китайские компании приграничной торговли и их место в международной преступной деятельности // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 1. С. 102.

⁶ Константин Ромодановский: «Погромов, как в Париже, в России не будет!»...

⁷ Тихоокеанская звезда. 25.10.2007. Цит. по: URL: <http://www.habarovsk.ru/news/news27980.php>

⁸ Цит. по: URL: <http://www.svrpu.ru/psv/3860/0090/shtml>

- ⁹ <http://www.deita.ru/news/?news,,,111664>
- ¹⁰ Независимая газета. Приложение «НГ регионы». 04.09.2006.
- ¹¹ Независимая газета. 15.12.2006.
- ¹² <http://ug.rian.ru/incidents/20060911/81510556/html>
- ¹³ Независимая газета. 21.06.2004.
- ¹⁴ Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 5. С. 10.
- ¹⁵ Там же. 2007. № 3. С. 9.
- ¹⁶ <http://www.amur.info/news/2007/02/10/21/html>
- ¹⁷ Независимая газета. 16.10.2007.
- ¹⁸ *Чжан Цзяньжун*. Анализ явлений «серого бизнеса» в народной торговле между Россией и Китаем // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 1. С. 74, 75.
- ¹⁹ *Михаил Дмитриев*: Россия и Китай впервые разрабатывают план взаимного экономического сотрудничества (16.06.2005). URL: http://www.interfax.ru/r/B/exclusive/260.html?menu=8&id_issue=11311497
- ²⁰ Ведомости. 02.03.2007.
- ²¹ Деловой Китай / Российско-китайский центр торгово-экономического сотрудничества. М., 2006. Т. X — XI. С. 356.
- ²² <http://www.fzxm.com/html/2008/10/1000174958/shtml>
- ²³ <http://www.gyssia.org/cn/rus/ID=543>
- ²⁴ Коммерсантъ-Деньги. 01.03.2000. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=24074>
- ²⁵ Шаньбу бу: циньчжэнь мяньдуй элосы пигэ шичан (Министерство торговли: всерьез повернуться лицом к российскому рынку кожи). Портал «Китайская экономика». 19.03.2008. URL: http://fashion.ce.cn/main/yjxw/200803/19/t20080319_14890280/shtml
- ²⁶ Новая газета. 02.10—04.10. 2006.
- ²⁷ Там же. 09.04—11.04. 2007.
- ²⁸ Ведомости. 02.03.2007.
- ²⁹ Жэньминь жибао. 30.06.2005. URL: <http://russian.people.com.cn/31518?3509124.html>
- ³⁰ Агентство национальных новостей. URL: <http://www.annews.ru/mews/detail/php?ID=70595>

³¹ Независимая газета. 15.12.2005.

³² Семенюк М. Ю. Проблемы борьбы с транснациональной преступностью в Приморском крае // Проблемы укрепления государственности и обеспечения верховенства закона. Владивосток, 2003. Цит. по: URL: <http://law.edu.ru/article.asp?articleID=1186757>

³³ Огонек. 2006. № 34. С. 42.

³⁴ Чжан Цзяньжун. Указ. соч.

³⁵ См., напр.: Независимая газета. 15.01.2002; Семенюк М. Ю. Указ. соч.

³⁶ Шанъу бу: циньчжэнь мяньдуй элосы...

*Е. Ю. Садовская**

КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: КАЗАХСТАН, КЫРГЫЗСТАН И — ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ?

Введение

Страны СНГ и Китайская Народная Республика принадлежат к различным миграционным системам и до недавнего времени не являлись субъектами активного миграционного обмена. Лишь в последние 20 лет миграция в Россию, Казахстан, а ныне и в другие страны СНГ из КНР и обратно стала довольно устойчивым трендом¹.

После распада СССР² на характер геополитических интересов Китая в Центральной Азии (ЦА) и состояние его межгосударственных отношений с каждой из стран этого региона — Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном

* Садовская Елена Юрьевна, к. филос. н., президент Конфликтологического центра (Алматы, РК), эксперт Исследовательского Совета по миграции стран СНГ и Балтии при Центре миграционных исследований Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

и Узбекистаном — влияют два основных фактора: экономический и внутривнутриполитический. Наиболее благоприятное их сочетание сделали Казахстан и Кыргызстан приоритетными партнерами КНР в ЦА уже во второй половине 1990-х годов. Кроме того, три страны ЦА наряду с Россией имеют протяженные совместные границы с Китаем: Казахстан (1533 км), Кыргызстан (858 км) и Таджикистан (414 км)³, и в условиях географической близости и политической открытости это способствует движению капиталов, товаров, людей.

Партнерство между Китаем и каждой из стран ЦА, строящееся на постоянно развивающейся договорно-правовой основе и находящее воплощение в программах двустороннего сотрудничества на кратко- и среднесрочную перспективу, сопровождается увеличением не только финансового и торгово-экономического присутствия Китая в регионе, но и иммиграцией китайских граждан. Каковы причины и факторы роста миграций? Какие виды миграций сформировались в странах региона и какова структура потоков? Сформировался ли центр миграционного притяжения для мигрантов из Китая? Каковы возможности и риски китайской миграции?

Чтобы ответить на эти вопросы, автор провел исследование китайской миграции в Казахстане, результаты его нашли отражение в ряде публикаций, многие из которых являются пионерными⁴. Цели и задачи данной статьи — анализ современных международных миграций из Китая в страны Центральной Азии: изучение причин, динамики, видов миграций, преимущественно на примере Казахстана и Кыргызстана, как основных стран приема китайских мигрантов, выявление проблем их регулирования.

В работе автор пользуется определением международной миграции, основанным на рекомендациях международных организаций для использования национальными государствами при формировании своей законодательной базы и выработке миграционной политики, согласно которому *международная миграция* — это перемещение лиц, покидающих страну происхождения или проживания, с целью постоянного или временного проживания или найма на работу в другой стране. При этом ми-

гранты пересекают международные границы, что регулируется национальным или международным миграционным законодательством⁵.

Источниковедческую базу исследования составили данные государственной статистики и официальной ведомственной отчетности исполнительных органов Казахстана, Кыргызстана, Китая, России, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана; данные международных организаций. Для обоснования выводов использовались данные экспертных интервью, прикладных социологических исследований, проведенных автором или под ее руководством; данные вторичных исследований и публикации в СМИ.

Основные виды современных миграционных движений между Китаем и странами Центральной Азии

Миграционные потоки последних 15–20 лет открыли новый этап в истории китайских миграций в страны Центральной Азии, поскольку они формируются в новых политических и экономических условиях сотрудничества и партнерства. Современные миграции причудливо повторяют потоки предыдущих столетий: «торговцы», «переселенцы», «беженцы», но, конечно, имеют новые характеристики, типичные для международных миграций рубежа XX–XXI вв.

В настоящее время между странами наблюдаются все основные типы миграционных перемещений: постоянные и временные; законные (легальные), нерегулируемые и незаконные (нелегальные); добровольные и вынужденные и т. д. Наиболее распространенные виды миграций из Китая в государства Центральной Азии включают:

- «коммерческую» (торговую, «челночную») миграцию, получившую распространение в регионе с конца 1980-х годов;
- трудовую:

а) привлечение иностранной рабочей силы (с начала 1990-х годов — в Казахстан, позднее — в Кыргызстан, во второй половине первого десятилетия XXI в. — в Таджикистан и Туркменистан);

б) распространение «нерегулируемой» трудовой миграции параллельно с законно привлекаемой рабочей силой — почти повсеместно в государствах региона;

- бизнес-миграции (преимущественно малый китайский и совместный бизнес), в настоящее время растет число желающих начать или развивать свой бизнес в Китае;
- новейший тренд — трудовая иммиграция (выезд для работы по найму) в Китай;
- миграцию на постоянное место жительства, которая представлена преимущественно репатриацией этнических казахов из Китая в Казахстан⁶;
- учебную миграцию в Китай и из Китая, быстро увеличивающуюся в 2000-е годы;
- транзитную миграцию китайских граждан через страны Центральной Азии;
- незаконную миграцию, в том числе незаконную транзитную миграцию⁷;
- вынужденную миграцию (беженцы), преимущественно из соседнего Синьцзяна⁸.

Не все виды миграций распространены одинаково, они имеют разную историю и динамику в каждой из стран ЦА. Можно отметить некоторые общие характеристики миграций, которые сформировались к концу первого десятилетия XXI в.: относительно быстрый рост объемов миграций; диверсификация видов; сохранение такого специфического для постсоветского пространства вида миграций, как «коммерческая», или «челночная», которая имеет двунаправленный характер; увеличение трудовой иммиграции; полиэтнический состав потоков, увеличение роли диаспор и «мигрантских сетей» в развитии миграций и бизнеса. Существует еще одна особенность, а именно значительная «мифологизированность» китайской миграции в общественном сознании и ее потенциальная конфликтогенность, предупреждать которую необходимо уже сейчас.

Динамика экономического сотрудничества и рост миграционного обмена между КНР и государствами Центральной Азии: пострановый профиль

Различные причины и факторы влияют на интенсивность и структуру миграций: социально-экономические, политико-правовые, исторические, демографические, этнокультурные и другие, причем торгово-экономический фактор ныне является ключевым. За последние годы взаимодействие КНР и стран Центральной Азии приобрело такую динамику, что его пора анализировать в разбивке по отдельным странам или в разрезе каждого сектора экономики, где реализуются совместные проекты. Поскольку в данном сборнике освещаются различные аспекты двух- и многостороннего сотрудничества, мы проанализируем миграции из/в Китай по отдельным странам региона с учетом приоритетных проектов (направлений сотрудничества), которые способствуют миграционным перемещениям.

Республика Казахстан (РК)

«Народная торговля». Китай занимает четвертое место в списке внешнеторговых партнеров Казахстана. В 2007 г. объем взаимной торговли достиг 13,8 млрд долл., хотя руководители обеих стран планировали увеличить внешнеторговый оборот до 15 млрд долл. лишь к 2015 г.⁹ Значительная часть поставок по внешней торговле осуществляется по каналам «народной», или «неорганизованной», торговли (как ее соответственно называют в Китае и Казахстане) индивидуальными предпринимателями стран. Например, по данным таможенных органов Казахстана, внешний товарооборот двух стран составил в 2005 г. 3676 млн, а по данным Министерства коммерции КНР — 6810 млн долл., что включает и «народную торговлю» товарами повседневного спроса: одеждой, обувью, домашней электротехникой, продуктами.

Автору уже приходилось писать о том, что в последние годы рынки не только Казахстана, но и других стран региона были

заполнены китайской обувью¹⁰, 2008 г. стал продолжением дальнейшего «наступления» этого товара из Китая¹¹. В Казахстане китайскую обувь продают в обувных магазинах и на большом оптовом рынке «Балашак» в окрестностях города Алма-Аты, где ее покупают мелкие торговцы-перекупщики и оптовики из других регионов страны, а также из Таджикистана и Узбекистана для дальнейшей перепродажи на местных рынках. Количество небольших обувных магазинчиков в южной столице за последние три года выросло в несколько раз.

Региональная и приграничная торговля. Рост объемов приграничной торговли Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР с соседними странами Центральной Азии и СНГ в целом прослеживается в динамике внешнеторговых операций с 1985 г., т. е. еще с советского периода. По данным статистических органов СУАР, в 1985 г. внешнеторговый оборот составлял 291,97 млн долл., а приграничная торговля еще отсутствовала. В 1990 г. внешнеторговый оборот составлял 410,25 млн долл., из них оборот в рамках приграничной торговли — 69,8 млн; в 2003 г. — 4771,98 млн и 3039,15 млн долл. соответственно. Таким образом, приграничная торговля выросла в десятки раз по сравнению с 1990 г. и в настоящее время достигает более половины всего объема внешнеторговых операций СУАР¹². Страны Центральной Азии являются основными торгово-экономическими партнерами СУАР, и в первую очередь Казахстан, доля которого составила в 2007 г. около 62 % всего внешнего товарооборота Синьцзяна¹³.

Точное число граждан из бывших советских республик, выезжавших за прошедшие годы в Китай, неизвестно, однако представление об объемах перемещений дает официальная статистика. Так, согласно данным статистических органов СУАР международный туризм в Синьцзяне вырос с 1990 по 2002 г. в 3,7 раза (с 64,3 тыс. до 233,7 тыс. человек); доля туристов из стран СНГ в общей численности иностранных туристов за тот же период выросла с 25,6 до 58,8 % (с 16,5 тыс. до 137,3 тыс. человек)¹⁴ (см. табл. 1). Известно, что большинство выезжавших в Китай в кризисные 1990-е годы были «челноками» или мелкими индивидуальными предпринимателями, которые в на-

стоящее время продолжают развивать свой бизнес с китайскими партнерами, но уже на новой институциональной основе.

Таблица 1. Международный туризм в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР (человек)

Год	Общее число туристов	В том числе иностранные туристы	
		Всего	Из стран СНГ
1990	79 833	64 254	16 457
1995	203 579	185 514	93 578
1996	176 900	160 464	64 232
1997	172 506	157 067	59 579
1998	206 623	185 420	101 792
1999	223 829	169 210	—*
2000	256 082	208 374	76 966
2001	272 982	218 576	88 199
2002	275 350	233 747	137 347

Примечание. * — данные отсутствуют.

Рассчитано по: Синьцзян тунци няньцзянь. 1999. Урумчи, 1999. С. 601; Синьцзян тунци няньцзянь. 2003. Урумчи, 2003. С. 614, 617; Синьцзян тунци няньцзянь. 2004. Урумчи, 2004. С. 536, 538.

В последние годы на три страны — Россию, Казахстан и Кыргызстан — приходится более половины всех граждан, пребывающих в Синьцзян из СНГ в торговых, бизнес- и туристических целях, которые в китайской статистике отражены в качестве иностранных туристов. По сообщению Статистического управления СУАР, в январе — ноябре 2007 г. численность иностранных туристов, посетивших Синьцзян, составила 420,3 тыс. человеко/раз. Туристы из России первенствовали по численности — около 143 тыс. человеко/раз, что составляло 34 % от общего числа интуристов. На втором месте туристы из Казахстана и Кыргызстана: 70,9 тыс. человеко/раз, или 17 %¹⁵.

Один из главных катализаторов приграничной «народной» торговли и трансграничных миграций — это схожий полиэтнический состав приграничных районов СУАР, Казахстана и Кыргызстана. Он сложился на протяжении многовековой истории на границах Цинской империи/Китая и Российской империи/Советского Союза. После присоединения к Российской империи в XVIII в. и государственного территориального размежевания с Цинской империей в XIX в., а также в результате различных волн миграции в XIX—XX вв. часть казахского и кыргызского населения оказалась на территории современного Синьцзяна. В настоящее время казахская диаспора в Китае составляет 1,3 млн человек и проживает в основном в Или-Казахском автономном округе СУАР (7 % всего населения этого района); кыргызы составляют 0,9 % населения СУАР (2003)¹⁶.

Среди коренного населения Синьцзяна, одного из нескольких автономных районов Китая, где проживают национальные меньшинства, уйгуры составляют 8,8 млн человек, или 45,6 %, этнические китайцы (ханьцы) — 7,7 млн, или 39,9 %, хуэйцы (дунгане) — 866,7 тыс. человек, или 4,5 %¹⁷.

В то же время уйгурская диаспора в Казахстане, согласно данным первой Национальной переписи населения 1999 г., составила 210,4 тыс. человек, или 1,4 %, а дунганская — 36,9 тыс., или 0,25 % всей численности населения страны. Они расселены преимущественно в приграничной с СУАР Алма-Атинской области, г. Алма-Ате и Джамбульской области. В миграциях между Китаем и Казахстаном участвуют казахи, уйгуры, китайцы (ханьцы), дунгане и др. Смешанный состав способствует развитию моделей миграционных движений, при которых территории проживания диаспоры в странах достижения становятся ареалами приема мигрантов, и сама диаспора, используя «социальные» и «мигрантские сети», стимулирует трансграничные миграции, приграничную торговлю, способствует развитию малого бизнеса.

Уйгурская торговая миграция в большой степени опиралась на уйгурскую диаспору в Казахстане, формирующую ареалы приема мигрантов, организации торговли, развития бизнеса. В отличие от нее китайская диаспора (граждане Казахстана, по-

стоянно проживающие в Казахстане) была слишком мала (3,5 тыс. человек), чтобы стать общиной приема или сформировать «мигрантские» сети, способствующие поддержанию и развитию миграций этнических китайцев (ханьцев) из самого Китая. Ханьская миграция в начальный период развивалась в основном как временная торговая или бизнес-миграция.

Проекты в энергетическом и транспортном секторе и привлечение китайской рабочей силы. В последние годы растет потребность Китая в энергетических ресурсах. Интерес Китая к ресурсам и относительная социально-политическая стабильность в Казахстане уже во второй половине 1990-х годов привели к подписанию ряда важных договоров в этой сфере. Крупнейший казахстанско-китайский энергетический проект — сооружение нефтепровода Кумколь—Алашанькоу: в его рамках уже осуществлено строительство двух участков трубопровода, в декабре 2007 г. подписано соглашение о строительстве третьего участка. В октябре 2008 г. Китай и Казахстан подписали документы о сотрудничестве в области совместного освоения урановых ресурсов, производства ядерного топлива для АЭС, долгосрочной торговли природным ураном, производства атомной энергии и строительства объектов ядерной энергетики и др.¹⁸

В апреле 2009 г. в Пекине было подписано одиннадцать двусторонних межправительственных соглашений между Казахстаном и Китаем. В числе документов — меморандум о комплексном сотрудничестве в сфере энергетики и кредитования, соглашение о расширении сотрудничества в нефтегазовой отрасли и содействии в получении кредитных займов между «КазМунайГаз» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC) на сумму 5 млрд долл. Соглашение о льготной кредитной линии еще на 5 млрд долл. было подписано между Банком развития Казахстана и Экспортно-импортным банком Китая¹⁹.

Особое место в планах Китая занимает транзитный потенциал Центральной Азии. Транспортные транзитные магистрали — автомобильные и железнодорожные — в настоящее время сооружаются почти во всех странах Центральной Азии, одним из крупнейших перспективных проектов является строительст-

во автотранспортной магистрали «Западная Европа — Западный Китай». Еще один мегапроект — это новая азиатско-европейская трансконтинентальная железнодорожная магистраль, которая свяжет Тихий и Атлантический океаны и которую китайские представители называют «Шелковым путем будущего». Китайская сторона готова поддерживать реализацию строительства Трансказахстанской железнодорожной магистрали по территории страны и оказывать содействие в обеспечении необходимых объемов грузоперевозок²⁰.

В реализации вышеуказанных проектов в Казахстане участвует и китайская рабочая сила. Привлечение иностранной рабочей силы (ИРС) в Казахстан осуществляется с 1993 г. согласно ежегодно утверждаемой квоте. В 2007 г. численность ИРС в целом значительно возросла и составила 58,8 тыс. человек. Наибольшее число иностранных специалистов и рабочих прибывает из Турции, Китая, России, США, Великобритании. За период 1993—2007 гг. число ежегодно привлекаемых китайских работников увеличилось в 14,5 раза и составило 8095 человек, или 13 % от всей численности иностранной рабочей силы в Казахстане²¹. В 2008 г., несмотря на глобальный экономический кризис, число квотированных работников из Китая возросло на 20 % и увеличилось более чем вдвое по сравнению с 2006 г.

Региональная структура занятости и занятость по секторам экономики усложняется. В 1990-е годы китайские работники были заняты преимущественно в г. Алма-Ате, Алма-Атинской и Актюбинской областях, а в 2000-е годы регионами приема стал не только южный, но и западный Казахстан: Актюбинская, Атырауская, Мангистауская области и г. Астана. Если в 1990-е годы китайские граждане были заняты преимущественно в торгово-посреднической сфере, то в 2005—2008 гг. — в горнодобывающей (нефтегазовой), строительной, торгово-коммерческой, производственной отраслях, сфере услуг. Китайские работники принимают участие в строительстве Жанажолского газоперерабатывающего завода, Павлодарского электролизного завода, Мойнакской гидроэлектростанции и других объектов.

Рабочая сила представлена как высококвалифицированными специалистами — менеджерами, инженерами, экономистами

ми, врачами, переводчиками, так и рабочими различных специальностей и квалификаций. Квотируемая рабочая сила на китайских и совместных предприятиях представлена преимущественно китайцами (ханьцами). Ее использование носит в основном временный характер и не предусматривает переселение рабочих в Казахстан.

Нерегулируемая трудовая миграция. Так же как и в России, рост китайской миграции в Казахстане связан с увеличением нерегулируемого потока незаконно занятых трудовых мигрантов. Модель подобного «трудоустройства» следующая. Отдельные фирмы в Казахстане приглашают китайских специалистов с деловыми целями (проведение консультаций, участие в переговорах, заключение контрактов и т. д.). По прибытии в Казахстан граждане Китая регистрируются в миграционной полиции МВД РК и после этого имеют право на пребывание в Казахстане в течение 30 дней, с возможностью продления пребывания до 90 дней. В это время они работают в китайских и совместных нефтяных, строительных и других компаниях. После окончания срока пребывания их сменяет другая группа работников, и так происходит в течение года на постоянной «ротационной» основе. Многие заняты не по той специальности, по которой оформлено приглашение.

По данным Пограничной службы Комитета Национальной безопасности РК, из Китая в Казахстан за 2007 г. въехало 175,9 тыс. человек, а число официально привлекаемых специалистов и рабочих из Китая составило всего 8,1 тыс. человек. Среди всех категорий граждан Китая, законно прибывших в Казахстан, значительную долю составляют нерегулируемые трудовые мигранты. Именно этот поток создает проблемы на внутреннем рынке труда Казахстана, придает характер неуправляемости миграционным процессам.

Отметим, что в 2007 г. число выехавших в Китай казахстанских граждан более чем в 2 раза превышало число прибывших в Казахстан китайских граждан и составило 414,7 тыс. человек; та же тенденция превышения выехавших из Казахстана над прибывшими из Китая наблюдается в России в 1990—2000-е годы²².

Развитие китайского бизнеса. Развитие китайского бизнеса в Казахстане происходит во многом аналогично развитию его в других постсоветских странах, в частности в России. По мнению В. Г. Гельбраса, трудовая миграция из КНР является составляющей стратегии «глобальной экономической экспансии» Китая в целом и направлена на создание условий для реализации доктрины «транснационального хозяйствования»²³. За счет миграции в Китае частично решаются вопросы безработицы и вместе с тем расширяется малый бизнес этнических китайцев за рубежом, что способствует дальнейшей экономической экспансии²⁴.

Данные о динамике предприятий китайского и совместного малого бизнеса в целом по Казахстану противоречивы, что связано с недостатками учета малых и средних предприятий в стране вообще и «особенностями» их «функционирования» в частности. Одни из них учреждаются и вскоре закрываются, другие не предоставляют налоговой отчетности, третьи не находятся по юридически зарегистрированному адресу и т. д. Например, по данным Министерства юстиции РК, перечень зарегистрированных юридических лиц, страной-партнером которых является КНР, включал на 1 февраля 2006 г. 3964 предприятия, однако лишь 213 (5,4 %) из них реально действовали, почти половина (1772) еще не действовала, около $\frac{1}{5}$ (842) временно не действовали, 14 предприятий находились на стадии ликвидации, о 1123 предприятиях не было информации²⁵. На основании экспертных интервью можно сделать предположение, что пока стратегия мелких и средних китайских предпринимателей в Казахстане — это накопление первоначального капитала и возвращение на родину для расширения бизнеса или переезд на Запад.

Миграция на постоянное место жительства. Наличие казахской диаспоры в Китае определяет наличие такого миграционного потока, как трансграничная торговая миграция и переселение на постоянное место жительства из Китая в Казахстан. Основной поток переселенцев — этнические казахи, которые переезжают в Казахстан в рамках государственной политики репатриации. Кумулятивное число прибывших в Казахстан из Китая на 1 января 2008 г. составило 54 327 человек²⁶. Согласно данным Комитета по миграции Министерства труда и социаль-

ной защиты РК, почти 90 % казахов, прибывших из Китая, расселились в соседних с Китаем областях — Алма-Атинской и Восточно-Казахстанской. Существуют серьезные проблемы с адаптацией репатриантов из Китая, сохраняется определенная социальная напряженность в принимающем сообществе по отношению к переселенцам²⁷.

Учебная миграция. 2000-е годы ознаменовали собой начало более интенсивного гуманитарного сотрудничества между Китаем и другими государствами ЦА. На начальных этапах обмен студентами и стажерами составляет от нескольких десятков до нескольких сот человек от каждой страны, однако у этого процесса большой потенциал. Развитие учебной миграции между Китаем, Казахстаном и странами региона освещено автором в ряде публикаций²⁸.

Незаконная миграция. Незаконная миграция — пересечение границ вне пунктов контроля, использование фальшивого паспорта или поддельной визы при пересечении и т. д. — незначительна. Пограничные ведомства Казахстана и Китая постоянно сотрудничают в охране государственной границы. Об этом свидетельствует общая статистика нарушений границы, зафиксированная Пограничной службой Комитета Национальной безопасности РК: если в 1980-е и начале 1990-х годов пограничники Казахстана в среднем в год задерживали 150—200 нарушителей границы из КНР, то в период с 2000 по 2008 г. границу нарушали в среднем 20—30 человек в год²⁹.

Кыргызская Республика (КР)

Важным фактором торгово-экономического сотрудничества и движения товаров и рабочей силы между Китаем и Кыргызстаном является их членство во Всемирной организации торговли (ВТО). Китай стал ее членом в 2001 г., а КР — в 1998 г.³⁰ Члены ВТО обязаны обеспечивать свободное движение капиталов, товаров, услуг и рабочей силы между странами. Не удивительно в связи с этим, что Китай занимает одно из ведущих мест (наряду с Россией) по товарообороту с Кыргызстаном.

Мы оставляем за скобками последствия вступления в ВТО для сельского хозяйства, промышленности, малого и среднего бизнеса КР, их нынешнее плачевное состояние — это отдельный сюжет. Рассмотрим динамику внешнеторгового оборота Кыргызстана и Китая. В 2006 г. он составил 2226 млн долл., при этом экспорт Китая в КР достиг 2113 млн (в 3,8 раза больше российского экспорта в Кыргызстан), а импорт Китая из КР — 113 млн долл., т. е. 5 % двустороннего товарооборота. При этом китайский экспорт в Кыргызстан превосходил экспорт в Узбекистан в 5,2 раза, в Таджикистан — в 6,9 раза и был всего в 2,2 раза меньше, чем экспорт в Казахстан³¹.

В 2007 г. двусторонний товарооборот увеличился до 3779 млн долл., из них лишь 114 млн составил экспорт Кыргызстана в Китай³². По сообщению китайских информационных агентств, в I квартале 2009 г. Кыргызстан опередил Казахстан по объему импорта из СУАР, который составил 911 млн долл.³³

Как и в Казахстане, основная статья в структуре экспорта КНР в Кыргызстан — это товары народного потребления. Китай заинтересован также в разведке и добыче полезных ископаемых (угля, золота, урана), в транзитном потенциале КР. В настоящее время КНР финансирует строительство автомобильной дороги, связывающей Иркештамский перевал с южным городом Ош в 275 км от китайской границы. Крупный оптово-розничный рынок Кара-Суу находится всего в 18 км от Оша, на границе Кыргызстана и Узбекистана. Базар Кара-суу — это основное место закупки китайских товаров не только кыргызскими, но и десятками тысяч узбекских торговцев. По некоторым данным, число официально зарегистрированных китайских предпринимателей на рынке достигает 2 тыс. человек³⁴.

Другой крупный центр региональной торговли в Кыргызстане, рынок «Дордой», находится под Бишкеком. С двух крупнейших рынков китайский импорт транзитом следует в страны Центральной Азии — Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, а также в Россию. Вместе с потоком товаров формируется и рынок услуг — финансовых, транспортных, торгово-посреднических, создается инфраструктура по обслуживанию в сфере хра-

нения, торговли, размещения и питания, коммуникаций, мелкого ремонта и других услуг для предпринимателей, продавцов, водителей, охранников и др. Некоторые граждане Китая приезжают в КР уже много лет, что способствует сохранению и развитию торговых и бизнес-связей между предпринимателями.

В Кыргызстане существуют еще более серьезные различия в оценке внешнеторгового оборота с Китаем, чем в Казахстане. Поскольку значительная часть торгового оборота осуществляется вне учета и контроля Казахстана и Кыргызстана, мы можем предполагать наличие движения не только товаров, но и людей, находящихся вне контроля принимающей стороны либо в сфере неформальной экономики. В сфере «теневой экономики», контролируемой коррумпированными чиновниками и преступными криминальными группировками, мы можем наблюдать устойчивую многолетнюю тенденцию и даже закономерность «теневизации» и «криминализации» трансграничной торговли и миграций.

По данным Министерства труда и социальной защиты КР, за 9 месяцев 2008 г. в страну было привлечено в целях занятости свыше 5 тыс. китайских граждан, из них 2 тыс. являлись квалифицированными специалистами, 3 тыс. — индивидуальными предпринимателями. Независимые оценки экспертов значительно варьируются: от 10 до 100 тыс. граждан Китая ежегодно пребывает в Кыргызстан со служебными, частными целями, на работу и др.

В КР из общей численности населения 5,1 млн человек (по состоянию на 2004 г.) кыргызы составляют большинство — 67,4 %, узбеки — 14,2 %, русские — 10,3 %. Численность дунган — 56,9 тыс. (1,1 %), уйгур — 49,2 тыс. (1,0 %), китайцев — 0,9 тыс. человек (0,02 %). Уйгуры составляют большинство в Кашгарском округе Синьцзяна, а кыргызы компактно проживают в Кызылсу-Кыргызском автономном округе Кашгарского округа, который граничит с Нарынской областью Кыргызстана.

Из Китая в КР едут в основном китайцы (ханьцы), уйгуры, кыргызы, дунгане. Кыргызы из Синьцзяна приезжают в Бишкек, где получают образование, изучают кыргызский язык, а также русский как иностранный. Кыргызы не хотят переезжать

в КР на постоянное место жительства, потому что в Китае у них есть работа и хорошая пенсия. Айгуль (имя изменено), этническая кыргызка из Бишкека, рассказала, что у них дома жили три кыргызских студента из Китая, приехавшие в столицу учиться на экономистов на платном отделении национального университета. Двое выпускников после окончания университета поступили на дополнительные курсы русского языка, одновременно обучали китайскому языку студентов в одном из вузов Бишкека. Один из них хотел открыть бизнес по продаже китайской сельскохозяйственной техники в КР, но родители настояли на его возвращении в Китай. К тому времени двое из китайских кыргызов женились и имели семьи³⁵. Уйгуры из Китая преуспевают в Бишкеке в развитии индивидуального и малого бизнеса в сфере обслуживания.

Благоприятствующие миграции факторы включают не только сходство этнодемографического состава, но и близость языка, религии, традиционного уклада жизни, исторических традиций торговли и сотрудничества на Великом шелковом пути, и это относится не только к Казахстану и Кыргызстану, но и к другим странам региона.

Кыргызстан являет собой пример быстрого развития транзитной китайской миграции, которая происходила в 1990-е годы, когда страна имела безвизовый режим пересечения границ с КНР (с 1992 по 2003 г.). Как государство — член СНГ Кыргызстан имел безвизовый режим с Казахстаном, а тот — с Россией. Это создавало «классический» транзитный коридор, в том числе для незаконного пересечения границ из Китая в Кыргызстан, из КР в Казахстан, а из Казахстана в Россию. Слабое техническое оснащение, почти «прозрачность» границы России с Казахстаном на юге (7591 км) способствовали транзиту китайских граждан через Россию, Украину, Беларусь в страны Европы и Северной Америки. В настоящее время на основании двусторонних соглашений КНР и Кыргызской Республики в отношении граждан Китая — владельцев дипломатических и служебных паспортов действует безвизовый режим въезда сроком до одного месяца и визовый — для обладателей общегражданских паспортов.

Республика Таджикистан (РТ)

Из-за гражданской войны в Таджикистане в 1992—1997 гг. его торгово-экономические отношения с Китаем были минимальными. По данным китайской официальной статистики, двусторонний товарооборот составлял в 1996 г. 11,7 млн долл., из них экспорт из Китая в Таджикистан — 7,6 млн, импорт в Китай из Таджикистана — 4,1 млн долл. В 2007 г. товарооборот составил 524,1 млн долл. и вырос почти в 45 раз по сравнению с 1996 г. При этом, так же как и в Кыргызстане, не обладающем значительными природными ресурсами, таджикский экспорт в Китай составлял лишь 10,3 млн долл., или 2 % от двустороннего торгового оборота стран, а импорт из Китая — 513,8 млн долл.

В Таджикистане трансграничные миграции долгое время были затруднены в связи с тем, что граница с СУАР проходит в труднодоступной горной местности, однако строительство автотранспортной дороги Ташкурган—Хорог через перевал Куймар на Сарыкольском хребте позволило резко увеличить товарооборот между двумя странами, осуществляемый в первую очередь мелкими предпринимателями — «челноками».

Как отмечают таджикские эксперты, транспортные затраты во время челночных рейсов и торговли отличаются дешевизной. Например, в направлении Душанбе—Урумчи стоимость 1 куб. м площади в грузовом самолете составляла 260 долл., в железнодорожном вагоне — 130 долл., а стоимость 1 куб. м площади в грузовой машине, следующей через перевал Куймар, — всего 90 долл., т. е. почти в 3 раза меньше, чем при авиаперевозках, и в 1,5 раза — при железнодорожных³⁶. Эти тарифы намного ниже тех, что установлены в соседних государствах, и играют большую роль в сохранении челночных миграций в этой самой бедной стране Центрально-Азиатского региона.

В 2006 г. Таджикистан и Китай подписали ряд документов финансового характера на 608 млн долл. Эта сумма используется для реализации проектов по строительству магистральной автомобильной дороги Душанбе—Худжанд—Чанак, соединяющей южные районы Таджикистана с северными, а также с Узбекистаном. Планируется строительство линий электропередачи

(ЛЭП)-500 «Юг—Север» и ЛЭП Лолазор—Хатлон, автотранспортного тоннеля под Шахристонским и Шаршарским перевалами, стекольного и кирпичного заводов. Китай оказывает помощь Таджикистану в подготовке кадров для работы в различных отраслях экономики, культуры, образования, а также для службы в рядах вооруженных сил, пограничных войсках и Национальной гвардии (2007 г.)³⁷.

Китай сделал значительный вклад в реконструкцию и полную модернизацию государственной телекоммуникационной системы Таджикистана. В последние годы устойчивую нишу в телекоммуникационном рынке страны стали занимать такие компании, как «Таджикистан-Китай Mobile», «M-Technical», которые обладают высоким потенциалом конкурентоспособности и предоставляют населению значительно более дешевые услуги³⁸.

Миграции между Таджикистаном и Китаем приобретают впечатляющую динамику после 2006 г., несмотря на их сравнительно небольшие объемы. По данным Министерства внутренних дел РТ, в 2008 г. в стране было зарегистрировано 9266 китайских граждан — как квалифицированных специалистов, так и рабочих (основная сфера их занятости — строительство дорог и тоннелей на автомагистрали Душанбе—Худжанд—Чанак, строительство инфраструктуры) и индивидуальных предпринимателей. Оценки экспертов варьируются: от 10—20 до 20—30 тыс. граждан Китая прибыли в Таджикистан с различными целями: служебными, трудовыми, частными и др.³⁹

Туркменистан

Туркменистан является примером наиболее динамично развивающихся двусторонних отношений с Китаем. В период авторитарного режима президента С. Ниязова (Туркменбаши) в связи с политической закрытостью и ограничениями в выезде из страны, а также отчасти из-за отсутствия совместных границ двусторонняя торговля и миграции между Китаем и Туркменистаном были минимальны.

Смена политического лидера в декабре 2006 г. и постепенная политическая либерализация в 2007—2009 гг. позволили Китаю быстро наверстать упущенное. В середине 1990-х годов внешне-торговый оборот Китая с Туркменистаном был самым скромным в регионе: согласно китайским данным, в 1996 г. он составлял 11,5 млн долл., из них: экспорт из КНР в Туркмению — 8,5 млн, импорт Китая — 3,0 млн. В 2000-е годы начался быстрый рост торговли, последовательно увеличивающейся в 1,5—2 раза по сравнению с показателями предшествующего года. К 2007 г. двусторонний товарооборот достиг 352,6 млн долл., причем импорт Туркменистана из Китая составил 302,5 млн, а экспорт в Китай — 50,1 млн долл., или 14,2 % товарооборота.

В 2006 г., еще в период президентства С.Ниязова, между Китаем и Туркменистаном было заключено соглашение о строительстве газопровода «Туркменистан—Китай», предусматривающее поставки туркменского газа в КНР в течение 30 лет. Строительство газопровода протяженностью 7000 км было начато в 2007 г. и должно закончиться в конце 2009 г.

Строительство завода по очистке и подготовке природного газа (ГПЗ-1) мощностью 5 млрд куб. м товарного газа в год, который будет «обслуживать» месторождения Самандепе и «Алтын Асыр», развернула одна из подрядных организаций «СНРС Интернэшнл» (Туркменистан) — «Сычуань петролеум». Сейчас на возведении первого крупного объекта газоперерабатывающей отрасли региона и сопутствующей инфраструктуры трудится около 1300 китайских и туркменских строителей⁴⁰. По некоторым неподтвержденным данным, число посетивших Туркменистан китайских граждан в 2008 г. составило 10—12 тыс. человек.

Регулирование занятости рабочей силы в Туркменистане реализуется на базе двух основных принципов: с одной стороны, идет привлечение рабочей силы из Китая на строительство или управление совместными проектами, но с другой стороны, осуществляется защита внутреннего рынка труда требованием обязательного соблюдения соотношения 70 : 30 (%) между местными и иностранными рабочими.

На встрече лидеров двух стран в августе 2008 г. в Ашгабаде Г. Бердымухамедов и Ху Цзиньтао высказались за расширение

ние взаимодействия на таких перспективных направлениях, как транспорт и телекоммуникации (создание международных транспортных коридоров Север—Юг и Восток—Запад), текстильная и химическая индустрия, в том числе строительство предприятий по производству минеральных удобрений. Особое внимание было уделено углублению гуманитарных контактов, в том числе в области науки, образования и культуры. Десятки туркменских студентов в настоящее время обучаются в высших учебных заведениях Китая, расширяется преподавание китайского языка и литературы в туркменских вузах. Председатель КНР выступил с предложением открыть в Туркменистане Институт Конфуция — учебный и научный центр по изучению духовного наследия китайского народа; в институте предполагается открыть курсы по обучению китайскому языку⁴¹.

Республика Узбекистан (РУ)

Договорно-правовую базу отношений КНР и Республики Узбекистан к 2008 г. составляли свыше 168 межгосударственных и других соглашений, в том числе Договор о партнерских отношениях, дружбе и сотрудничестве. В соответствии с торгово-экономическим соглашением (1992 г.) в Узбекистане для КНР установлен режим наибольшего благоприятствования⁴². Регулярно происходят обмены визитами и встречи руководителей обеих стран.

В ноябре 2007 г. состоялся официальный визит премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Узбекистан, в ходе которого было подписано 11 договоров и соглашений, способствующих продвижению двустороннего сотрудничества в области энергетики, геологоразведки, здравоохранения, сельского и коммунального хозяйства.

В настоящее время КНР занимает ведущее место среди торговых партнеров Узбекистана. Объем внешнеторгового оборота РУ и Китая занимает третье место среди других стран Центральной Азии (после Казахстана и Кыргызстана). Согласно китайским данным двусторонний товарооборот в 2007 г. достиг

1128 млн долл. (из них 765 млн — экспорт Китая и 363 млн — импорт КНР), увеличившись по сравнению с 2000 г. соответственно в 21,3, 19,4 и 30,2 раза.

Номенклатура экспорта Узбекистана в Китай главным образом состоит из хлопкового волокна (84,4 %) и услуг (6,5 %). Основными статьями импорта РУ являются машины и оборудование (56,7 %), черные металлы (15,9 %), химические продукты и пластмасса (7,3 %)⁴³.

Импорт товаров китайского производства в Узбекистан имеет большие объемы, однако значительная часть приобретается не на китайских рынках во время поездок узбекских граждан в Китай (как это происходит в других странах Центральной Азии) и не путем прямого китайского импорта в страну, а опосредованно, на региональных рынках: в Кыргызстане — на рынках Кара-Суу, около города Ош, на границе с Узбекистаном — и «Дордой» — оптовом рынке под Бишкеком, а также в Казахстане — на оптовых рынках «Балашак» и «Рахат» недалеко от южной столицы Алма-Аты и в Чимкенте Южно-Казахстанской области. На рынках узбекские торговцы и мелкие предприниматели приобретают китайскую обувь, одежду, белье, другие товары народного потребления и реализуют их сами либо перепродают. Для многих узбекских домохозяйств челночный бизнес стал стратегией выживания в переходный период.

Нефтяные и газовые месторождения Узбекистана привлекают китайских инвесторов. В апреле 2007 г. в Ташкенте подписано межправительственное соглашение о принципах строительства и эксплуатации газопровода «Узбекистан—Китай», сооружение которого началось 30 июня 2008 г. Завершение строительства и пуск трубопровода в эксплуатацию планируются в 2009 г. В 2008 г. в целях регулирования вопросов проектирования и строительства газопровода в Узбекистане было создано узбекско-китайское СП «Asia TransGaz». Китайская CNPC ведет геологоразведочные работы в различных нефтегазоносных регионах РУ. Активно развивается транзитно-транспортная инфраструктура через Узбекистан в Китай. В целом потенциал партнерских отношений РУ и Китая далеко не исчерпан.

Возросшая динамика двусторонних отношений видна на примере развития китайского бизнеса. В 2007 г. в стране было 36 китайских предприятий. На начало 2009 г. на территории Узбекистана действовало 223 предприятия с участием китайских инвестиций, в том числе 180 совместных предприятий и 43 — со 100%-ными китайскими инвестициями, основными видами деятельности которых являются производство продукции легкой промышленности, переработка сельхозпродукции, оказание посреднических услуг и др. Уполномоченными органами было аккредитовано 44 представительства китайских компаний, сфера деятельности которых включает помимо перечисленных проведение экспортно-импортных операций, текстильное производство, информационные технологии⁴⁴.

Узбекистан подписал с КНР несколько межгосударственных соглашений, предусматривающих развитие гуманитарного сотрудничества. Расширяется обмен студентами и стажерами по государственной линии. В мае 2005 г. в Ташкенте был открыт Институт Конфуция по изучению китайского языка и культуры, ныне в нем обучается более 150 слушателей из числа школьников, студентов, представителей бизнеса, научных работников. В мае 2007 г. в Ташкенте состоялось открытие Центра китайского языка, который был также полностью и безвозмездно оснащен китайской стороной техническим оборудованием и учебными материалами. В вузах Узбекистана в настоящее время обучается 20 китайских студентов. В сентябре 2005 г. в Центральном университете национальностей в Пекине открылась кафедра узбекского языка с двумя группами студентов (39 человек). На 2008/09 учебный год правительство КНР, согласно двустороннему соглашению и в рамках ШОС, предоставило государственный грант 40 узбекским студентам. Обучение в КНР организовано по специальностям: китайский язык, международная экономика и торговля, менеджмент, экогеология, ядерная физика⁴⁵.

В сфере туризма на рассмотрении сторон находится проект меморандума о придаче РУ статуса страны туристического назначения для групповых поездок граждан КНР, подписание которого предполагается после внутригосударственных согласо-

ний. После вступления договора в силу можно прогнозировать развитие многих традиционных для региона видов миграций, памятуя, что за последние годы трудовая мобильность граждан Узбекистана значительно выросла: ныне несколько миллионов узбекских граждан ежегодно отправляются на заработки в Россию, Казахстан и страны вне СНГ.

Новым шагом в расширении учебной миграции между Китаем, Узбекистаном и другими государствами — членами Шанхайской организации сотрудничества может стать открытие Университета ШОС, который начнет функционировать с 1 сентября 2009 г. Создаваемый вуз будет реализовывать систему взаимодействия университетов стран — членов ШОС, которые явятся базовыми вузами по соответствующим областям подготовки в своей стране. Предполагается, что студенты национального головного вуза, включенного в данную систему, смогут продолжить обучение с любого семестра в участвующем в программе иностранном вузе⁴⁶.

Выводы

Итак, привлекательность государств Центральной Азии — Казахстана, Кыргызстана и других стран как региональных рынков сбыта китайских товаров; заинтересованность КНР в энергоресурсах, в первую очередь в нефти и газе, ее готовность вкладывать инвестиции в их разработку и транспортировку углеводородов из Казахстана, Узбекистана и Туркменистана; потенциальные возможности территорий центральноазиатских стран в качестве «транзитных коридоров» для поставок товаров в Европу, а также развития бизнеса и коммуникаций — все эти факторы являются стратегически важными для углубления сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии.

В настоящее время между Китаем и странами ЦА наблюдаются все основные типы и виды миграционных перемещений. Наиболее распространенные виды миграций включают «коммерческую» (торговую, «челночную») миграцию, получившую

распространение в регионе с конца 1980-х годов, трудовую (официальное привлечение иностранной рабочей силы, распространение «нерегулируемой» трудовой миграции), бизнес-миграции (преимущественно малый китайский и совместный бизнес), миграция на постоянное место жительства (из Китая в Казахстан), двустороннюю учебную миграцию и др. Специфической особенностью миграций в регионе является этническое многообразие потоков, которое сложилось в результате особенностей исторического развития стран, географического положения, этнодемографического состава.

Каждый из крупных инфраструктурных проектов, осуществляемых в регионе, сопровождается увеличением занятости китайских рабочих и специалистов. Часть работников возвращается в Китай после завершения проекта, часть продлевает контракт и остается в стране или следует транзитом в западные страны. В связи с реализацией долгосрочных региональных инфраструктурных проектов — энергетических, транспортных — можно прогнозировать дальнейший рост численности китайской рабочей силы в регионе. Это отличает перспективы российской присутствия в ЦА от китайского: последнее, помимо инвестиций, будет обеспечено и людскими ресурсами.

В сфере трудовой и трансграничной миграции в настоящее время накопилось значительное количество проблем: коррупционные схемы в коммерческой миграции и «челночной торговле», развитие китайского и совместного бизнеса вне государственного контроля страны пребывания, незаконная занятость трудовых мигрантов и т. д. «Теневи́зация» экономических и социальных отношений может иметь негативные последствия для экономик принимающих и посылающих стран и отрицательно сказаться на перспективах экономического сотрудничества и двусторонних отношениях.

Актуальной остается проблема совершенствования в странах приема национального законодательства. Решение проблем регулирования различных миграционных потоков и предупреждения незаконной миграции возможно лишь путем взаимодействия всех участников («субъектов») процесса: государственных органов и экспертного сообщества, международных и неправи-

тельствующих организаций, средств массовой информации и самих мигрантов. Для Китая и государств Центральной Азии это новый вызов, проблема, которая может быть решена только на путях дву- и многостороннего сотрудничества. Для ученых стран ЦА и СНГ в целом — это новое поле исследований современного исторического сдвига в глобальной китайской «экспансии» (включая миграцию) в западном направлении.

Примечания

¹ *Tishkov Valery, Zayinchkovskaya Zhanna, Vitkovskaya Galina.* Migration in the countries of the former Soviet Union. A paper prepared for the Policy Analysis and Research Programme of the Global Commission on International Migration. Global Commission on International Migration. September 2005. URL: www.gcim.org; *Рязанцев С. В.* Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М., 2007; *Sadovskaya Elena.* Changing Contours of the Post-Soviet Migratory System: Globalization versus Regionalization. Joint International Conference «Empires and Nations» The Ecole Doctorale of the Institut d'Etudes Politiques de Paris and the Association for the Study of Nationalities. Paris. July 3-5. 2008; *Садовская Е. Ю.* «Китайский транзит» на постсоветском пространстве: Россия, Казахстан и далее везде? // Теория и практика управления транзитной миграцией / Под ред. И. Молодиковой и Ф. Дювеля. М., 2009. С. 162—194.

² *Чжао Хуашэн.* Китай / Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества. Рабочие тетради. Московский центр Карнеги. М., 2005.

³ <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ch.html> 09.01.2009. После делимитации и демаркации границ на основе двусторонних договоренностей Китая и Казахстана в 2002 г. — 1782 км.

⁴ См.: *Садовская Е. Ю.* Китайская миграция в Казахстане: современные тенденции и перспективы // ANALYTIC. 2007. № 6; *Ее же.* Китайская миграция в Казахстане: причины, основные тенденции и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 1; *Sadovskaya E.* Chinese Migration to Kazakhstan: a Silk Road for Cooperation or a Thorny

Road of Prejudice? // The China and Eurasia Forum Quarterly. 2007. Vol. 8. No 4. P. 147—170. URL: <http://www.isdp.eu/cefq>

⁵ Глоссарий терминов в области миграции. Международное миграционное право / отв. ред. Р. Перрушу. Вып.2. Женева, Международная организация по миграции, 2005. С. 36, 77—79.

⁶ Отметим и такой новый миграционный тренд из стран постсоветского пространства в Китай, как выезд на постоянное место жительства в КНР: эта тенденция уже несколько лет наблюдается в России. В Казахстане она представлена в основном возвратной миграцией казахских репатриантов в Китай. См.: *Садовская Е. Ю.* Метаморфозы китайской миграции на постсоветском пространстве. М., 2009.

⁷ См.: *Садовская Е. Ю.* «Китайский транзит» на постсоветском пространстве...

⁸ *Садовская Е. Ю.* Этническая структура современных миграций из Китая в Казахстан и проблемы принимающего общества // Вестник Евразии. 2008. № 2.

⁹ ИА Фергана.Ру. URL: <http://subscribe.ru/archive/country.kz.news/200806/24150003.html/24.06.2008>

¹⁰ *Садовская Е. Ю.* Современная китайская миграция в Казахстане: основные тенденции, проблемы и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 137.

¹¹ По международным экспертным оценкам, объем производства обувной промышленности Китая составил: в 1994 г. — 3,75 млрд пар обуви (или 38 % мирового производства); в 1997 г. — 5,25 млрд пар (47,5 %); в 2005 г. — 7,65 млрд пар (58,8 %); в 2009 г. ожидается, что Китай произведет 8,9 млрд пар и достигнет 61,5 % мирового производства. Китай является крупнейшим экспортером обуви, среди его основных покупателей — США, Евросоюз, Япония, Россия, Казахстан, Канада и др. Многие китайские производители реализуют продукцию через оптовые компании — торговые дома, оптовые рынки в крупных городах и центрах обувной промышленности. Ист.: Ni-Nao.ru, март-апрель 2007 г., С. 35. В Казахстане, по статистике, в настоящее время объемы отечественного производства обуви покрывают всего 1 % потребности внутреннего рынка, 75 % приходится на обувь китайского производства, около 20 % — турецкого и российского и небольшая часть — на обувь из Европы. В советское время потребности ка-

захстанского рынка на 60 % покрывались местными производителями. *Ист:* Караван. 29.08. 2008.

¹² Синьцзян тунци няньцзянь. 1999. Урумчи. 1999. С. 591; Синьцзян тунци няньцзянь. 2004. Урумчи, 2004. С. 523.

¹³ http://russian.xjts.cn/xinjiang/content/2007-12/21/content_2358216.htm 21.12.2007

¹⁴ *Садовская Е. Ю.* Трудовая миграция как средство адаптации к экономическому кризису. Алма-Ата, 2001. С. 39—89.

¹⁵ http://russian.xjts.cn/xinjiang/content/2007-12/24/content_2360848.htm 24.12.2007

¹⁶ <http://www.russian.xjts.cn/RUSSIAN/chanel336/395/398/index/html> 30.09.2004

¹⁷ Там же.

¹⁸ <http://www.ferghana.ru> 31.10.2008

¹⁹ Панорама. 02.04.2009.

²⁰ http://russia.china.org.cn/business/txt/2004-09/14/content_2132649.htm

²¹ По данным Министерства труда и социальной защиты Республики Казахстан, а также архивов и текущей статистики за 1993—2008 гг. См. подробнее: *Садовская Е. Ю.* Привлечение рабочей силы из Китая в Казахстан в период суверенитета: динамика и проблемы регулирования // Труд в Казахстане. 2008. № 8.

²² *Tishkov Valery et el. Migration in the countries of the former Soviet Union...*

²³ *Гельбрас В.* Китайские хуацяо — политика Пекина // Мировой опыт миграционной политики: ретроспектива и новейшие тенденции / Межд. организация по миграции. М.; Алматы, 2004. С. 326—344; *Гельбрас В. Г.* Китайская реальность в России. М., 2001.

²⁴ В Алма-Ате, южной столице Казахстана, располагаются офисы крупных китайских и совместных компаний, например Китайская национальная нефтегазовая корпорация, Алма-Атинский филиал компании PetroKazakhstan Overseas; банки: Банк Китая в Казахстане и Торгово-промышленный банк Китая; предприятия по производству и сборке бытовой техники, металлопластиковых изделий, строительных конструкций; торгово-посреднические ТОО, туристические агентства.

Особенно быстро выросла сеть китайских ресторанов, например рестораны *Пекин*, *Великая стена*, *Лу Пин*, *Принцесса*, растет число медицинских и оздоровительных центров, практикующих древнекитайские и древнетибетские методы лечения. В 2007 г. в городе открыты автозаправочные станции *SINOIL*. Рестораны и медицинские центры появляются в Актюбинске, Астане, Усть-Каменогорске, других городах Казахстана.

²⁵ *Сыроежкин К. Л.* Проблемы современного Китая и безопасность Центральной Азии. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2006. С. 181—182.

²⁶ Данные Комитета по миграции Министерства труда и социальной защиты РК. 2008 г.

²⁷ *Садовская Е. Ю.* Этническая структура современных миграций из Китая в Казахстан и проблемы принимающего общества // Вестник Евразии. 2008. № 2.

²⁸ См.: *Садовская Е. Ю.* Учебная миграция между Казахстаном и Китаем в контексте двустороннего социально-гуманитарного сотрудничества // Современная цивилизация и проблемы повышения конкурентоспособности национального государства: Материалы научной конференции Министерства образования и науки Республики Казахстан, Института философии и политологии МОН РК, Университета Кайнар. Алма-Ата, 10—11 июля 2008 г. Алма-Ата, 2008. С. 372—377; *Sadovskaya, Elena.* Migration for Education between Kazakhstan and China in the Context of Socio-Cultural Cooperation among Shanghai Cooperation Organisation states // Central Asian Affaires. 2008. № 2. P. 22—27.

²⁹ Мегалополис. 04.08.2008.

³⁰ Казахстан и Россия имеют статус стран-наблюдателей в ВТО.

³¹ Рассчитано по данным китайской и российской статистики. *Ист.: Портяков В. Я.* Шанхайская организация сотрудничества: достижения, проблемы перспективы // Китай в мировой и региональной политике (История и современность) / отв. ред. Е. И. Сафонова. М., 2007. С. 39.

³² Статистические данные по внешнеторговому обороту Китая с республиками Центральной Азии из китайских первоисточников любезно предоставлены профессором Института Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова В. Г. Гельбрасом.

³³ Объем экспорта из Синьцзяна в Кыргызстан в I квартале 2009 г. составил 911 млн долл., и КР стала крупнейшим экспортным рынком для СУАР, опередив Казахстан, который традиционно занимал лидирующие позиции в этой сфере. Статистические данные таможни Урумчи указывают, что оборот внешней торговли между Синьцзяном и Кыргызстаном в I квартале 2009 г. составил 917 млн долл., в том числе экспорт СУАР — 911 млн долл. Оборот внешней торговли между СУАР и Казахстаном за этот же период составил 1,070 млрд долл., в том числе экспорт СУАР — 880 млн долл. В плане объема импорта из СУАР первенствует Кыргызстан. URL: <http://www.24.kg/economics/2009/04/20/112471.html>

³⁴ <http://www.msn.com/forum/viewtopic.php?t=374> 27.04.2009

³⁵ Интервью с местными жителями-киргизами, октябрь 2008 г., с. Бозтери, Иссык-кульская область.

³⁶ *Сафаров С.* Таджикистан и Китай: динамика взаимовыгодного сотрудничества // Китай и страны Центральной Азии в современных геополитических реалиях: сб. статей / под ред. Л. Музапаровой. Алматы: Центр по изучению Китая при ИМЭП, 2008. С. 47.

³⁷ <http://www.mfa.tj/index.php?node=article&id=315>

³⁸ *Сафаров С.* Таджикистан и Китай: динамика... С. 48.

³⁹ Экспертные интервью. Июнь 2008 г., март 2009 г. Алма-Ата.

⁴⁰ http://turkmenistan.gov.tm/_rus/2009/01/29/strojka_veka_zhestkijj_grafik_vysokie_tempy.html

⁴¹ http://turkmenistan.gov.tm/_rus/2008/08/29/peregovory_mezhdu_pr_ezidentom_turkmenistana_gurbanguly_berdymukhamedovym_i_predsedatelem_knr_khu_czintao.html

⁴² <http://www.embassy-uz.cn/modules.php?name=Uzbekistan&file=otnosh>

⁴³ http://mfa.uz/rus/mej_sotr/uzbekistan_i_strani_mira/uzbekistan_strani_atr/uzb_kitay/; <http://www.embassy-uz.cn/modules.php?name=Uzbekistan&file=otnosh>

⁴⁴ <http://www.embassy-uz.cn/modules.php?name=Uzbekistan&file=otnosh>

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ <http://russian.people.com.cn/31519/6666381.html>

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

*В. Б. Кашин**

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА ЭКОНОМИКУ И ВНЕШНЮЮ ТОРГОВЛЮ КНР И ЕГО ВЕРОЯТНЫЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Кризис нанес серьезный удар по китайскому экспорту и снизил приток прямых иностранных инвестиций в страну, замедлив в начале 2009 г. экономический рост Китая. Несмотря на то что антикризисные меры китайского правительства уже приносят результат, перемены в глобальной экономике неизбежно сместят соотношение между внешними и внутренними факторами экономического роста страны. Это, в свою очередь, отразится на внешней политике КНР.

* Кашин Василий Борисович, к. полит. н., в. н. с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

Кризис и Китай

Благодаря ряду особенностей китайская экономика оказалась более устойчивой к кризису, чем большинство других крупных экономик мира. По оценке МВФ, влияние нынешнего кризиса на развивающиеся экономики выражалось главным образом в резком прекращении внешнего финансирования и снижении спроса на экспортную продукцию¹. Из этих двух составляющих для Китая оказалась существенной только вторая. Из общего объема выданных в КНР кредитов на внешнее финансирование на момент начала кризиса приходилось менее 5 %, в то время как в России — более 30 %, в Индии — более 20 %, в Бразилии — 13 %².

Происходившее под влиянием внешних негативных обстоятельств, а также предшествующего «перегрева» китайской экономики падение индекса Shanghai Composite (к ноябрю 2008 г. он потерял более 70 % и снизился до уровня около 1700 по сравнению с пиком в октябре 2007 г.) не оказывало существенного влияния на реальную экономику и вызывало обеспокоенность у правительства главным образом из-за угрозы разорения множества мелких инвесторов и вследствие этого — вероятности негативных социально-политических последствий. Академией общественных наук Китая разрабатывались предложения о поддержке фондового рынка путем создания специального фонда для проведения интервенций объемом 88—117 млрд долл. на случай, если Shanghai Composite упадет ниже 1500 пунктов. С такой идеей выступал, в частности, экс-председатель китайской Комиссии по регулированию рынка ценных бумаг Чжоу Жэньцин³. Но идеи интервенций на фондовом рынке остались невостребованными ввиду последующей стабилизации и даже роста индекса, достигшего к концу апреля уровня выше 2400.

Поскольку влияние глобального кризиса Китай мог ощутить в основном через сокращение спроса на свою экспортную продукцию, существенным образом кризис смог отразиться на темпах роста китайского ВВП лишь в четвертом квартале 2008 г., т. е. значительно позже, чем в большинстве затронутых кризи-

сом стран. С ноября 2008 г. началось устойчивое сокращение китайского экспорта по отношению к уровню аналогичного периода прошлого года. В ноябре 2008 г. экспорт снизился по отношению к аналогичному периоду прошлого года на 2,3 %, в декабре — на 2,8, в январе 2009 г. — на 17, в феврале — на 25,7, в марте — на 17,1 % (до 90,29 млрд долл.). Синхронно падал и импорт: в марте этого года он оказался на 25,1 % меньше, чем в марте предыдущего, и составил 71,73 млрд долл. Сильнее всего пострадал экспорт электроприборов (на 18,8 % в марте), металлургической продукции (на 59,5 %), продовольствия (на 49,8 %), стройматериалов (на 72 %). Однако объем поставок потребительских товаров, таких, как одежда и бытовая техника, после резкого падения экспорта в первые два месяца 2009 г. в марте вновь стал постепенно расти⁴.

В марте-апреле 2009 г. появились первые признаки стабилизации китайского экспорта в целом. В конце апреля министр торговли КНР Чэн Дэмин констатировал замедление падения китайского экспорта в США по отношению к аналогичному периоду прошлого года⁵.

Тем не менее кризис выявил долгосрочные структурные факторы, препятствующие экспорту сохранять роль одного из локомотивов китайской экономики. В ряду основных предпосылок китайского экспортного бума был аномально высокий уровень потребления домохозяйств США, достигавший в 2008 г. 70,5 % ВВП страны. США — второй по значению торговый партнер КНР после Европейского союза; по состоянию на 2007 г. на его долю приходилось 19,1 % китайского экспорта (на ЕС — 20,1 %)⁶, а в марте 2009 г. — 18,3 %⁷.

Между тем среди американских экономистов на данный момент широко распространена точка зрения о возможности долгосрочной коррекции уровня потребления, стабилизации которого можно добиться путем дополнительных мер стимулирования со стороны правительства⁸. Популярно и мнение, что падение цен на недвижимость и опыт пережитой рецессии сами по себе окажут долгосрочное влияние на поведение американских потребителей. Как отмечает экономист агентства Moody's С. Хойт, «поколение, которое пережило Великую депрессию,

было очень консервативно в своих расходах и агрессивно в своих сбережениях. Я думаю, что у нас будут потребители, которые двинутся в этом же направлении, поскольку они не очень-то верят в свои активы»⁹.

Европейские и японские потребители, проявлявшие до кризиса несколько больший консерватизм в расходах, тем не менее демонстрируют сходную модель поведения и наращивают сбережения. Таким образом, несмотря на некоторую стабилизацию экспорта КНР, возвращения времен его быстрого роста пока ждать не приходится.

Падение экспорта привело к существенному замедлению экономического роста Китая. В четвертом квартале 2008 г. рост китайского ВВП замедлился до 6,8 % в годовом выражении (в первом квартале 2008 г. он составлял 10,6 %). По оценке Всемирного банка, по отношению к третьему кварталу 2008 г. ВВП КНР сократился на 5 %¹⁰. По итогам 2008 г. рост ВВП КНР составил около 9 %.

Кризис привел к росту официальной безработицы, составляющей в Китае лишь небольшую часть реальной — 0,2—4,2 % трудоспособного населения. Исследование, проведенное Министерством сельского хозяйства Китая, показало, что работу потеряли более 20 млн человек — мигрантов из сельской местности¹¹. В целом, несмотря на ощутимое воздействие кризиса, положение Китая оценивается как наиболее прочное среди других стран группы БРИК, особенно таких «уязвимых», как Россия и Бразилия. Причины этого — в относительной закрытости китайской финансовой системы, наличии у Китая существенных возможностей для роста госрасходов и внутреннего потребления¹².

Антикризисные меры китайского правительства

Крупнейшим резервом, за счет которого КНР способна компенсировать сокращение внешнего спроса на свою продукцию, является потребление отечественных домохозяйств, находящееся на весьма низком уровне — около 36 % (по данным на

2007 г.)¹³. Для сравнения: в Индии этот показатель составляет около 55 %, в Индонезии — 61, в России — 48 %. Низкое потребление — следствие высокого уровня накоплений домохозяйств, что, в свою очередь, объясняется несовершенством китайской системы здравоохранения и социального обеспечения. Некоторые меры китайского правительства были направлены на стимулирование потребления, прежде всего за счет новых инициатив в сфере здравоохранения и социального обеспечения.

Второй крупнейший резерв — наращивание государственных расходов, возможное благодаря относительно скромному дефициту бюджета на начало кризиса (в 2008 г. дефицит китайского бюджета составлял 180 млрд ю., или 0,06 % ВВП). Кроме того, с третьего-четвертого кварталов 2008 г. падающие вследствие кризиса цены на сырье привели к ослаблению инфляционного давления и в дальнейшем — к началу дефляции. Уже в феврале 2009 г. потребительские цены были на 1,6 % ниже, чем год назад, и это снимает еще одно потенциальное препятствие для наращивания государственных расходов.

Курс юаня с лета 2008 г. держится примерно на одном уровне — 6,83—6,85 юаня за доллар, при этом правительство не допускает укрепления юаня и, располагая гигантскими международными резервами, достигающими 2 трлн долл., препятствует и ослаблению национальной валюты. В этих условиях правительство КНР уже с ноября смогло запустить масштабную государственную инвестиционную программу. Общий объем средств, выделенных на соответствующие цели на двухгодичный период составил 4 трлн ю. (585 млрд долл.). Они распределены следующим образом.

Лишь четверть расходов в рамках этой программы понесет центральное правительство, остальные придутся на счет госкомпаний, провинциальных и местных правительств. Возможно, что часть расходов была запланирована ранее и вне рамок антикризисных мер. К таким расходам, в частности, может относиться существенная часть ассигнований на борьбу с последствиями землетрясения в Сычуани.

Тем не менее в китайский пакет антикризисных мер не включены многие шаги правительства по поддержке экономи-

Таблица 1. Основные направления и общий объем финансирования в рамках стимулирующего пакета китайского правительства в период IV кв. 2008 г. — 2010 г., млрд юаней

Всего	4000
Жилищное строительство	400
Инфраструктура в сельской местности (водоснабжение, электроэнергетика, местные дороги)	370
Транспорт (железные дороги, аэропорты, автомагистрали)	1500
Здравоохранение и образование (строительство школ и больниц)	150
Энергетика и защита окружающей среды	210
Инновации	370
Реконструкция районов, затронутых землетрясением 2008 г.	1000

Источник. Всемирный банк на основе материалов китайской Комиссии по реформам и развитию.

ки, которые в иных странах, например в США, включаются в перечень аналогичных стимулирующих мероприятий. Так, реформа китайского налога на добавленную стоимость (его переориентация с производства на потребление), согласно заявлению замдиректора департамента налогообложения Министерства финансов КНР Чжэн Цзяньсиня, в 2009 г. должна ослабить нагрузку на китайских налогоплательщиков на 123 млрд ю. только за счет освобождения от обложения этим налогом расходов на приобретение основных средств¹⁴. Кроме того, снижен НДС для малых предприятий с 6 до 3 % в промышленности и с 4 до 3 % в торговле. В марте премьер Госсовета Вэнь Цзябао заявил, что общее снижение налогового бремени может составить 600 млрд ю.¹⁵

В январе 2009 г. Госсоветом КНР принята программа реформы системы здравоохранения на срок до 2011 г. общей стоимостью 850 млрд ю. (123 млрд долл.). По словам премьера Госсовета Вэнь Цзябао, программа призвана обеспечить доступ к страховой медицине как минимум для 90 % населения стра-

ны, включая доступ к базовым лекарствам. Также программа предусматривает строительство 5000 клиник в сельской местности, 2000 уездных госпиталей, 2400 городских клиник и т. п.¹⁶ Согласно одобренным ЦК КПК и Госсоветом в апреле 2009 г. общим принципам реформы здравоохранения в перспективе должно стать общественным благом для всего населения страны. Между тем в 2007 г. доля населения в структуре общих расходов на здравоохранение составляла 45,2 %, а доля государства — только 21,2 %¹⁷.

В канун Праздника Весны 2009 г. правительство впервые прибегло к прямой раздаче денежных средств населению: среди 74 млн представителей беднейших слоев была распределена сумма в 9,5 млрд ю. Возрастут и прочие расходы на социальную сферу: на пресс-конференции в марте Вэнь Цзябао заявил об увеличении заработной платы 12 млн учителей, а также пенсий по старости¹⁸.

Официально объявленной целью правительства КНР является обеспечение в 2009 г. 8%-ного прироста ВВП. В начале года международные финансовые институты и инвестиционные компании предсказывали несколько меньший уровень роста: прогнозы колебались от 5,6 до 6,8 % роста ВВП в 2009 г. Но уже в апреле появились первые признаки оживления китайской экономики благодаря принятым правительством мерам и прогнозы стали пересматриваться. Например, Goldman Sachs, ожидавший 6 % роста ВВП Китая в 2009 г., в конце апреля пересмотрел прогноз до 8,3 %, т. е. выше целевого показателя китайского правительства. Barclays Capital увеличил прогноз с 6,7 до 7,2 %, UBS AG — с 6,5 до 7,5 %, Royal Bank of Scotland — с 5 до 7 %¹⁹.

О каких же оптимистических показателях идет речь? Хотя в первом квартале 2009 г. рост китайского ВВП составил всего лишь 6,1 %, однако инвестиции в основной капитал достигли 2,813 трлн ю., увеличившись по сравнению с первым кварталом 2008 г. на 28,8 %. В докризисном первом квартале 2008 г. рост составлял лишь 24,6 %. При этом иностранные инвестиции сократились на 5,6 млрд долл. — до 21,8 млрд. На фоне падения внешнеторгового оборота в первом квартале на 24,9 % оборот розничной торговли в самом Китае вырос на 14,7 %²⁰. Уско-

ренный рост инвестиций, очевидно, стал следствием усилий китайского правительства.

Другой признак оживления экономики КНР — начавшийся в первые месяцы 2009 г. кредитный бум. За квартал китайские банки выдали кредитов на 4,58 трлн ю., практически достигнув целевого показателя, установленного правительством на весь 2009 г. (5 трлн ю.). Это побудило китайское правительство задуматься о мерах борьбы с возможным перегревом кредитного рынка и приняться (в апреле) за подготовку ряда дополнительных шагов его госрегулирования²¹. И это происходит в тот момент, когда во всем остальном мире правительства заняты поиском путей оживления кредитования!

Китай и США

Реализуя антикризисную программу, КНР меняет сложившуюся за долгие годы структуру экономики, ослабляя экспортную зависимость и стимулируя внутренние источники роста. Наличие долгосрочных структурных изменений в экономике КНР признаются как западными, так и китайскими экономистами²². Если некоторые антикризисные меры китайского правительства имеют четкие временные рамки, например инвестпрограмма по вложению 4 трлн ю., то другие — бессрочны. Прежде всего речь идет о повышении пенсий, зарплат бюджетников, создании новой системы здравоохранения, изменении схемы взимания НДС. С учетом негативных тенденций во внешнем спросе на китайскую продукцию это означает неуклонное снижение доли экспорта в ВВП КНР в обозримом будущем. В 2007 г. доля экспорта составляла 42 % ВВП КНР, в 2008 г. — 32,5 %²³, сократившись под влиянием падения экспорта в IV квартале. Структурные изменения в американской экономике, в частности снижение потребительской активности домохозяйств — главных потребителей китайской экспортной продукции, будут означать, что влияние связей с США на показатели китайской экономики будет сокращаться еще быстрее.

Между тем на фоне острой фазы глобального кризиса ряд фундаментальных экономических противоречий между США и КНР, очевидно, отошли на второй план, но в перспективе неминуемо выйдут на поверхность. Прежде всего речь идет о проблеме манипулирования (по американской версии) КНР курсом своей национальной валюты по отношению к доллару. Китай пошел на частичную либерализацию своего валютного курса в 2005 г., к лету 2008 г. юань постепенно укрепился по отношению к доллару на 21 %. С американской точки зрения этого было совершенно недостаточно: по некоторым оценкам, даже в 2008 г. занижение курса юаня по отношению к доллару составляло 30—40 %, что, как предполагалось, было одной из основных причин дисбаланса в двусторонней торговле²⁴.

Проблема манипулирования китайцами курсом своей валюты нашла отражение в риторике президента США Б. Обамы и назначенного им министра финансов США Т. Гайтнера в первые дни и недели работы новой администрации, а также в ходе избирательной кампании Обамы в 2008 г. Непосредственно накануне инаугурации нового президента, 22 января 2009 г., Гайтнер, будучи кандидатом на пост министра финансов, заявил, что Китай манипулирует курсом юаня и президент Обама «будет добиваться от Китая позволить рыночным силам играть большую роль в определении курса его валюты»²⁵. Но уже в конце февраля—марте американская риторика по поводу недооцененности юаня прекратилась.

Со своей стороны китайцы, столкнувшись с гигантским ростом американского госдолга, вызванного антикризисными мерами старой и новой администраций, неоднократно выражали обеспокоенность судьбой своих международных резервов общим объемом 1,95 трлн долл., вложенных главным образом в долларовые активы. Наиболее красноречиво выразил эти опасения руководитель китайской комиссии по регулированию банков Ло Пин в интервью *Financial Times*. «Мы ненавидим вас, ребята, — заявил он. — Как только вы начинаете выпускать облигации на 1—2 трлн долларов, мы знаем, что доллар будет дешеветь, так что мы ненавидим вас, ребята, но ничего не можем поделать»²⁶. Корреспондент издания отнес своеобраз-

ную манеру китайского чиновника выражать свои мысли на счет недостаточного знания им английского языка. Однако в последующем подобную озабоченность китайские руководители выражали неоднократно, призывая США к проведению ответственной экономической политики, не наносящей ущерба китайским инвестициям. По данным Министерства финансов США, по состоянию на начало марта 2009 г. Китай имел американских казначейских облигаций на 744,2 млрд долл.²⁷

Китайская риторика в отношении безответственной экономической политики США пошла на спад с марта, одновременно с прекращением американской критики Китая за манипулирование курсом валюты. Реалистичным предположением является соглашение между США и Китаем, в рамках которого Вашингтон до поры до времени воздерживается от дальнейшего обсуждения темы манипулирования курсом юаня, а Пекин продолжает покупать американские казначейские облигации.

Тем не менее компромисс может носить лишь временный характер. КНР явно обозначила свое недовольство существующим мировым экономическим порядком. 23 марта 2009 г. председатель Банка Китая Чжоу Сяочуань опубликовал концепцию замены доллара как глобальной резервной валюты новыми «международными деньгами» на основе эмитируемых Международным валютным фондом SDR²⁸. Таким образом, он присоединился к идее о замене доллара как мировой резервной валюты, ранее выдвинутой Россией. КНР стремится по возможности дедолларизировать свою внешнюю торговлю, заключив с декабря 2008 по апрель 2009 г. серию соглашений о валютных свопах со своими торговыми партнерами, включая Аргентину, Белоруссию, Южную Корею, Малайзию, Индонезию. В общей сложности эти страны получили китайские кредиты в объеме 650 млрд ю., что позволяет им перейти на юани в оплате китайских товаров²⁹.

Наконец, КНР пытается диверсифицировать структуру своих международных резервов и ищет новые возможности для их инвестирования. Одним из очевидных вариантов вложения резервов является содействие китайским компаниям в приобретении сырьевых активов по всему миру. Свидетельством подобного подхода служит, в частности, предоставление «Роснефти» и

«Транснефти» 25 млрд долл. кредита под поставки нефти по нефтепроводу «Восточная Сибирь—Тихий Океан», а также объявленное в апреле приобретение за 5 млрд долл. 50%-ного пакета акций казахстанской нефтяной компании «Мангистаумунайгаз» (еще 5 млрд долл. Казахстан получил в качестве кредита)³⁰. Между тем активная скупка китайцами сырьевых активов, особенно в странах, проводящих независимую от США политику, остается поводом для политической озабоченности Вашингтона.

Выводы

Глобальный экономический кризис привел к быстрому сокращению оборота китайской внешней торговли, начиная с ноября 2008 г. Поскольку экономический кризис носит структурный характер и его долгосрочным последствием будет сокращение доли потребления в ВВП США, роль экспорта как важного мотора китайского экономического роста, вероятно, так и не будет восстановлена в обозримом будущем.

Сокращение удельного веса экспорта в китайском ВВП и удельного веса США в структуре китайского экспорта в долгосрочной перспективе приведет к ослаблению американско-китайской экономической взаимозависимости — главного стабилизирующего фактора в отношениях двух стран.

При этом в долгосрочной перспективе сохранятся и даже обострятся существующие американско-китайские противоречия. В их числе — недовольство США скупкой КНР сырьевых активов по всему миру, претензии к «манипуляциям» с курсом юаня, стремление Китая снизить долю американских казначейских облигаций в своих резервах.

Активное выступление Китая за введение новой мировой резервной валюты взамен доллара, попытки КНР дедолларизировать внешнюю торговлю за счет заключения соглашений о валютных свопах, а также действия Китая по изменению структуры его золотовалютных резервов уже сейчас обозначают эту тенденцию.

Таким образом, нет оснований говорить о предпосылках к образованию американо-китайского тандема, доминирующего в мировой экономике и политике. Напротив, экономический кризис создает условия для обострения противоречий между двумя великими державами уже в среднесрочной перспективе.

Примечания

¹ *Ghosh A., Chamon M., Crowe C., Kim Jun, Ostry J.* Coping with the Crisis: Policy Options for Emerging Market Countries. IMF staff position note. 23.04.2009. SPN/09/08

² *Gill Frank.* BRIC by name, BRIC by nature? Standard&Poor's, Ratings Direct. 04.02.2009.

³ Синьхуа. 10.11.2008.

⁴ Главное таможенное управление КНР. 10.04.2009. URL: www.customs.gov.cn/publish/portal0/tab1/info165097.htm

⁵ China Commerce Minister: US-China trade decline slows in April. Dow Jones. 27.04.2009.

⁶ База данных ВТО.

⁷ www.customs.gov.cn

⁸ См.: *Izzo Phil.* 'Correction not a Recovery' in Spending. The Wall Street Journal, Real Time Economics. 27.03.2009. URL: <http://blogs.wsj.com/economics/2009/03/27/economists-react-correction-not-a-recovery-in-spending/>

⁹ *Crutsinger Martin.* Americans saving more, spending less. 01.02.2009. AP.

¹⁰ China Quarterly Update. World Bank Office. Beijing. 2009. 03. URL: www.worldbank.org/china

¹¹ Там же.

¹² *Gill Frank.* BRIC by name...

¹³ IMF. International Financial Statistics.

¹⁴ Жэньминь жибао. 09.12.2008.

¹⁵ Синьхуа. 13.03.2009.

¹⁶ Жэньминь жибао. 28.02.2009.

¹⁷ Жэньминь жибао. 07.04.2009.

¹⁸ Синьхуа. 13.03.2009.

¹⁹ Bloomberg. 22.04.2009.

²⁰ Национальное бюро статистики КНР // Пресс-релиз от 16.04.2009. URL: www.stats.gov.cn

²¹ The Wall Street Journal. 21.04.2009.

²² Например, China Quarterly Update Всемирного банка и выступление профессора Пекинского университета Чжоу Цижэня на апрельской международной конференции в Высшей школе экономики в Москве.

²³ World Bank Database // IMF World Economic Outlook Database.

²⁴ См.: Stabenow, Bunning, Bayh Introduce Legislation Geared Toward Ending Currency Manipulation by China. 03.04.2008. URL: <http://stabenow.senate.gov/press/2008/040308Currency.htm>

²⁵ Reuters. 21.01.2009.

²⁶ The Financial Times. 12.02.2009. URL: http://www.ft.com/cms/s/0/a403d716-f8a6-11dd-aae8-000077b07658.html?nclick_check=1

²⁷ <http://www.treas.gov/tic/mfh.txt>

²⁸ Zhou Xiaochuan. Reform the international monetary system. URL: <http://www.pbc.gov.cn/english/detail.asp?col=6500&id=178>

²⁹ China Daily. 30.03.2009. URL: http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2009-03/30/content_7630532.htm

³⁰ Ведомости. 20.04.2009. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2009/04/20/191990>

*В. Л. Андрианов**

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ СОТРУДНИЧЕСТВА «РОССИЯ—КИТАЙ—АТР» В УСЛОВИЯХ МИРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Нынешний мировой экономический кризис знаменует собой конец современной системы мировых финансовых рынков, одним из сегментов которых является рынок «бумажной» нефти в его современном виде с многочисленными производными финансовыми инструментами. Поэтому необходимо обеспечить возможность устойчивой работы тех финансовых институтов, которые осуществляют инвестиции в ориентированный в будущее реальный сектор.

Россия объективно заинтересована в стабилизации топливно-сырьевого сектора мирового хозяйства, географической и товарной диверсификации своих поставок на внешний рынок. Заметим, что на сегодняшний день топливно-энергетический комплекс России находится в очень сложном положении, которое сказывается на возможностях реализации его экспортного потенциала. Внутреннее состояние этого стратегического сектора национальной экономики определяется следующим.

* Андрианов Виктор Львович, к. и. н., с. н. с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

Нефтегазодобывающий комплекс России по своему технологическому уровню существенно устарел. Практически уже не дают отдачи крупные капиталовложения, сделанные еще в советские времена. Для поддержания добычи нефти на уровне 300 млн т в год России необходимо задействовать примерно 100 тыс. скважин, в то время как в странах Ближнего Востока для этого достаточно эксплуатировать лишь 2 тыс. В нефтекомплексе РФ ежегодно выбывает из эксплуатации значительно больше скважин, чем вводится. Российские производители добывающего оборудования не в состоянии осуществлять его регулярные поставки, а импортные закупки слишком дороги. Приватизация в энергетическом комплексе кардинально изменила соотношение между государственным и частным секторами, что существенно ослабило потенциал добычи и экспорта энергоресурсов.

Если суммировать упомянутые факты, можно констатировать, что резервы производства и экспорта при нынешнем состоянии топливно-энергетического комплекса уже исчерпаны. Перед российским ТЭК стоят чрезвычайно трудные проблемы: поиск инвестиционных ресурсов для технологического обновления производства, укрупнение производственных объединений в условиях раздробленности нефтекомплекса. Кроме того, российский ТЭК, испытывающий внутренние трудности, столкнулся с еще одним негативным обстоятельством — ухудшением внешней конкурентной среды. Речь идет о появлении новых производителей из числа государств СНГ: Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркмения. Эти страны с их значительными запасами нефти и газа выпали из единого топливно-энергетического комплекса бывшего Советского Союза. Проводя независимую политику в области производства и экспорта, они объективно становятся (и уже стали) конкурентами России. Зачастую их действия затрагивают национальные экономические интересы российского нефтегазового комплекса. Говоря об иностранных инвестициях в нефтегазовый комплекс в страны бывшего СССР, можно отметить явное смещение интересов западного капитала, и прежде всего в пользу Азербайджана и Казахстана. При сохранении подобной тенденции данные государства будут, несомненно, опережать Россию в технологическом

обновлении добывающих отраслей. Говоря о конкурентной среде, следует упомянуть еще один негативный для России фактор — коммуникационный. В этой области наша страна сталкивается с проблемой реализации своего экспортного потенциала. В результате геополитических изменений был утерян контроль над 5 из 8 морских экспортных терминалов.

Анализ проблем российского ТЭК предполагает не только их пристальное изучение, но и разработку способов их решения: определение национальных экономических интересов на мировом рынке энергоносителей и постановка задач государственным и коммерческим структурам по обеспечению национальной экономической безопасности.

При формулировании стратегических интересов России на мировом рынке энергоресурсов целесообразно исходить из анализа глубинных процессов и тенденций развития рынка. К национальным интересам можно отнести сохранение позиций отечественных экспортеров, контроль над коммуникационными системами, завоевание новых ниш на рынке энергоресурсов и некоторые другие стратегические задачи. Без проработки этих проблем на самом высоком государственном уровне перспективная энергетическая политика страны может, как это бывало ранее, стать декларативной.

У России весьма ограниченные возможности наращивания экспорта в западноевропейские страны из-за низкого прироста в них энергопотребления. К тому же эти страны достаточно результативно проводят политику диверсификации источников ресурсов. Все это значительно обостряет конкурентную борьбу. Таким образом, для сохранения позиций российского нефтегазового комплекса в мире необходимо изучение возможностей энергетического экспорта в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Как справедливо отмечают эксперты, растущая конкурентоспособность Китая и Индии в сфере услуг и в промышленности уже предоставляет относительно не крупным странам, последовательно или вынужденно следующим принципам свободы торговли, дополнительные варианты выбора своего места в мировой экономике. Все более интенсивное сотрудничество между Востоком и Югом позволяет укреплять коллективные и индивидуаль-

ные переговорные позиции сторон. «Ресурсное проклятье России» в таком контексте смотрится как фактор взаимодополнения в продолжающейся индустриализации и модернизации Азии¹.

В региональном плане наиболее быстро спрос на нефть и газ растет в странах АТР, главным образом в Китае, Индии, Индонезии, на Филиппинах. Вместе с тем в глобальном масштабе остается лишь несколько крупных сырьевых баз углеводородов, за счет которых возможно удовлетворение в будущем мировых энергетических потребностей. Это политически нестабильные Ближний Восток и Африка, экономически и технологически труднодоступные и геологически слабо изученные шельфы арктических морей, а также север Западной Сибири (Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа) и территория Сибирской платформы (Иркутская область, объединенный Красноярский край, Республика Саха). Существуют также возможности значительного увеличения добычи нефти и газа на шельфе дальневосточных морей, в частности о-ва Сахалин. Из перспективных источников энергетического сырья к самым быстрорастущим и емким рынкам АТР, прежде всего к Китаю, наиболее приближены Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Дальний Восток.

При анализе возможностей энергетического экспорта из России в страны АТР следует учитывать три фактора: экономический потенциал стран — предполагаемых импортеров, наличие политических, экономических и военных союзов, энергетические потребности на региональном и даже глобальном уровнях. Специалисты считают, что в ближайшие десятилетия АТР будет вновь демонстрировать высокие темпы экономического роста, предпосылки которого определены ходом предыдущего развития региона. К тому же в АТР создана необходимая экономическая и организационная инфраструктура в форме экономических объединений.

Интересно, что до недавно разразившегося финансового кризиса в СМИ и специализированных изданиях часто можно было прочитать, что высокие цены на нефть и природный газ оказывают негативное воздействие на общее развитие экономик, особенно в развивающихся странах. После начала финан-

сового кризиса стали говорить, что дефицит ликвидности и сужение сферы кредитования замедлят экономический рост. Соответственно уменьшится спрос на энергию, в результате чего начнут падать цены на нефть и газ, и это приведет к свертыванию крупных инвестиционных проектов. Но посмотрим на статистические данные за 1990—2008 гг. Они недвусмысленно свидетельствуют, что в отличие от развитых индустриальных стран Запада и Японии рост ВВП в развивающихся странах существенно не снизился.

Таблица 1. Крупнейшие мировые обладатели валютных резервов по состоянию на 2008 г., млрд долл.

Страна	Резервы	Страна	Резервы
Китай	1244	Бразилия	123
Япония	740	Алжир	108
Россия	433	Республика Корея	107
Тайвань	275	Ливия	90
Кувейт	175	Норвегия	82
Индия	152	Сингапур	67

Источник. Business Week. October 13. 2008.

Из таблицы видно, что главные суммы резервов сосредоточены вовсе не в нефтеэкспортирующих странах: из 12 перечисленных государств в 7 либо нет нефти и природного газа вообще (Япония, Тайвань, Республика Корея и Сингапур), либо есть, но недостаточно, чтобы обойтись без их импорта (Китай, Индия, Бразилия). На всю эту семерку приходится львиная доля валютных резервов — более 2,5 трлн долл.

В целом многие из азиатских стран прошли через опыт азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг. и извлекли из него уроки. У них уже нет иллюзий относительно намерений стран Запада и международных финансовых организаций. Руководство и крупные корпорации азиатских стран проводят осто-

рожную консервативную политику в отношении финансовых займов, избегая накапливания больших долгов. Для крупных государств АТР характерна более слабая зависимость от экспорта в США и ЕС (в отличие от небольших стран с экспортно ориентированной экономикой) и больший акцент на внутреннее потребление. Поэтому-то многие эксперты сегодня сходятся во мнении, что большие страны, особенно государства БРИК, легче перенесут последствия мирового финансового кризиса, охватившего прежде всего США и ЕС. Многим из них грозит не рецессия, а лишь некоторое замедление экономического роста. Отсюда следует главное: в АТР существуют и будут существовать довольно значительные потребности в энергоносителях, прежде всего у таких стран, как Китай, Япония, Республика Корея, Тайвань.

Страны АТР ведут поиск альтернативных углеводородам источников энергетического сырья. Одним из поставщиков такого сырья может стать Россия. Налицо совпадение интересов стран-потребителей региона и российского ТЭК. Важной статьей экспорта РФ на восточном направлении может стать сжиженный природный газ. В ближайшей перспективе российский дальневосточный газовый рынок будет оперировать в основном со сжиженным газом. Так что для российско-азиатских проектов не потребуются создавать дорогостоящую инфраструктуру экспорта топлива.

В июне 2002 г. Правительство РФ утвердило Стратегию экономического развития Сибири. В документе подчеркнута «необходимость создания новых центров добычи нефти и газа в Восточной Сибири». Особое внимание уделено развитию транспортных коммуникаций: «Сооружение магистральных нефте- и газопроводов «Запад—Восток» экспортного направления будет способствовать развитию топливно-энергетического комплекса в Восточно-Сибирском регионе и на Дальнем Востоке, позволит решить важнейшие стратегические задачи, связанные с выходом на перспективный рынок стран Азиатско-Тихоокеанского региона»².

В августе 2003 г. Правительство РФ утвердило Энергетическую стратегию России до 2020 г., предусматривающую повы-

шение роли восточных районов в нефтяной и газовой промышленности России, диверсификацию экспорта с выходом на рынок Азиатско-Тихоокеанского региона. Предполагается, что основой формирования новых крупных центров нефтяной и газовой промышленности на востоке страны для обеспечения внутренних потребностей этих регионов и организации долгосрочных поставок нефти и газа в АТР, в частности в Китай, будут месторождения Западной Сибири, Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия). На базе месторождений шельфа о. Сахалин будет сформирована еще одна крупная система нефтегазообеспечения, в основном экспортной ориентации. В перспективе крупнейшим источником экспорта нефти из России в Китай и другие страны АТР станут Восточная Сибирь и Дальний Восток. Нефть рассматриваемых регионов — преимущественно легких и низкосернистых сортов, с плотностью менее $0,87 \text{ г/см}^3$ и содержанием серы менее $0,5 \%$ — отличается высоким качеством, превосходящим по основным параметрам российский экспортный стандарт Urals³.

Ориентация на рынок АТР и главным образом Китая позволит России решить ряд насущных задач: обеспечить газификацию восточных районов страны и использовать внутреннюю систему газопроводов для экспорта энергоносителей. Выигрышным моментом является желание и возможность азиатских потребителей вложить крупные средства в нефтегазовую инфраструктуру: в геологические исследования, освоение месторождений, промышленную добычу, транспортировку и создание терминалов по сжижению газа. Существует даже мнение, что освоение ресурсного потенциала российского шельфа, Восточной Сибири и Дальнего Востока может сыграть такую же роль в обеспечении научно-технического и технологического рывка и в повышении конкурентоспособности страны по многим сопряженным направлениям, которую в свое время сыграли в США программы автомобилизации (1920—1930-е годы), строительство дорог (новый курс Рузвельта 1930-х годов), Манхэттенский (1940-е годы) и Лунный (1960-е годы) проекты, и стать примером производительного использования финансово-инвестиционных ресурсов по перспективным инновационным направле-

ниям российского ТЭК⁴. Эту задачу легче начинать решать, когда цены на нефть высоки. Но необходимо ее решать и тогда, когда (и если) нефтяные цены колеблются вблизи сегодняшних своих значений.

На ближайшую перспективу актуальна интенсификация сотрудничества России, Китая и Индии не только в области энергетики, но и в финансовой сфере. Стабилизационные соглашения между центральными банками трех стран могут позволить уменьшить необходимый объем резервов в «твердой» валюте, задействовать имеющиеся излишки на нужды реальной экономики, инфраструктуры и на антиинфляционные схемы.

Россия принимает непосредственное участие в дискуссиях и подготовке решений по реформированию международной валютно-финансовой архитектуры. До последнего времени ее предложения в международных финансовых институтах, включая МВФ и ВБ, сводились в основном к тому, чтобы обеспечить совместные действия ООН и Бреттон-Вудских организаций путем разработки общей антикризисной программы действий; преобразования существующих финансовых институтов в более эффективный инструмент с целью консолидации глобальной финансовой системы; регулирования финансовых потоков; реализации превентивных антикризисных мер посредством введения международных правил и стандартов поведения «игроков» на финансовых рынках и др.

Вместе с тем, исходя из стратегических интересов России, ее представителям, по нашему мнению, следовало бы расширить диапазон влияния на процесс реформирования. При этом необходимо учитывать, что национальные интересы России при формировании рыночной экономики и развитии финансово-хозяйственных связей с зарубежными странами не всегда совпадают с рекомендациями МВФ, более того, рекомендации, как показала практика, во многом ограничивают возможности независимого хозяйственного развития страны, гибких маневров, корректировки ее внутренней и внешней политики в процессе осуществления экономических реформ, а подчас и приводят к негативным результатам, как это было, например, во время финансового кризиса августа 1998 г.

В связи с этим немаловажное значение имеет поддержка Россией формирования и развития региональных валютных систем в целом и активизация усилий по снижению роли доллара в мировой валютной системе. Это диктуется политическими и экономическими интересами России и тем, что в настоящее время и в обозримой перспективе единая мировая наднациональная валюта вряд ли появится.

Премьер-министр России В.Путин предложил китайским партнерам отказаться от доллара во взаимной торговле. «Сейчас весь мир, и мы это хорошо знаем, основанный на долларе, переживает серьезные проблемы, серьезный сбой. Считаю, что в этих условиях нам следует подумать о совершенствовании системы платежей во взаимной торговле. В том числе за счет согласованного движения к более широкому использованию национальных валют», — подчеркнул Владимир Путин на встрече с главой правительства Китая Вэнь Цзябао в октябре 2008 г.⁵ Предложение о создании мультивалютной системы звучит вполне убедительно, если учесть, что Россия и Китай входят в тройку стран с самыми большими золотовалютными резервами. Предполагается, что товарооборот между нашими странами к 2010 г. достигнет 60 млрд долл. Кроме того, при расчетах в одной валюте можно сразу увидеть доходность своей сделки вплоть до копейки, а не по факту, как при расчетах в долларах. Для участников экспорно-импортной операции наличие экономия на конверсии и в результате — удешевление конечной стоимости контракта. Также появляется возможность минимизировать курсовые риски. Например, если контракт на длительные поставки заключен в долларах США, то российский импортер может потерять значительную часть дохода в связи с резким падением курса этой валюты.

Заметим, что для России и Китая, двух крупнейших акторов международных отношений, идея расчетов в одной валюте не нова и давно уже переведена в практическую плоскость, пусть и на трансграничном уровне. Это стало возможным после вступления в силу 1 января 2005 г. соглашения между Центральным банком РФ и Народным банком Китая о межбанковских расчетах в торговле на приграничных территориях. Согласно этому

документу расчеты в рублях и юанях с начала 2005 г. могут осуществляться кредитными организациями и их подразделениями, находящимися на территории приграничных районов РФ и КНР. С российской стороны, помимо Приморского края, действие соглашения распространяется на Хабаровский край, Амурскую, Читинскую и Еврейскую автономную области, а также Республику Алтай. В Китае — на крайне популярную среди российских предпринимателей провинцию Хэйлунцзян, Автономный район Внутренняя Монголия, Синьцзян-Уйгурский автономный район и провинцию Цзилинь.

Во время российско-китайских переговоров в октябре 2008 г. все же был назван один из возможных механизмов перевода двусторонней торговли на рубли. Так, заместитель начальника правового управления Федеральной службы по финансовым рынкам (ФСФР) Ф. Малышев на российско-китайском экономическом форуме предложил «вести двойной листинг, что позволит определенным компаниям торговаться как в Москве, так и на Шанхайской фондовой бирже»⁶. Теоретически это позволит использовать рубль в качестве расчетной валюты при игре на бирже. Кроме того, он предложил рассмотреть варианты партнерства между товарно-сырьевыми биржами России и Китая, прежде всего с Санкт-Петербургской международной товарно-сырьевой биржей, где уже прошли первые пробные торги нефтепродуктами за рубли.

По-нашему мнению, введение конвертируемого рубля возможно только за счет перевода российского экспорта сырья, в частности энергоносителей, в страны АТР, на оплату в рублях, и важным шагом на пути к этому является создание биржи по продаже нефти.

Примечания

¹ Салицкий А. И., Фесюков В. И. Геоэкономические параметры энергетических рынков Северо-Восточной Азии // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под ред. А. В. Торкунова и А. Д. Воскресенского. М., 2007. С. 151.

² Цит. по: URL: <http://www.nsc.ru/НВС/hbc.phtml?12+416+1>

³ <http://www.sbras.ru/НВС/article.phtml?nid=416&id=12>

⁴ *Конопляник А.* Кто определяет цену нефти // Нефть России. 2009. № 4. С. 11.

⁵ Цит. по: URL: <http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?id=831857&ct=news>

⁶ Коммерсантъ. 29.10.2008.

*В. И. Балакин**

КНР И США: ОТ УГАСАЮЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ К МНОГОПРОФИЛЬНОМУ ИНВЕСТИЦИОННОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ

Системный финансовый кризис 1997—1998 гг. в Азии заставил КНР и США несколько приглушить риторику политической конфронтации и всерьез заняться оптимизацией системы долгосрочного инвестиционного сотрудничества. Тем не менее Китай явно намеренно бросил вызов США, подчеркнув свой безусловный суверенитет в вопросе о применении ко всем американским капиталовложениям в китайскую экономику национального законодательства и собственного судопроизводства. В реальности проблема азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг. в китайско-американских отношениях представляла собой гораздо более глубокое явление, чем это выглядело на поверхности, и была связана со стремлением Пекина продемонстрировать преимущества своей модели развития, а также подчеркнуть, что американская модель управления финансами с ее острейшими противоречиями не может служить образцом для Азии. Противодействие со стороны КНР попыткам США навязать собственную парадигму экономической гло-

* Балакин Вячеслав Иванович, к. ю. н., в. н. с. Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

бализации представляло собой часть более широкой программы китайского руководства, имевшей своей основной целью доказать специфику долгосрочных цивилизационных целей Китая, основанных на традиционных принципах и являющихся более органичным мировоззренческим фундаментом для восточноазиатского способа производства, чем принципы индивидуальной свободы предпринимательства. Эта позиция КНР к началу XXI в. приобрела заметное число сторонников среди государств Восточной Азии, включая АСЕАН, Республику Корея и даже, в определенной мере, Японию.

Со стороны США была предпринята попытка применить к Китаю торговые санкции с целью заставить его соблюдать права человека, однако в Восточно-Азиатском регионе Вашингтон почти не нашел поддержки в этом вопросе. Американской администрации пришлось в конце концов отказаться от намерения лишить КНР статуса «наиболее благоприятствуемой нации» в ее экономических отношениях с США. На практике изначальная несовместимость китайских традиций и американской трактовки демократии особенно ярко проявилась именно в период азиатского финансового кризиса. В Восточной Азии постарались выработать собственную, принципиально отличную модель политико-экономического устройства, и в ее рамках продолжают развивать инвестиционное взаимодействие с США. Как подчеркнул во время своего визита в КНР в марте 2007 г. тогдашний министр финансов США Г. Полсон, «...экономический рост Китая, низкий уровень инфляции китайской экономики и высокий уровень ликвидности финансовых активов сделали отношения между США и КНР более критически важными, чем когда бы то ни было...»¹.

Разрабатывая модель будущего инвестиционного сотрудничества с США, китайское правительство прежде всего пытается сосредоточиться на скрупулезном подборе объектов для капиталовложений в самих Соединенных Штатах. Как правило, китайская корпорация в качестве потенциального инвестора подписывает с интересующим ее американским поставщиком контракт на закупку пробной партии товара, одновременно оговаривая возможность последующего открытия его производ-

ства на территории Китая. Среди американских предприятий для инвестиционного взаимодействия с КНР выбираются прежде всего те, которые производят продукцию, необходимую для стратегических отраслей китайской экономики, а также те, которые в своем развитии переросли масштабы внутреннего рынка США и нуждаются в диверсификации производства и сбыта на международном уровне. Во все свои импортные контракты китайская сторона стремится включить положения о предоставлении поставщиком оплачиваемых услуг по продолжительному обучению китайских стажеров — технических специалистов, которые смогли бы в случае открытия американского предприятия в КНР сразу приступить к работе. Среди множества американских корпораций, интересующих Китай в инвестиционном плане, сегодня можно выделить предприятия, занятые в сфере точного машиностроения, транспорта и энергетики, а также в нефтехимии.

В период 1998—2008 гг. китайское правительство проводило целенаправленную политику по увеличению объемов иностранных инвестиций в китайскую экономику и добилось здесь заметных результатов, в основном за счет привлечения прямых капиталовложений в базовые отрасли своего народного хозяйства. Например, только в 2005 г. сумма американских капиталовложений в китайскую экономику превысила цифру в 7 млрд долл.² Соответственно росли и многообразные китайские капиталовложения на американском рынке, преимущественно в форме прямых инвестиций, достигнувшие на конец 2006 г. отметки в 3 млрд долл. К настоящему моменту американский рынок является наиболее привлекательным для инвестиционной экспансии КНР. Известные китайские корпорации, такие, как Haier, Huawei, Cosco, CNPC, Lenovo и др., добились на американской почве заметных успехов и стали необходимым фактором социально-экономического развития США в целом и важным условием обеспечения занятости во многих штатах.

Несмотря на то что Китай продолжает оставаться развивающейся страной, в обозримой перспективе он вполне может рассчитывать на достойное место в качестве стратегического инвестора на емком американском рынке. Китайские предприятия

стремительно набираются опыта и постепенно начинают достаточно умело ориентироваться во многих хитросплетениях инвестиционного бизнеса в такой развитой экономике, какой обладают США. Но китайским корпорациям еще неизбежно придется учиться вести дела на современном уровне в американской хозяйственной среде, равняясь на самые успешные образцы управленческого поведения крупных западных корпораций. Однако уже сегодня многие ведущие американские эксперты отмечают наличие весьма заметных признаков того, что все инвесторы из КНР последовательно внедряют в свою деятельность традиционно китайские методы и ищут пути к формированию транснациональных холдингов через интеграционные схемы, использующие возможности местных зарубежных китайских общин. Подобная «заточенность» на реальный результат ведет кроме всего прочего и к последовательному усилению серьезных лоббистских возможностей в различных слоях политического истеблишмента США, что очевидно прослеживалось в течение всего последнего десятилетия.

Рост совокупной государственной мощи Китая вызывает в американском правящем классе двойственную реакцию. В целом преобладает прагматический подход, связанный с осознанием выигрышности для США инвестиционной открытости КНР, особенно если она касается либерализации внутреннего китайского рынка. Отличной, но не противоположной является точка зрения, сторонники которой считают современный Китай одним из ведущих глобальных «центров силы», опирающимся на американскую инвестиционную поддержку и решающим общие с США проблемы региональной безопасности в Восточной Азии. Многие международные эксперты отмечают сближение этих двух точек зрения в вопросе о необходимости мирного политического решения тайваньской проблемы. Этому немало содействует расширяющееся инвестиционное сотрудничество на рынке США китайских и тайваньских инвестиционных фондов, проявляющих активность в рамках совместных проектов, в том числе по осуществлению прямых капиталовложений в инфраструктурные отрасли экономики КНР³.

В то же время КНР и США (Китай — крупнейшая мировая развивающаяся, а США — развитая держава), естественно, значительно разнятся по уровню экономического роста и темпам формирования хозяйственной инфраструктуры. Как свидетельствует история мировой экономики, тесное взаимодействие подобных разновеликих инфраструктур, как правило, приносит солидные выгоды для обеих сторон в результате опоры на так называемый эффект взаимодополняемости. По мнению американских экспертов, стратегический диалог между США и КНР, помимо обеспечения выгод обоюдной торговли, способен положительно сказаться на росте как американского, так и китайского финансового рынка. В сегодняшние нестабильные времена Америку привлекает в Китае прежде всего устойчивый экономический рост, низкий уровень инфляции и высокий уровень ликвидности используемых на китайском рынке финансовых инструментов. Чем динамичнее развивается Китай, тем более важными становятся для администрации США стабильные отношения с Пекином. Более полная интеграция КНР в глобальную экономику является для Вашингтона знаковой задачей во всех стратегических изысканиях, нацеленных на прогнозирование и предотвращение реальных угроз, с которыми США могут столкнуться в обозримой перспективе. Постепенный переход Китая от плановой экономики к экономике свободного рынка не удовлетворяет американскую сторону именно своей «плавностью». В условиях мировых экономических потрясений Китай по-прежнему представляет собой мощную хозяйственную систему, практически полностью сфокусированную на реальном производстве. В этом смысле США уже не могут не признавать за КНР статус реального глобального экономического лидера, от которого во многом зависит их собственный экономический рост. В связи с этим в Вашингтоне полагают, что любая американская администрация должна использовать все имеющиеся возможности, чтобы добиться от Пекина принятия на себя ответственности за сохранение сложившегося миропорядка именно в том виде, как его представляют на Западе⁴.

По мнению многих международных экспертов, решить эту задачу трудно или почти невозможно, поскольку ее решение обу-

словлено успехом понуждения Китая к определенной сдержанности в ускорении его модернизационных реформ. Эта сдержанность связана прежде всего с уменьшением appetitов страны в потреблении энергоносителей, а также с переосмыслением парадигмы экономического роста в сторону большей дружелюбности к окружающей среде. В правящих кругах США происходит постепенное осознание того факта, что в вопросе об общей выживаемости планеты до конца XXI в. весомость американского фактора может оказаться практически в полной зависимости от вектора развития китайской экономики. Министр финансов США Г. Полсон во время визита в КНР в марте 2007 г. заявил: «Поскольку экономические отношения между нашими двумя странами являются критически важными, я постоянно занимаюсь ими с самого первого дня своего назначения на нынешний пост». По словам высокопоставленного чиновника администрации президента Дж. Буша, формат американо-китайского стратегического диалога в сфере экономики определен на самом высоком уровне, и это означает не что иное, как попытку эффективно управлять всем комплексом двусторонних отношений в режиме реального времени.

И КНР, и США, судя по всему, достаточно ясно осознают взаимную ответственность в свете нынешнего разрастающегося глобального финансового кризиса, в котором уже поставлены под вопрос не только высокий уровень жизни в США, но и некоторые намечавшиеся ранее амбициозные социально-экономические реформы самого Китая.

Перед лицом общей опасности Пекин и Вашингтон вынуждены отодвинуть на задний план любые проявления политической конфронтации и сегодня отдают приоритет гармонизации прежде всего двусторонних экономических отношений, включая формирование более благоприятных условий для тесного многопрофильного инвестиционного сотрудничества. По мнению представителей новой американской администрации, складывающуюся неблагоприятную ситуацию в экономике США мог бы оздоровить существенный прогресс на американо-китайских переговорах по фундаментальным проблемам долгосрочного инвестиционного взаимодействия в сфере крупных

инфраструктурных проектов на северо-востоке и западе КНР. Несмотря на временные затруднения, обусловленные обострением финансовых проблем из-за неустойчивости доллара, КНР и США скорее всего и впредь будут последовательно содействовать взаимному открытию своих рынков для массивов капиталовложений, в первую очередь связанных с использованием высоких технологий. Последнее не может происходить вне процессов глобализации мировой экономики, особенно тех, которые идут в рамках новых тенденций на финансовых рынках, потерявших устойчивость из-за фактического развала послевоенной Бреттон-Вудской системы⁵. Дело в том, что доллар США как основная мировая резервная валюта, по оценке ряда авторитетных международных экспертов, в ближайшее время может оказаться невостребованным на региональном уровне. Признаки этого уже вполне отчетливо наблюдаются на рынках Восточной Азии, где Китай последовательно ведет дело к тому, чтобы гарантировать некую финансовую стабильность за счет сознательно формируемого и прогнозируемого среднесрочного курса юаня.

В инвестиционном взаимодействии с США правительство КНР четко ориентируется прежде всего на расширение прямых капиталовложений китайских корпораций в высокотехнологичные предприятия, действующие на американском рынке. Идея массивованного импорта высокотехнологичной продукции, произведенной на китайских предприятиях в Америке, настойчиво пробивает себе дорогу среди ведущих китайских предпринимателей. Более того, осознанно выстраивается новая сбалансированная модель китайско-американского делового сотрудничества, когда львиную долю прямых инвестиций собственно в Китай будут составлять китайские же инвестиции из США. Вряд ли стоит сомневаться в реальной возможности развития подобного варианта событий, тем более что китайско-американское инвестиционное взаимодействие имеет все признаки практически полного экономического взаимопонимания между Пекином и Вашингтоном, даже несмотря на отдельные политические нестыковки. Как постоянно подчеркивается на самом высоком уровне, «...разногласия между двумя странами касают-

ся прежде всего не направлений двустороннего инвестиционного сотрудничества, а его темпов...»⁶.

В последние десять лет, в значительной мере благодаря хозяйственному взаимодействию, КНР и США демонстрировали устойчивые темпы экономического роста. В новой администрации США полагают, что перспективное развитие американской экономики во многом будет зависеть от ее надежной сочетаемости с модернизирующимся китайским рынком, постепенно становящимся главным фактором поддержания жизнеспособности доллара в качестве одной из резервных валют. Последовательное накопление Китаем собственных запасов нефти в значительной степени позволяет поддерживать оборачиваемость американской валюты и по сути дела стимулировать страны — производители углеводородного сырья сохранять доллар в качестве платежного средства.

Однако начавшийся в августе-сентябре 2008 г. финансовый кризис несколько сместил прежние акценты в китайско-американском инвестиционном взаимодействии. Китайские высокотехнологичные корпорации сразу попытались воспользоваться непростой ситуацией для приобретения подешевевших активов на американском рынке. В частности, особое внимание многих фирм из КНР привлекла известная Силиконовая долина. Практически все крупнейшие китайские государственные корпорации сегодня стремятся открыть там исследовательские центры, с тем чтобы надолго закрепиться на американском рынке. Такая линия заметно отличается от модели сотрудничества Китая в сфере высоких технологий с Японией и Евросоюзом, поскольку и японцы, и европейцы предпочитают открывать собственные исследовательские институты в КНР, что позволяет достаточно эффективно контролировать передачу ноу-хау китайским партнерам⁷.

Жесткий финансовый кризис вынуждает американский бизнес ради сохранения его устойчивости идти практически на все условия китайских корпораций. Множатся случаи покупки китайцами серьезных американских активов в третьих странах. Последним примером такой крупной сделки стало приобретение крупнейшим китайским сотовым оператором China Mobile

американской доли в уставном капитале ведущего пакистанского оператора сотовой связи Paktel. Подобные сделки свидетельствуют о том, что правительство КНР значительно лучше других подготовилось к мировому финансовому кризису и со всей очевидностью попытается максимально воспользоваться ослаблением американских позиций на мировой арене. В то же время, приобретая высокие технологии в США, ведущие китайские корпорации, находящиеся под контролем государства, откровенно встали на путь последовательного структурирования внутреннего рынка КНР, стараясь вытеснить из национального экономического пространства любых сопротивляющихся высокотехнологичному сотрудничеству иностранных конкурентов.

Нынешняя угасающая политическая конфронтация между Китаем и США в усугубляющихся кризисных условиях позволяет китайскому руководству значительно более уверенно проводить курс на повышение роли КНР в процессе выработки будущей финансовой архитектуры современного мира. По китайским оценкам, 2008 г. стал для Азии временем избавления от иллюзий. В реальности Азия находится пока лишь в преддверии экономического кризиса, уже охватившего США и Европу. В Пекине полагают, что азиатские страны имеют все шансы преодолеть надвигающиеся экономические проблемы, но для этого необходимо не допустить спада производства и не позволить корпоративному сектору сворачивать программы развития. Как бы там ни было, а уже в 2010 г. всем азиатским государствам предстоит задуматься о том, как превратить Азию в самостоятельный полноценный центр экономического роста, способный уравнивать любые финансовые катаклизмы, происходящие на Западе⁸.

Примечания

¹ Nihon Keizai Shinbun. 31.03.2007.

² *Lardy, Nicolas R. Integrating China into the Global Economy. New York, 2005. P. 25.*

³ *Lardy, Nicolas R.* The Economic Future of China // Houston Times. 29.04.2002.

⁴ *Wang Shao Pu.* Nittyu kankei [Японо-китайские отношения] // Shanghai nihon gakukai. Shanghai. 28.04.2003. P. 3.

⁵ Taiwan Journal. 03.12.2004. P. 5.

⁶ *Cheng Y.R., Xiao Geng.* Global Capital Flows and the Position of China: Structural and Institutional Factors and Their Implications. Asian Development Bank Inst. 2002. P. 75.

⁷ *Freeman, Christopher.* The Economics and Industrial Innovation. New Edition. London, 2008. P. 41.

⁸ Journal of Economic Perspectives. Singapore. 26.02.2009.

*С. О. Беляев**

КИТАЙСКО-ЯПОНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО ЗА РОССИЙСКИЙ РЫНОК В ПЕРИОД ПОСЛЕ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА 1997—1998 гг.

Финансовый кризис 1997—1998 гг. сделал еще более очевидным соперничество между Китаем и Японией за лидерство в Восточно-Азиатском регионе. Прошедшие десять лет продемонстрировали, что обострившееся китайско-японское соперничество распространилось практически на все сферы международных отношений в Восточной Азии. Конкурентная борьба двух стран довольно явно проявилась и на российском рынке, который постепенно начинает занимать в международных планах китайского и японского правительств все более важное место. Во многом это связано с растущей зависимостью экономик обеих стран от сырьевого импорта из РФ. Как Китай, так и Япония в настоящее время нацелены на быстрое преодоление углубляющегося мирового финансового кризиса и рассчитывают на инвестиционное взаимодействие с Россией в сфере реального производства, что представляется правительствам обоих государств эффективной альтернативой усилиям, нацеленным, например, на спасение экономики США и носящим главным образом «виртуальный» характер.

* Беляев Сергей Олегович, аспирант Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

И в Пекине, и в Токио свидетельствуют, что, обладая огромными возможностями по достижению устойчивых лидирующих позиций практически по всем критериям конкурентоспособности, Россия заметно отстает по общей конкурентоспособности не только от США и ЕС, но и от государств, входящих вместе с нею в так называемую группу БРИК («Бразилия—Россия—Индия—Китай»). Самым тревожным является то, что у России за последние годы абсолютно не просматривается столь необходимого интенсивного системного движения в направлении достижения мирового уровня общей конкурентоспособности. Например, представители практически всех китайских и японских транспортных компаний в один голос признают наличие у нашей страны уникального стратегического транзитного потенциала на просторах Евразии и утверждают, что даже на одной логистике, при условии обеспечения нормальной инфраструктуры, Россия могла бы получать огромные деньги за счет международных интермодальных железнодорожных, морских, воздушных и автомобильных перевозок. Объективной реальностью является то, что российская территория соединяет Евросоюз, актуальный центр экономической мощи, и динамично развивающиеся экономики Восточной Азии. В реальности существуют серьезные предпосылки для того, чтобы Россия заняла ведущие позиции в сфере контроля над региональными коммуникациями¹.

Общезвестно, что в период кризисов наиболее эффективными считаются инвестиции в инфраструктуру. Тот же Евросоюз по территории уступает России, но общая протяженность его железных дорог в 3,5 раза превышает российскую. Аналогичная ситуация наблюдается и с потенциалом авиасообщения, не говоря уже об автомобильных дорогах, плотность которых, например, в России, на порядок меньше, чем в Китае, Индии или Бразилии. В быстро развивающихся государствах Азии, и прежде всего в КНР, ежегодный объем капиталовложений в инфраструктуру несколько лет подряд превышал 8 % ВВП, а в России пока еще только планируется увеличить инвестиции в инфраструктуру с 3,5 % ВВП в 2007 г. до 4,5 %, и то в 2015 г.² Нарастающий кризис должен побудить Российскую Федерацию к бо-

лее активным действиям в отладке инфраструктурных отраслей национальной экономики, поскольку такой подход позволит принципиально решить два неотложных вопроса, а именно: сохранить и даже увеличить занятость трудоспособного населения, а также последовательно превратить Россию в инвестиционно привлекательный емкий рынок, что сможет стать решающим геополитическим преимуществом нашего государства на старте будущего цикла развития глобальной экономики.

И Китай, и Япония уже сегодня задумываются о том, каким будет мир после завершения нынешнего кризиса. Реально оценивая ситуацию, китайское и японское правительства на экспертном уровне признают, что Россия располагает на текущий момент наилучшими в мире позициями по обладанию так называемыми *критическими технологиями*, что само по себе является серьезным индикатором уровня реального контроля над развитием фундаментальных знаний и высоких технологий. По данным международных экспертов, Россия представляет собой единственную страну, контролирующую практически все критические для современной экономики технологии³. Всего названных технологий 34, и их наличие является ключевым условием и предпосылкой для того, чтобы не проиграть инновационную гонку. Смысл контроля уровня инновационного развития состоит в обеспечении внедрения новых знаний и технологий, что в сочетании с хорошими материальными активами делает национальную экономику государства практически несокрушимой.

Продолжающийся экономический кризис тем не менее стимулирует правительства Китая и Японии к поиску внешних возможностей по расширению внутреннего производства. Америка, судя по некоторым сигналам из кругов крупного китайского и японского бизнеса, уже не рассматривается в качестве конкурентоспособного мирового лидера, и сегодня считается малоуместным говорить о приоритетности американского рынка и о доминирующей роли США в мировой экономике. Одним из сигналов снижения конкурентоспособности американской экономики признается уменьшение доли высокотехнологичных товаров в экспорте США на фоне роста этого показателя в таких странах, как те же Китай, Индия или Брази-

лия. Заметно повышается уровень территориальной концентрации китайских и японских активов в регионах России, а также в целом на просторах СНГ. Со всей очевидностью можно утверждать, что многие западные бренды так и не состоялись на постсоветском пространстве, прежде всего в силу финансовых трудностей, вызванных желанием начать получать прибыль, не прилагая достаточных усилий к выстраиванию долгосрочной системы собственного бизнеса.

Многие специалисты обуславливают реальные перспективы завершения мирового финансового кризиса в Восточной Азии абсолютным лидерством данного региона в такой важной сфере, как эффективное управление современными производственными процессами. Действующая восточноазиатская инновационная модель демонстрирует сегодня свой возросший потенциал прежде всего за счет использования так называемых государственно-частных партнерств, которые почти не пострадали в ходе мировых экономических перипетий. Вполне вероятно, что именно Восточная Азия станет первым регионом мира, который начнет выходить из кризиса, сделав ставку на прямую государственную поддержку своих рыночных механизмов. Это уже фактически делает японское правительство, в обход Всемирной торговой организации (ВТО) финансово и политически поддерживая национальных производителей путем непосредственного снижения ранее согласованных импортных пошлин на новейшее высокотехнологичное оборудование, не производимое в Японии⁴. Китай также стремится преодолеть кризисные явления, отдавая приоритет государственной поддержке наиболее успешных экспортеров, прежде всего тех, кто продолжает удерживать существенные доли рынков в ведущих постиндустриальных странах.

Привлекает внимание складывающаяся диалектическая логика китайско-японского соперничества за российский рынок в посткризисный период. Среди международных экспертов сегодня признается тот факт, что у России есть реальные возможности сделать миру коммерческие предложения исключительной потребительской ценности. При этом соответствующие товары могут быть из разряда вполне традиционных, к которым

российские потребители уже давно привыкли, но которые в обозримой перспективе станут критически важными для таких емких рынков, как китайский и японский. Абсолютно ясно, что только Россия впредь способна в больших количествах производить качественные натуральные продукты питания, поскольку именно на РФ приходится 40 % мировых черноземов, а также значительные запасы чистой пресной воды. Такие позиции, как зерно твердых сортов, сливочное масло и ряд других, уже обеспечивали экспортную мощь России в начале XX в.

Выбирая модель посткризисного развития, Россия должна будет координировать деятельность со своими основными международными стратегическими партнерами. Выбор во многом будет зависеть от специфики идеи экономического устройства страны, которая смогла бы в полной мере гарантировать сохранение традиционного Российского государства. Отдельные международные эксперты полагают, что России следует стремиться стать лидером по контролю знаний и технологий, как Америка, или по контролю культурного пространства, как Европа, или же для России окажется достаточным контролировать евразийские коммуникации, т. е. использовать свое уникальное транзитное положение. Выбор может быть разным, но он должен вести исключительно к повышению общей конкурентоспособности российской экономики. Именно от этого будет зависеть и потенциал российского рынка в посткризисный период, и степень его привлекательности для деловых кругов Китая и Японии.

Потенциал российского рынка должен быть сформирован так, чтобы все критерии его конкурентоспособности оказались тесно взаимосвязанными, а значит, следование одному критерию могло бы поддерживаться следованием другому. Иными словами, синергетический инновационный потенциал России должен основываться на широком предложении интеллектуальных продуктов с ярко выраженной потребительской пользой. В Китае и Японии осознают, что для того, чтобы войти на российский рынок и укрепиться там, необходимо иметь мощный «портфель» воистину ценных с потребительской точки зрения товаров, адекватно приспособленных к традиционным требова-

ниям данного рынка, что не так просто, поскольку самый емкий в мире рынок США, на котором привыкли работать китайские и японские корпорации, держится в основном за счет ослабевающего потребления высокотехнологичных товаров со всего мира, не имеющих, однако, высокой интеллектуальной составляющей⁵. Выработывая собственную общую стратегию в отношении посткризисного российского рынка, китайские и японские корпорации стараются руководствоваться следующей устоявшейся концепцией: если есть стратегический интерес увеличить долю своего присутствия на рынке, необходимо создать собственную торговую марку под сложившиеся российские культурные параметры, сообразуясь при этом с местными условиями, существующими в аналогичных отраслях традиционного производства.

Теоретически весьма непростым является вопрос о причинах сегодняшнего китайско-японского соперничества за посткризисный российский рынок. История мировых кризисов свидетельствует о том, что любой зарубежный товар, поступая на какой-либо внутренний рынок, должен сразу попадать в так называемое информационное поле потребителей и желательное — по эффективно контролируемым коммуникационным каналам целевой рекламы. Такой подход, как правило, выливается в интенсивное, тесное контактирование с потребительской средой и проникновение во все социальные зоны, где происходит некий диалог участников данного рынка посредством телевидения, Интернета, мобильной связи, специализированных и обычных выставок, рекламы в общественных местах. Как уже успели заметить внимательные маркетинговые службы китайских и японских корпораций, на российском рынке принципиально важным элементом работы должна стать полная согласованность всех действий по комплексному контролю за целевым продвижением любого товара. Только согласованность действий и деятелей позволяет, по мнению китайских и японских специалистов, максимально капитализировать эффект от внедрения на российский рынок, обогатить изначально высокий технологический уровень товара его адекватным восприятием местными потребителями.

Углубляющийся экономический кризис неизбежно будет мешать России реализовывать ее потенциал на пути достижения высоких параметров страновой конкурентоспособности. В связи с этим некоторые китайские эксперты полагают, что корпорациям КНР не следует придумывать что-то особенное, разрабатывая в посткризисный период стратегию и тактику продвижения своей продукции на российский рынок. Прежде всего, по их оценкам, необходимо понять, какие китайские товары могут иметь в России постоянного потребителя. Китайские маркетологи уже некоторое время разрабатывают специальный набор критериев емкости российского рынка, отражающих возможности китайской продукции проникать на рынок РФ все более и более активно. По предварительной информации, на реальный успех в России сегодня по-прежнему могут рассчитывать лишь товары традиционного китайского экспорта: чай, мебель, отдельные виды текстиля, одежды и обуви, а также недорогие бытовая электроника и электротовары, собранные на предприятиях всемирно известных фирм, расположенных в свободных экономических зонах, технополисах и технопарках на территории КНР⁶.

Не менее сложная задача, но иного рода стоит перед японскими экспортерами, пытающимися осваивать внутренний российский рынок. Японцы вынуждены признавать, что им фактически нечего предложить из продукции высокотехнологичного сектора и рассчитывать можно лишь на единичные заказы российской стороны, реализующей собственные энергетические программы в нефтехимии и газодобыче, а также в атомном машиностроении. Посткризисный вектор российско-японского двустороннего сотрудничества, скорее всего, будет развиваться в направлении расширения географии отдельных автосборочных производств в Сибири и на Дальнем Востоке РФ, а также по линии привлечения прямых японских инвестиций на цели повышения уровня переработки российских природных ресурсов с последующей поставкой готовой продукции на формирующийся Восточноазиатский общий рынок. Судя по уже давно обнародованным планам правительства, Япония, как и прежде, не намерена уступать Китаю лидерство в Восточно-Азиатском регионе, расставляя при этом совершенно иные ак-

центры в комплексном взаимодействии с другими государствами региона⁷. Сегодня Россия нужна Японии прежде всего как некий противовес нарастающему китайскому влиянию в Восточной Азии, как нейтральный партнер по экономическому сотрудничеству, преследующий свои собственные, отличные от китайских, геополитические интересы не только на региональном, но и на глобальном уровне.

Собственно говоря, причина обостряющегося китайско-японского соперничества за российский рынок кроется в абсолютно различных инновационных потенциалах Пекина и Токио, но главное — в понимании будущей роли России в процессах восточноазиатской интеграции. Китай больше всего опасается формирования в РФ устойчивой национальной инновационной системы, которая неизбежно поменяет стратегические параметры российского внутреннего рынка на ближайшие 10—15 лет. Тот будущий российский рынок вряд ли станет более доступен для ординарной китайской массовой продукции, произведенной на предприятиях, оснащенных оборудованием первой половины XX в. Япония, скорее всего, при благоприятных для нее условиях может оказаться более привлекательной для России как партнер по восточноазиатской интеграции именно с точки зрения своей неспособности играть роль политического лидера в рамках формирующегося Восточноазиатского общего рынка и, кроме того, в качестве страны, весьма заинтересованной в ряде «критических технологий», полностью находящийся под российским контролем. В вышеназванных условиях китайско-японское соперничество за российский рынок олицетворяет собой для будущего России не что иное, как противостояние углубляющегося инновационного регресса и замедляющегося технологического прогресса, причем для самой Российской Федерации исход названного соперничества еще долго будет неочевиден. Но самое печальное заключается в том, что, разрабатывая курс на свое будущее лидерство в Восточной Азии, Россия при выборе ведущего партнера в этом регионе (в лице Китая или же Японии) должна будет не переменным образом учитывать такие критические обстоятельства, как дамклов меч чрезвычайной протяженности российско-китайской

границы и постоянно растущую зависимость Японии от китайского рынка, где точка невозврата уже пройдена.

Складывающаяся геополитическая ситуация ставит Россию перед непростым стратегическим выбором, а именно: каким образом диалектически совместить объективную неизбежность торгово-экономического сотрудничества с бурно растущим в рамках индустриальной фазы развития Китаем и насущную необходимость комплексного инновационного взаимодействия с теряющей динамизм Японией, пытаясь одновременно зарезервировать за собой достойное место в рамках формирующегося Восточноазиатского общего рынка? Выход из подобной ситуации в условиях углубляющегося мирового кризиса может быть только один: поставить во главу угла собственного развития целенаправленную работу по созданию национального емкого и хорошо структурированного внутреннего рынка, допуск на который зарубежных производителей, в том числе китайских и японских, должен жестко контролироваться в зависимости от того, с какой продукцией они на него хотят войти, а также с учетом российских приоритетов инновационного развития страны. Здесь особое значение приобретает ясное и четкое осознание того, что стратегически может дать российской экономике инвестиционное взаимодействие с той или иной китайской или японской корпорацией. По оценкам ведущих международных экспертов, в посткризисный период наилучшие шансы на восстановление экономики будут иметь страны, выстроившие свои рынки исключительно под привлечение прямых иностранных инвестиций в реальный сектор и не связанных со спекуляциями биржевыми производными. Отсюда перед Россией встает непростая задача: добиться в экономическом взаимодействии с Китаем и Японией диалектического единства собственных национальных приоритетов с задачами продуманной стратегии гармоничного сотрудничества с Пекином и Токио в рамках восточноазиатской региональной интеграции⁸.

Интеграционные процессы в Восточной Азии даже в разгар нынешнего финансового кризиса демонстрируют заметную динамику и в целом способствуют экономической стабильности на региональном уровне. Подтверждением этому служит эффек-

тивное функционирование зоны свободной торговли между Китаем и странами АСЕАН. К тому же стремится и Япония, пока, правда, ограничившаяся в силу ряда объективных обстоятельств отдельным соглашением о свободной торговле с Сингапуром. В обозримой перспективе Китаю и Японии придется решать еще одну сложную задачу, связанную с позицией США по вопросам региональной интеграции. Сложившийся в рамках Азиатско-Тихоокеанского экономического совета (АТЭС) сплоченный блок так называемых англосаксонских государств (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия) изо всех сил пытается «растворить» в азиатско-тихоокеанском сотрудничестве формирующийся без их непосредственного участия Восточноазиатский общий рынок. Жесткое противодействие этому со стороны КНР и неуверенная позиция Японии заставляют Российскую Федерацию делать непростой стратегический выбор в данном вопросе.

Китайско-японское соперничество за российский рынок в посткризисный период неизбежно приведет к росту популярности этого рынка среди международных инвесторов и, к сожалению, скорее всего «портфельных». Последнее означает, что будут предприниматься постоянные попытки спекулятивных атак на фондовый и межбанковский рынки Российской Федерации. Но ни Китай, ни Японию нельзя отнести к государствам, активно практикующим «портфельные инвестиции», а это, видимо, приведет к тому, что они будут стремиться вкладывать средства в реальный производственный сектор российской экономики. Как уже отмечалось, в России китайские и японские корпорации в долгосрочной перспективе больше всего привлекают новые оригинальные технологии, особенно если они относятся к категории «критических»⁹. А к последним сегодня можно причислить технологии естественного выращивания зерновых, например овса, потребление которого в Китае и Японии уверенно растет, причем именно благодаря России, оставшейся, пожалуй, единственной страной, где овес не подвергается генной модификации.

Кооперируясь с Китаем и Японией, России придется по-новому взглянуть на свою экономику, отягощенную непроизводи-

тельной частью в лице бюрократических бюджетных структур. Китайские и японские корпорации могут инвестировать в крупные российские проекты только при условии их внутренней сбалансированности, внешней транспарентности и жесткой логики целевой реализации. И в Китае, и в Японии вместе с тем готовы понять и принять иную логику функционирования государственно-частных партнерств, но никогда не поймут и не примут ущербную логику непроизводительных издержек, вызванную явной деградацией количественных и качественных характеристик профессиональной подготовки работников, поскольку это в перспективе неизбежно приведет к обвальному снижению конкурентоспособности такого обнадеживающе развивающегося рынка, каким является внутренний рынок России. Более того, в Китае и Японии вполне отдают себе отчет и в том, что основной проблемой российского рынка остается и пока будет оставаться элементарная нехватка рабочей силы и населения в целом, а это имеет прямое отношение к такому важнейшему геостратегическому критерию, как общий непосредственный территориальный контроль. В сегодняшнем мире Российская Федерация предстает самой слабозаселенной страной среди глобальных «центров силы» — на 1 кв. км здесь проживает всего 8 человек.

В этом смысле показателен пример Бразилии, где на 1 кв. км приходится 23 человека, при этом плотность населения Бразилии продолжает заметно увеличиваться за счет естественного прироста, а в России она последовательно сокращается из-за его отсутствия. Выстраивая стратегию экономического развития страны в XXI в., бразильское правительство не полагается только на естественный прирост населения, а стимулирует иммиграционные потоки в свою страну, и не в последнюю очередь за счет привлечения интеллектуальных и трудовых ресурсов из тех же Японии, Китая, а также Индии. Совершенно очевидно, что при малой плотности населения России будет трудно поддерживать даже минимально необходимые темпы прироста национальной экономики, особенно на огромных пространствах Сибири и Дальнего Востока. В отличие от Бразилии, являющейся преимущественно страной иммигрантов, Россия в силу серьез-

ных геополитических факторов не может делать ставку на приток иностранной рабочей силы. Однако уже сегодня необходимо принимать быстрые решения, включающие, помимо дополнительных мер поощрения рождаемости, также разработку и реализацию комплексных программ по привлечению в РФ наших соотечественников, количественный потенциал которых колеблется на уровне 25—35 млн человек.

Рассматривая вопрос о том, что может дать России сотрудничество с Китаем и Японией в посткризисный период, важно предварительно проанализировать такую застарелую российскую проблему, как «раздутость» непроизводительной части национальной экономики. Например, японские эксперты, занимающиеся изучением России, отмечают, что даже с точки зрения теории менеджмента любая структура резко снижает эффективность своей деятельности в случае отсутствия обратной связи с объектом управления (в данном случае — с российскими экономическими акторами). Для того чтобы обратная связь функционировала, необходима некая система общепризнанных критериев, которые можно анализировать для адекватного понимания того, насколько эффективно расходуются средства, полученные по каналам тех же прямых инвестиций из Китая и Японии, и как меняются показатели качества экономического роста. Именно нынешний развивающийся кризис, на взгляд многих международных экспертов, способен ускорить понимание того, каким образом необходимо снижать непроизводительную нагрузку на любую национальную экономику, и российская экономика здесь не является исключением. Пример Японии показывает, что ее правительство крайне ответственно относится к проблеме высвобождающейся рабочей силы и в каждом конкретном случае тщательно отслеживает, куда все эти люди перемещаются в поисках новой работы.

Япония, как и Россия, весьма осторожно подходит к вопросу о приглашении в страну иностранной рабочей силы¹⁰. По некоторым оценкам японских экспертов, людям, лишившимся статуса «белых воротничков», серьезно помогают — и морально, и материально, но главное, оказывают содействие в трудоустройстве именно в реальных секторах экономики. Это дела-

ется, прежде всего, для того, чтобы «белые воротнички» не генерировали некую «коррупционную ренту», которая, с их точки зрения, могла бы компенсировать их прежний квазиинтеллектуальный статус. Еще в 2006 г., видимо предчувствуя приближение кризисных явлений, японское правительство последовательно стало менять вроде бы устоявшуюся концепцию высшего образования, по сути делая его всеобщим, но с переносом приоритета в подготовке специалистов на профессии, связанные с естественными науками. Акцент был сделан на создании требующих высокой квалификации рабочих мест в так называемых новых традиционных отраслях японской экономики, а именно: агробизнес, биосфера океана, природная и биоэнергетика.

Как представляется, оценивая наиболее перспективные направления посткризисного сотрудничества с Китаем и Японией, Россия должна также сделать ставку на такие преобразования внутреннего рынка, которые позволили бы ей на равных, а лучше с неким интеллектуальным преимуществом войти в формирующийся Восточноазиатский общий рынок. Главное, чтобы российско-китайское и российско-японское взаимодействие в рамках восточноазиатских интеграционных процессов создавало здоровую конкурентную среду между Пекином и Токио, стимулируя последних не только осуществлять прямые инвестиции в капиталоемкие сектора реальной экономики России, но и допускать российский национальный капитал в представляющие для него интерес ключевые сектора высокотехнологичных производств Китая и Японии. Обращает на себя внимание выверенная политика Китая по отношению к интеграционным процессам в Восточной Азии. За два месяца, с ноября 2008 г. по январь 2009 г., китайское правительство нарастило кредитование национальной экономики в 4 раза и теперь достаточно уверенно декларирует своим восточноазиатским партнерам, да и всему миру 8-процентный рост ВВП. Восемь процентов представляют для Китая оптимальную цифру роста, дающую возможность продолжать в прежнем темпе инфраструктурные инвестиционные проекты внутри страны, а также убеждающую зарубежных партнеров в устойчивости китайской модели хозяйственного

развития, несмотря на нарастающий глобальный финансовый кризис.

Позиционируя себя в качестве наиболее успешного экономического игрока, Китай стремится стать лидером восточноазиатского пространства не только по масштабам своего хозяйства, но и в плане закладки параметров функционирования Восточноазиатского общего рынка. Правительству КНР особенно хотелось бы не допустить создания у своих границ, и прежде всего со стороны России, высокотехнологичных производств в тех отраслях, которые определяют основу китайской экспортной мощи. Речь, как правило, идет о текстиле, сборочных производствах бытовой электроники и электротоваров, деревообработке и мебельном производстве, переработке биоресурсов океана. Видимо, отнюдь не случайно осенью 2008 г. весьма крупные восточноазиатские корпорации смогли довольно успешно пролоббировать решение Правительства РФ об обнулении таможенных пошлин на ввоз модулей жидкокристаллических телевизоров. Названное решение поставило на грань разорения самую технологичную отрасль Калининградской области РФ, уже несколько лет достаточно успешно специализировавшейся на мелкоузловой сборке телевизоров.

Экономическая суть проблемы достаточно ясна — ни китайские, ни японские производители телевизионных комплектующих абсолютно не хотели бы, чтобы завершающая, т. е. самая выгодная, часть работы производилась в России. С их точки зрения, финальная сборка телевизионных модулей должна происходить на предприятиях в Китае и Японии, обеспечивая таким образом рабочие места и львиную долю прибыли китайским и японским сборщикам. Обнуление ввозных таможенных пошлин Правительством РФ оставляет российским предприятиям незавидную роль торговых дилеров, не имеющих никакого отношения к реальному производству. В XXI в. самой большой ценностью является хорошо структурированный емкий национальный рынок, за который идет постоянная, жесткая конкурентная борьба. Китай и Япония нанесли в данном сегменте производства упреждающий, а главное, согласованный удар по российской экономике, лишив ее возможности развивать конкретные сбо-

рочные производства на западе страны и фактически поставив крест на развитии подобных производств с высокой степенью занятости на востоке РФ. С точки зрения долгосрочных российских национальных интересов подобный непродуманный шаг будет иметь серьезные последствия для интеграционной политики РФ на восточноазиатском направлении в целом. Мы фактически задаром отдали свой растущий рынок электроники корпорациям из Восточной Азии, при этом не являясь даже членами ВТО, а значит, обладая полной свободой выбора в проведении наступательной торговой политики как на китайском, так и на японском участке российских дипломатических усилий. Россия до осени 2008 г. имела все возможности покупать комплектующие для мелкоузловой сборки по самым выгодным ценам в Малайзии и на Тайване, сохраняя за собой право развивать весьма выгодный с точки зрения финальных внутренних продаж электронный кластер, и не только в Калининградской области, но и в Дальневосточном федеральном округе. Видимо, в Пекине и Токио именно этого и опасались более всего и, судя по результатам осеннего обнуления ввозных пошлин, нашли оптимальный выход из непростой ситуации. О каком китайско-японском соперничестве за российский рынок в посткризисный период можно говорить, когда российская сторона по собственной инициативе предоставила Китаю и Японии хороший шанс консолидировать усилия против России?

В подобных условиях российский бизнес должен проявить максимум напористости, но главное, он должен, обустроив российский национальный рынок, одновременно осуществлять долгосрочную стратегию в направлении интегрирования России в нарождающееся восточноазиатское экономическое сообщество. Неизбежное китайское и японское инвестиционное проникновение в Россию в посткризисный период вряд ли принесет нашей стране ощутимую пользу, поскольку стимулом для деловых кругов Китая и Японии на российском внутреннем рынке по-прежнему остаются невозобновляемые природные ресурсы, переработка которых предусматривает сохранение и даже увеличение рабочих мест, прежде всего в самих Китае и Японии. Наверное, такова объективная парадигма комплексно-

го российско-китайского и российско-японского торгово-экономического взаимодействия, определяемая устоявшимися геополитическими интересами всех заинтересованных сторон, а также субъективными ощущениями китайских и японских предпринимателей. Более сложной мотивацией в данном вопросе руководствуются российские предприниматели, видящие в китайском и японском рынках возможность проверить в процессе работы на них свою состоятельность с профессиональной точки зрения. Реализуя на внутреннем российском рынке формулу государственно-частного партнерства в сфере реального производства, национальный бизнес России вправе рассчитывать на постоянную политическую поддержку со стороны российского правительства своих интересов на таких исключительно сложных рынках, как китайский и японский.

На сегодняшний день, однако, не вполне ясно, каким образом должно развиваться посткризисное сотрудничество России с Китаем и Японией. Пока более или менее понятным выглядит только одно: китайцам и японцам ни в коем случае нельзя предоставлять возможности вести свои операции на российском рынке согласованно, ставя российский бизнес в положение второстепенного младшего партнера на своем же национальном экономическом пространстве. Российскому правительству предстоит с учетом опыта защиты внутренних рынков, которым обладают и применяют на практике Пекин и Токио, определить, в чем конкретно заинтересована российская экономика, сотрудничая с китайским или японским бизнесом. При этом необходимо принимать во внимание особенности сугубо китайского интереса к российскому рынку, который заключается в стремлении как можно дольше сохранять Россию в качестве нетто-экспортера энергоносителей и нетто-импортера товаров традиционного китайского производства. Более сложные мотивы стимулируют Японию к широкому непосредственному диалогу с российской стороной, затрагивающему не столько чисто экономические, сколько сложные геополитические проблемы двусторонних отношений, ясность по которым нужна японскому правительству в позиционировании самой Японии в современном мире, как на региональном, так и на глобальном уровне.

Главная трудность для Японии состоит в том, что в отношениях с Россией она всегда будет иметь за спиной «тяжелый дышащий Китай»¹¹. Китайско-японская конкуренция сегодня не ограничивается только российским рынком, который пока занимает относительно небольшую долю во внешней торговле двух стран. Диалектика китайско-японского взаимодействия с Россией состоит в том, что между собой Пекин и Токио выступают одновременно как конкуренты и как партнеры. Тесные торгово-экономические связи между КНР и Японией жестко предопределяют и объективную геополитическую взаимозависимость двух стран в их деятельности на российском рынке. Сложившаяся формула китайско-японского взаимодействия в России работает только в условиях некоей сбалансированности стратегических отношений, а когда же баланс нарушен, то на поверхность сразу выходят накопленные столетиями взаимные противоречия.

Вышеобозначенная объективная реальность неизбежно будет сопровождать китайско-японское соперничество на российском рынке и в посткризисный период. Отчасти это связано с нынешним пересмотром стратегии экономических реформ в самой России, когда предшествующая формула «стабилизация—либерализация—приватизация» заменяется на более перспективную формулу: «институционализация—конкуренция—управление» или, иными словами, целевое использование российского варианта хорошо оправдавшей себя в Сингапуре инновационной модели государственно-частного партнерства¹². Российское государство в ходе посткризисных рыночных преобразований неизбежно будет играть ведущую роль в их реализации, опираясь при этом на объективно благоприятные предпосылки, а именно: возможность эффективного использования метода централизованного планирования, как это делалось в послевоенных Германии и Японии; наличие огромного емкого внутреннего рынка; сохранение целостной инфраструктуры, включая транспорт, коммуникации, университеты, научно-исследовательские институты; в большинстве своем урбанизованное, грамотное население; подготовленная рабочая сила и менеджеры с опытом управления хозяйством,

включая финансовую и банковскую сферы; значительный интеллектуальный капитал, в том числе крупнейшая в мире социальная прослойка ученых и инженеров; огромные природные ресурсы; емкие, фактически подконтрольные рынки Восточной Европы и Центральной Азии. Посткризисная логика XXI в. давно и настойчиво диктует Китаю и Японии необходимость подконтрольного включения сегодняшнего российского рынка в общий формат развивающейся системы восточноазиатской экономической интеграции. При этом как Пекин, так и Токио хотели бы избежать политических рисков в нынешних отношениях с Россией, а это значит, что во главу угла будут поставлены не ограничивающие экономическое сотрудничество территориальные споры, а крупномасштабные инфраструктурные проекты, определяющие будущее интегрированного Восточноазиатского общего рынка, необходимого всем его потенциальным участникам¹³.

В качестве одного из конкретных примеров подобного посткризисного подхода Пекина и Токио к отношениям с Россией можно привести «оживший» в последнее время транспортный проект, связывающий Китай и Японию через территорию Приморского края по линии «Хуньчунь—Махалино—Зарубино—Ниигата». В обозримой перспективе Северо-Восточная Азия способна стать одним из крупнейших «глобальных торговых хабов (узлов)» (global trading hub). Взаимная торговля шести стран данного субрегиона (Китай, Россия, Япония, Северная Корея, Южная Корея, Монголия) только за период с 2000 по 2004 г. практически удвоилась, достигнув 320 млрд долл.¹⁴ В рамках прогнозов Комиссии ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) Северо-Восточная Азия к середине XXI в. будет представлять собой наиболее привлекательную территорию в мире с точки зрения прямых и портфельных инвестиций, направляемых в комплексное инновационное развитие. Многие международные эксперты полагают, что вышеназванные объективные процессы, в случае их активного стимулирования заинтересованными державами, вполне способны создать адекватную среду для постепенного урегулирования проблемы вооруженного противостояния на Корейском полуострове¹⁵.

Примечания

¹ *Xuanli Liao*. The Driving Forces behind Sino-Japanese Energy Competition // *The Harvard Asia Pacific Review*. Issue VIII. Winter 2006. P. 7.

² *World Investment Report*. 2008. New York, Geneva / UNCTAD. January 2009.

³ *Itoh, Satoshi*. A Japanese Rethinking of Europe-Russia Relations // *ERINA*. Niigata. 24.12. 2008.

⁴ *Zhang Zuqian*. China's Discontent with the Communication // Annual foreign policy conference. Berlin, 6—7.09.2007.

⁵ *Mead Walter Russel*. China Doesn't Own the Future // *U.S. Foreign Policy*. 14.10. 2007.

⁶ *Daly John C.K.* China and Japan Race for Russian Crude // *China Brief*. Volume 3rd. Issue 16.31.12.2008.

⁷ *Li Xianrui*. Japanese Devils on Nanny's Doorstep // *Chinese Heritage*. Beijing. 21.02.2007.

⁸ Nice Words no match for political dispute // *Japan Times*. 01.02.2008.

⁹ China-Japan Oil Race Inevitable // *People's Daily*. 29.10.2004.

¹⁰ *Griffin Christopher and Pautucci Raffaello*. A Treacherous Triangle? // *SAIS Review*. Vol. XXVII. N 1. Winter—Spring 2007.

¹¹ *Calder Kent E.* China and Japan's Simmering Rivalry // *Brookings Institute Press*. New York, 2008. P.17.

¹² *Feng Zhaokui*. China — Ice finally thawing // *China Daily*. 18.10.2008.

¹³ *Shambaugh David*. China-Europe Relations Get Complicated // *Brookings Northeast Asia Commentary*. May 2007.

¹⁴ *Soerensen Camilla T.N.* The EU's Approach toward Relations with Tokyo and Beijing // *China Brief*. Vol. 7. Issue 9. 02.05.2007.

¹⁵ *Kamenade Willem Van*. Between Beijing and Tokyo: From Abnormally Good to More Normal // *China Brief*. Vol. 7. Issue 15. 26.07.2007.

*М. В. Александрова**

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН В ПЕРИОД РЕФОРМ (1978—2008 гг.)

Провинция Хэйлунцзян, граничащая с российским Дальним Востоком и Сибирью, является ключевым контрагентом в российско-китайской торговле. После объявления о начале реформ в КНР в конце 1970-х годов провинция приступила к достаточно энергичному расширению своей внешней торговли, что явилось одним из стимулов развития национальной экономики и социальной сферы Китая в целом. После вступления КНР во Всемирную торговую организацию (ВТО), ознаменовавшего начало следующего важного этапа реформирования внешнеэкономической деятельности страны, Хэйлунцзян активизировал перестройку структуры производства в соответствии с новыми требованиями рынка. Эта перестройка проходила под следующими лозунгами: «идти прежним курсом, еще больше увеличивая масштаб, расширять область применения, повышать уровень вовлечения в международные экономические связи и международную конкуренцию». В итоге новый курс дал огромный эффект: стремительными темпами расширя-

* Александрова Мария Викторовна, к. э. н., в. н. с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

лась внешняя торговля, все более заметной стала отдача от привлекаемых инвестиций, успешное развитие получило технико-экономическое сотрудничество с зарубежными странами.

Динамика внешней торговли с конца 1970-х годов

С расширением «открытости внешнему миру» все более ощутимым становился вклад внешней торговли в дело экономического развития Хэйлунцзяна. С начала проведения реформ наблюдается стремительный рост внешнеторгового оборота (ОВТ) провинции. Так, в 1978 г. суммарный ОВТ составлял 0,045 млрд долл., а в 2008 г. он достиг 22,9 млрд долл., увеличившись за рассматриваемый период более чем в 500 раз, показав ежегодные темпы роста в 24,38 %. При этом рост ВВП Хэйлунцзяна составлял 13,1 %. Увеличивался и вклад непрерывно развивавшейся внешней торговли в экономический рост провинции. Так, если в 1978 г. ОВТ составлял 0,5 % от суммарного объема ВВП, то в 2007 г. этот показатель достиг 18,5 %, повысившись на 18 процентных пунктов. Можно выделить три базовых периода в развитии внешней торговли провинции с 1978 г.

Первый (1978—1993 гг.) — период стремительного развития. В этот период реформ внешняя торговля по-прежнему расценивалась как вспомогательный элемент расширенного социалистического воспроизводства, при этом подразумевалось, что она имеет пределы роста из-за регламентированных размеров спроса и предложения. Продолжало практиковаться максимально централизованное плановое управление внешней торговлей. В силу необходимости перестройки такой системы в 1980-е годы было проведено несколько крупных реформ, которые, образно выражаясь, были подобны «купанию в весеннем ветре» и позволили провинции активно включиться во внешне-торговую деятельность.

В рамках осуществляемых в КНР реформ в экспериментальном порядке была проведена серия мероприятий по расши-

рению прав провинций и низовых структур в сфере внешней торговли. В числе этих мероприятий:

1) предоставление прав местным органам по поиску внешнеторговых партнеров, налаживание соответствующей организации и техники внешней торговли;

2) переход с единой системы планирования к методам сочетания директивного, направляющего и рыночного регулирования и значительной децентрализации управления ВЭД;

3) создание и совершенствование механизма управления внешней торговлей, введение новых правил лицензирования импорта и экспорта, совершенствование управления экспортом;

4) проведение политики и осуществление мер поощрения экспорта, в том числе санкционирование создания свободных экономических зон.

Общая либерализация внешней торговли благоприятно сказалась на внешнеторговых связях Хэйлунцзяна. С 1 января 1981 г., когда была ликвидирована государственная монополия на внешнюю торговлю, провинция получила право самостоятельно осуществлять внешнеторговые операции. Результатом этого стало повышение удельного веса провинции в общем объеме экспорта страны. Соответствующая доля Хэйлунцзяна увеличилась с 0,54 % в 1980 г. до 2,3 % в 1987 г., что повысило экономический рейтинг провинции с 16-го места до 12-го.

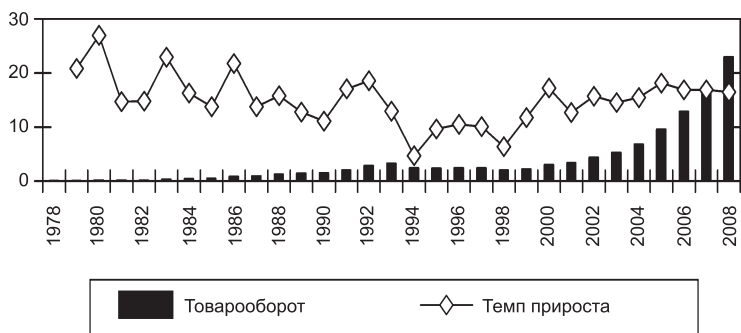

График 1. Динамика внешнеторгового оборота провинции Хэйлунцзян (1978—2008 г.г.). *Источник:* URL: <http://harbin.customs.gov.cn>

В конце 1984 г. Госсовет КНР утвердил «Временные положения о мерах регулирования приграничной торговли в малых объемах», поощрив так называемые пять самостоятельности: самим изыскивать ресурсы; самим искать возможность сбыта; самим вести переговоры; самим поддерживать баланс внешнеторгового оборота; самим отвечать за прибыли и убытки. Все это значительно расширило свободу на местах.

Уже в 1989 г. объем экспорта провинции впервые превысил 1 млрд долл. при заметной тенденции улучшения его товарной структуры. Доля сырья, продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов в экспорте снизилась, удельный же вес готовых промышленных изделий вырос. В 1990 г. в экспорте провинции соотношение между сырьевыми статьями и готовыми промышленными изделиями почти выровнялось¹. Главным внешнеторговым партнером провинции в те годы была Япония. В 1983 г. объем экспорта Хэйлунцзяна в Японию составил 40,93 млн долл.; его доля в общем объеме внешней торговли провинции достигла 15 %. В первой половине 1990-х годов на долю экспорта в Японию приходилось 10—15 % внешнеторгового оборота провинции, на долю импорта из Японии — 10—25 %².

Второй период (1994—1999 гг.) можно назвать установочным. С 1994 г. китайское правительство начало проводить всестороннюю реформу системы внешней торговли, сутью которой было введение единого валютного курса. Во внешней торговле началось использование таких инструментов экономического регулирования, как цена, валютный курс, процентная ставка, возвратная пошлина, экспортный кредит. В то же время последовательно выдвигались ряд новых стратегий: «достижение высшего качества», «диверсификация рынка», «развитие большой торговли», «поощрение развития синтеза торговли, науки и техники». Несмотря на проводимые макроэкономические преобразования, экономика Китая испытала на себе влияние азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг.: произошло снижение темпов роста внешней торговли. Так, в 1999 г. объем экспортно-импортных операций Хэйлунцзяна составил 2,19 млрд долл., что было на 9 % выше, чем в 1998 г., но на 9,9 % ниже, чем в 1994 г.

Третий период (2000—2008 гг.) — время ускоренного развития. Проявились тенденции, обусловленные процессами, происходящими в мировой экономике: КНР постепенно стала снижать цены на экспортируемую продукцию, более активно выходить на внешний рынок, к тому же новый этап развития внешней торговли провинции был связан со вступлением КНР в ВТО. Именно это обстоятельство подтолкнуло руководство провинции к выдвиганию новой стратегии «Пяти дальнейших продвижений»: 1) от приграничного рынка во внутренние районы России и далее в Европу; 2) от обычной торговли к широкому технико-экономическому сотрудничеству; 3) от сотрудничества разрозненных предприятий к всеобъемлющей региональной интеграции; 4) от примитивной торговли к модели современной глобализации; 5) от частичного использования международных инвестиций к масштабному.

С этого времени внешняя торговля провинции получила бурное развитие. Так, в 2008 г. внешнеторговый оборот Хэйлунцзяна достиг 22,9 млрд долл., по сравнению с 2000 г. он вырос в 7,6 раза с ежегодным темпом прироста порядка 30 %, в то время как общекитайский показатель ежегодного темпа роста ОВТ составлял лишь 7,5 %.

Формы внешнеэкономических сделок

Помимо наращивания экспортно-импортных операций провинция стремилась к развитию разнообразных, «эластичных» форм торговли, главными из которых стали обычная торговля и малая приграничная торговля.

Так, обычная торговля не один год является лидирующей формой коммерции Хэйлунцзяна. В 2007 г. по линии обычной торговли было осуществлено экспортно-импортных сделок на общую сумму 9,91 млрд долл., что в 12 раз больше, чем в 1993 г., с ежегодным темпом прироста 19,4 %. В общем объеме ОВТ доля подобных сделок в 1993 г. составляла 25 %, а к 2007 г. возросла до 57,3 %, увеличившись на 32,3 процентных пункта. Объем экспортных операций по линии обычной торговли соста-

График 2. Формы экспортно-импортных сделок провинции Хэйлунцзян.

Источник: URL: <http://chinaneast.xinhuanet.com>.

вил 7,03 млрд долл., увеличившись за рассматриваемый период в 11 раз (с 21,5 % ежегодного прироста), что сравнимо со средними показателями по стране. Это стало следствием улучшения структуры внешней торговли провинции. Повышение удельного веса экспорта в обычной торговле способствует активизации местной экономики, что в свою очередь стимулирует здоровое развитие внешней торговли.

Успехи малой приграничной торговли были связаны с крайне выгодным экономико-географическим положением провинции на северо-востоке страны и наличием 3000-километровой границы с российскими регионами. К тому же в 1990-е годы на государственном уровне был принят два важных документа, открывших широкие возможности для ведения этого вида сотрудничества. Так, в апреле 1994 г. Госсовет КНР издал «Уведомление по вопросам приграничной торговли» за № 1. В нем определялись формы и региональные рамки приграничной торговли, устанавливались четкие пределы налоговых льгот. Исходя из требований документа, провинциальные власти усилили

контроль за рыночной и мелкой торговлей, осуществляемой приграничным населением. Ввиду переизбытка числа посреднических и агентских компаний, ведущих дела с Россией, Управление приграничной торговли и экономического сотрудничества Хэйлунцзяна провело их тщательную ревизию и лишило многих из них права заниматься внешнеторговой деятельностью.

В «Уведомлении Госсовета КНР по вопросам приграничной торговли» № 2 от 3 января 1996 г. был уточнено само понятие «приграничные районы» и сформулированы цели создания института приграничной торговли, призванного стимулировать экономическое развитие приграничных районов Китая. К «приграничным» были отнесены как территории уездов (городов, аймаков) КНР, соприкасающиеся с территориями соседних государств, так и прилежащие районы приграничных открытых городов, получивших данный статус с разрешения Госсовета КНР. Документ устанавливал две формы приграничной торговли, соответствующие ее функциям и международным правилам:

1) «народные приграничные рынки» (*миньцзянь маои*), работающие в пределах одобренной местными правительствами или хозяйственными органами 20-километровой приграничной зоны по определенным правилам (лица, проживающие по обе стороны от границы, могут продавать товары в пределах установленных сумм и объемов);

2) приграничная мелкооптовая торговля (*бяньцзин сяоэ маои*) между предприятиями и другими торговыми организациями приграничных районов в объемах, утвержденных государством в отношении открытых для внешнего мира приграничных уездов и приграничных городов, через определенные государством пункты пропуска, расположенные вдоль сухопутной границы³.

Принятие этих двух нормативных документов способствовало выходу приграничной и малой торговли на новый виток развития. Она достигла своей наивысшей отметки в 2002 г., составив 42,6 % от суммарного товарооборота провинции, после чего наступило постепенное снижение этого показателя. В то же время доля иных форм внешней торговли начала увеличиваться. В период 2002—2007 гг. объем экспортно-импортных

операций по линии малой приграничной торговли возрос с 1,85 млрд до 5,41 млрд долл., при том, что доля ее в суммарном товарообороте провинции уменьшилась с 42,6 до 31,2 %, т. е. ее снижение составило 11,4 процентных пункта. У прочих форм внешней торговли объем экспортно-импортных операций в абсолютных величинах возрос со 180 млн до 1,18 млрд долл., или в 6,5 раза, а в суммарном товарообороте их доля увеличилась с 4,0 до 6,8 %, или на 2,8 процентных пункта. Толлинговая торговля возросла с 370 до 531 млн долл., или на 40,3 %; экспорт услуг по подрядным сделкам на инженерно-строительных объектах увеличился с 57,68 до 230 млн долл., показав рост в 3,9 раза.

Субъекты внешней торговли (по форме собственности)

Помимо разнообразия форм внешней торговли Хэйлуунцзяна, следует отметить активизацию процесса диверсификации форм собственности участвующих в ней субъектов. В настоящее время в провинции частный сектор занимает первое место по активности в ВЭД. После начала проведения реформ структура внешней торговли КНР претерпела целый ряд этапных преобразований, главные из которых связаны со вступлением страны в ВТО. Этот процесс непрерывно продолжается до сих пор, но кардинальные перемены в структуре субъектов управления внешней торговли уже произошли. Роль государственных участников внешнеторгового рынка ослабевает, а численность и мощность частных предприятий быстро растут. Также наблюдается тенденция увеличения масштаба освоенных провинцией зарубежных инвестиций. Зарубежные инвестиции существенным образом влияют на развитие внешней торговли провинции: все больше предприятий, получающих иностранные инвестиции, включаются во ВЭД Хэйлуунцзяна. В 2007 г. внешнеторговый оборот частных предприятий составил 12,66 млрд долл., что в 295,1 раза больше по сравнению с 2000 г. В суммарном ОВТ за

2000 г. их доля составляла 1,4 %, а к 2007 г. достигла 73,2 %. Внешнеторговый оборот государственных предприятий в 2007 г. составил 3,4 млрд долл., показав прирост на 40,5 %. В суммарном ОВТ их доля с 2000 по 2007 г. снизилась с 80,9 до 19,6 %. Общая стоимость экспортно-импортных сделок предприятий с иностранными инвестициями составила 1,15 млрд долл., показав рост в 1,4 раза. Это составляет 6,6 % ОВТ провинции. По сравнению с 2000 г. увеличение этой доли составило 4,1 процентных пункта.

Активизация частного сектора во внешней торговле была связана со вступлением в силу 1 июля 2004 г. нового закона КНР «О внешней торговле», согласно которому были значительно облегчены процедуры оформления документов для частных предпринимателей, занимающихся внешнеэкономической деятельностью. Как было указано в ст. 1, «...данный закон разработан для расширения внешней открытости, с целью стимулирования развития внешней торговли, поддержания должного порядка внешней торговли, защиты законных прав и интересов предпринимателей — ее участников и помощи здоровому развитию социалистической рыночной экономики»⁴. Именно это дало импульс к тому, чтобы большее количество юридических и физических лиц стали заниматься ВЭД. Так, если годовой объем экспортно-импортных сделок, осуществленных юридическими лицами и лицами, занимающимися частным или индивидуальным бизнесом, в 2004 г. составлял только 210 млн долл., то в 2007 г. он достиг 2,14 млрд долл.

География торгово-экономического сотрудничества провинции

Развитие внешнеэкономической сферы и «открытие провинции для внешнего мира» с начала экономических преобразований дало очевидный результат в плане расширения географии внешней торговли Хэйлунцзяна. За кратчайший срок число стран и регионов мира, ведущих торговый диалог с Хэйлунцзя-

ном, выросло с нескольких десятков до 210. Ускоренное развитие экономического сотрудничества провинции в последние годы наблюдается со странами Африки и Латинской Америки. Так, в 2000 г. провинция имела торговые отношения с 33 африканскими государствами, а в 2007 г. — уже с 56; за эти годы соответствующий товарооборот увеличился с 34,1 до 410 млн долл. (в 12 раз) с ежегодным приростом в 42,6 %. На латиноамериканском континенте количество стран-контрагентов Хэйлунцзяна за указанный период увеличилось с 27 до 44, причем суммарный товарооборот возрос с 34,43 до 350 млн долл. (увеличение в 10,2 раза), показав ежегодный прирост 39,3 %.

Если рассматривать географию торговли провинции, то ее основной товарооборот приходится на Европу: в 2007 г. он составил 12,15 млрд долл., или 70,2 % ОВТ провинции; второе и третье места занимают страны Латинской Америки и Африки — 3,66 млрд долл. и 870 млн долл., или 20 и 5 % соответственно. Если анализировать темпы роста внешнеторгового оборота, то наиболее высокие его показатели были отмечены в случае стран Африки: с 2000 г. товарооборот с ними увеличился в 12 раз; 2-е и 3-е место занимают страны Латинской Америки

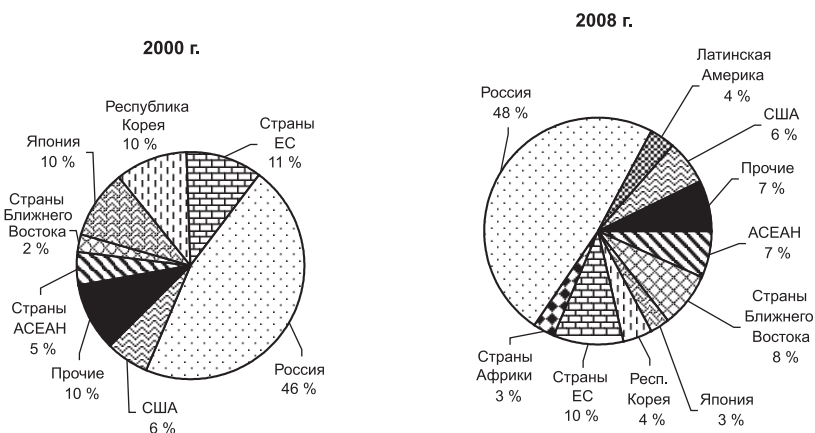

График 3. Географическая структура внешнеторгового оборота провинции Хэйлунцзян. *Источник:* URL: <http://www.mofcom.gov.cn/>э

и Европы, рост составил 10,2 и 6,1 раза соответственно. Рассматривая основные географические направления ВЭД Хэйлунцзяна, можно с уверенностью отметить, что со второй половины 1990-х годов 1-е место прочно занимает сотрудничество с Россией. Начало 1990-х годов ознаменовалось достаточно быстрым ростом экспортно-импортных операций Хэйлунцзяна с восточными субъектами РФ. В начале текущего века эта торговля достигла своих максимальных величин, составив более 60 % ОВТ провинции. В 2007 г. произошел крупный прорыв в торговле с нашей страной: взаимный товарооборот достиг показателя в 10,73 млрд долл., что в 7,8 раза выше показателя 2000 г., показав ежегодный прирост 34,2 %. Внешняя торговля провинции с РФ составила 62 % от ОВТ Хэйлунцзяна, или 22,3 % от общего китайско-российского товарооборота.

Товарная структура внешнеторговых операций

Продолжается оптимизация и рационализация товарной структуры экспортно-импортных операций Хэйлунцзяна. Так, в плане экспортных поставок можно отметить следующие тенденции: если в начале проведения реформ большую долю в экспорте

График 4. Соотношение в экспорте провинции Хэйлунцзян первичной продукции и готовой промышленной продукции, %

те составляли природные ресурсы и продукция первичной обработки, то с началом реализации стратегий «наука и техника содействует развитию торговли» и «выигрыш за счет качества» доля продукции с высокой степенью промышленной обработки стала непрерывно возрастать.

В 1990 г. доли товаров с высокой степенью промышленной обработки и продукции первичной обработки составляли 50,9 и 49,1 % соответственно, а в 1998 г. это соотношение изменилось на 76,0 : 24,0, т. е. готовая промышленная продукция стала доминирующей статьёй экспорта провинции.

С наступлением XXI в. товарная структура экспорта провинции еще более «облагородилась», главным образом за счет быстрого развития торговли машинотехнической группой товаров. В 2007 г. доля продукции с высокой степенью промышленной обработки в экспорте провинции достигла беспрецедентных показателей, составив 92,8 % экспорта, тогда как в 2000 г. она достигала лишь 67,7 %, т. е. рост составил 23,1 процентных пункта. Значительная часть экспорта приходилась на товары народного

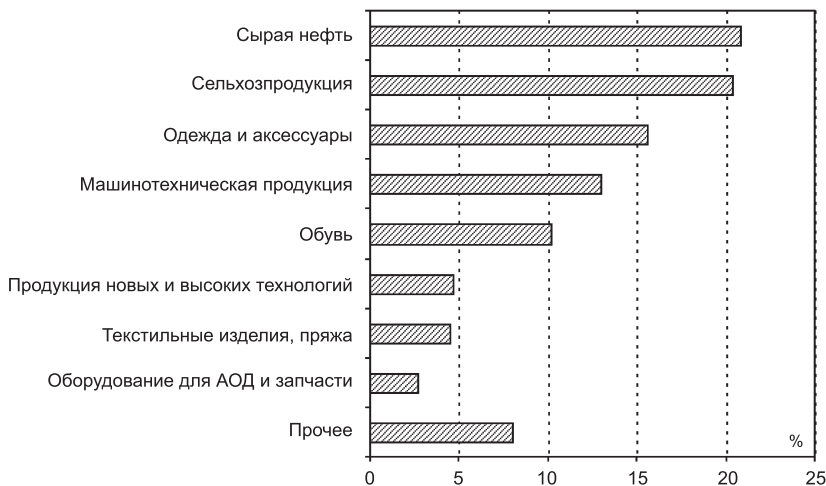

График 5. Товарная структура экспорта провинции Хэйлунцзян в 2002 г.

Источник: URL: <http://harbin.customs.gov.cn>

потребления, среди которых можно выделить следующие группы товаров по степени значимости: одежда, машинотехническая продукция, продукция аграрного сектора, обувь. Среди вышеперечисленных товарных позиций наиболее быстрый рост в период 2000—2007 гг. наблюдался у группы «машинотехническая продукция»: так, в 2000 г. на нее приходилось в абсолютных величинах 210 млн долл., а в 2007 г. — уже 2,22 млрд долл., т. е. увеличение составило 10,5 раза со среднегодовым приростом 40,2 %. В заключение отметим, что в рассматриваемый период произошел качественный скачок в товарно-экспортной структуре провинции.

Одновременно с улучшением структуры экспортных поставок наблюдалась тенденция корректировки структуры импорта. В связи с развитием и реструктуризацией национальной экономики требовалось внесение изменений в ассортимент импортируемой продукции, поскольку в КНР ощущался недостаток ряда сырьевых ресурсов, закупки которых ежегодно увеличиваются. В 2007 г. провинция импортировала продукции первич-

График 6. Товарная структура экспорта провинции Хэйлунцзян в 2008 г.

Источник: URL: <http://harbin.customs.gov.cn>

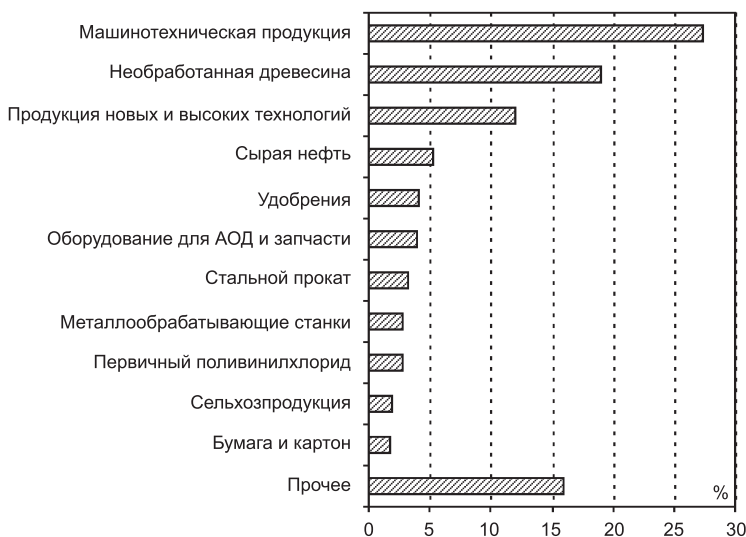

График 7. Товарная структура импорта провинции Хэйлунцзян в 2002 г.

Источник: URL: <http://harbin.customs.gov.cn>

ной обработки на общую сумму 2,7 млрд долл., или в 4,4 раза больше, чем в 2000 г., с ежегодным приростом 23,4 %. Доля подобной продукции в импорте составила 53,6 %. Объем импортных сделок по продукции с высокой степенью промышленной обработки достиг в денежном выражении 2,33 млрд долл., или 46,4 % импорта, увеличившись с 2000 г. всего в 2,5 раза с ежегодным темпом прироста 14,3 %. При этом следует отметить, что соотношение первичной продукции и продукции с высокой степенью обработки в 2000 г. было 0,7 : 1, а в 2007 г. оно составило 1,2 : 1.

К основным группам товаров, импортируемых провинцией Хэйлунцзян, следует отнести (по степени значимости): машинотехническую продукцию, круглый лес, сырую нефть, высокотехнологичные товары, хлористый калий. Объем импортных операций с машинотехнической продукцией в 2000 г. составлял 380 млн долл., а в 2007 г. он достиг 1,12 млрд долл., увеличившись в 3 раза. Стоимостной объем сделок по круглому лесу за

График 8. Товарная структура импорта провинции Хэйлунцзян в 2008 г.

Источник: URL: <http://harbin.customs.gov.cn>

рассматриваемый период увеличился в 6 раз. В 2007 г. было закуплено круглого леса на сумму 1,09 млрд долл. Но особенно существенным выглядит увеличение импорта сырой нефти: с 2000 по 2007 г. он возрос более чем в 100 раз, объем операций по этой позиции составил в 2007 г. 860 млн долл. В настоящее время отмечается тенденция увеличения в экспортных операциях доли готовой продукции, а в импорте — доля сырья.

Использование иностранного капитала

Использование иноинвестиций является объективной потребностью ускоренно модернизирующейся экономики и важным фактором реализации конкурентных преимуществ провинции. После начала проведения экономических реформ, особенно в последние годы, провинция Хэйлунцзян, воспользовавшись предоставленным самой историей шансом, присту-

пила к решительному преобразованию индустрии и возрождению старой промышленной базы региона. В связи с этим была разработана стратегия активного привлечения инвесторов, увеличения направлений и сфер привлечения иностранных капиталовложений, расширения масштабов использования иностранных инвестиций, приложения усилий, нацеленных на повышение качества и уровня привлекаемых инвестиций. В итоге использование инвестиций существенно возросло, и роль иностранных капиталовложений в экономическом развитии провинции постоянно увеличивается.

С начала экономических реформ и до сегодняшнего дня провинция Хэйлунцзян достигла высоких результатов в деле привлечения иностранных инвестиций: за этот период суммарный объем иностранных контрактных капиталовложений составил 24,12 млрд долл. Из них иностранные кредиты — 4,71 млрд долл., а прямые иностранные инвестиции — 19,15 млрд долл.

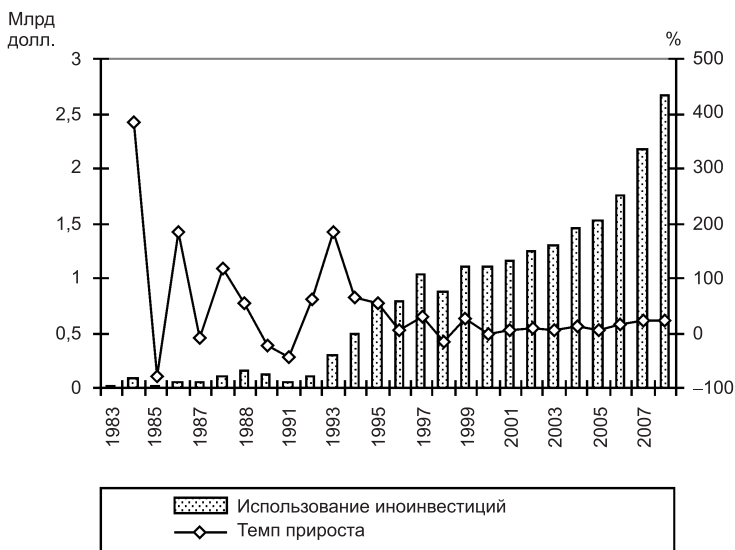

График 9. Динамика использованных иноинвестиций провинции Хэйлунцзян (1983–2008 гг.). *Источник:* URL: <http://www.hljtzlcw.com>

Совокупный объем освоенных иностранных инвестиций достиг 17,8 млрд долл., в том числе прямых иностранных инвестиций — 14,03 млрд долл. В 2007 г. объем освоенных инвестиций впервые преодолел отметку 2 млрд долл., составив 2,09 млрд долл., а объем инвестиций, привлеченных на один объект, по сравнению с начальным периодом реформ также значительно повысился: с нескольких сот тысяч долларов до более чем 6 млн долл.

Процесс привлечения иностранных инвестиций в пров. Хэйлунцзян можно разделить на четыре этапа:

Первый этап (1979—1991 гг.) — фаза становления. В начальный период реформы, вследствие проблем, связанных с легализацией и свободой вложения и использования иностранных инвестиций, а также со сравнительно низким уровнем инфраструктуры провинции, зарубежные предприниматели опасались инвестировать капиталы в экономику Хэйлунцзяна. Поэтому тогда этот процесс шел очень медленно, привлечение зарубежных капиталов происходило постепенно, временами даже наблюдалось снижение темпов и уменьшение объемов инвестиций. В период 1979—1991 гг. суммарный объем контрактных инвестиций составил 850 млн долл. со среднегодовым показателем 65,58 млн долл.; объем фактически освоенных иностранных инвестиций составил 680 млн долл. со среднегодовым ростом объема 52,581 млн долл.

Первое предприятие с иностранным участием было создано в провинции в 1984 г.; первое совместное предприятие (СП) — в 1987 г., первое предприятие, основанное целиком на иностранном капитале, — в 1988 г. С 1984 по 1991 г. общий объем фактически освоенных прямых инвестиций составил 138,26 млн долл., или 0,64 % по стране в целом за тот же период⁵.

Второй этап (1992—1995 гг.) характеризовался высокоскоростным развитием в деле привлечения иноинвестиций. После инспекционной поездки Дэн Сяопина по Южному Китаю и его выступления в Наньсюне, а также встречи 19 октября 1992 г. с участниками 14-го Всекитайского съезда КПК процесс «открытости Китая внешнему миру» значительно активизировался, и именно в этот период наблюдался быстрый рост привлечения и использования иностранных капиталовложений. В пе-

риод 1992—1995 гг. суммарный объем контрактных инвестиций составил 4,44 млрд долл. со среднегодовым показателем роста 1,11 млрд долл.; объем фактически освоенных иностранных инвестиций составил 1,65 млрд долл. со среднегодовым объемом 410 млн долл.

Третий этап (1996—1998 гг.) — время корректировки и восстановления. Разразившийся азиатский финансовый кризис негативно сказался и на количестве проинвестированных объектов, и на величине договорной цены на один объект, хотя при рассмотрении в абсолютных показателях объем практически освоенных инвестиций был значительно выше, чем в предыдущие периоды. В период 1996—1998 гг. суммарный объем контрактных инвестиций составил 2,56 млрд долл. со среднегодовым приростом 640 млн долл.; объем фактически освоенных иностранных инвестиций составил 2,69 млрд долл. со среднегодовым объемом 670 млн долл.

Четвертый этап — с 1999 г. по настоящее время — характеризуется стабильностью и возрастанием объемов привлеченных инокапиталов. Главным в вопросе привлечения иностранных инвестиций стали играть не количественные, а качественные показатели, постепенно расширялась сфера привлечения инвестиций. С 1999 по 2007 г. суммарный объем контрактных инвестиций составил 16,27 млрд долл. со среднегодовым показателем прироста 1,81 млрд долл.; объем фактически освоенных иностранных инвестиций составил 12,78 млрд долл. со среднегодовым объемом 1,42 млрд долл.

Немалый интерес вызывает перечень основных стран и регионов, инвестирующих в Хэйлунцзян. С начала проведения реформы, в особенности в последние годы, провинциальный комитет КПК и правительство Хэйлунцзяна непрерывно стимулируют привлечение инвестиций, и в этом вопросе достигнут значительный прогресс. На начальной стадии привлечения инвестиционных потоков под финансирование объектов в большинстве своем инвесторы представляли Гонконг, Макао и Тайвань, а в настоящее время инвестиционное сотрудничество развивается с 78 государствами и регионами мира. В 2007 г. объем основных инвестиций (освоенных иностранных инвестиций)

приходился на 5 государств и территорий мира — Гонконг, Бермудские острова, Британские Вирджинские острова, Каймановы острова и США, на которые приходится соответственно 730, 560, 410, 160 и 73,68 млн долл. Большая часть этих капиталовложений пошла на модернизацию промышленности и структурную перестройку экономики.

Проведение комплекса мероприятий по улучшению рыночной среды, постепенному снижению рисков и проведению рациональной инвестиционной политики стандартизировало рынок и сделало его прозрачным. Эти и другие мероприятия дали толчок бурному развитию совместных предприятий. В 2001 г. среди предприятий с иностранными инвестициями преобладали именно СП. В 2007 г. 1,06 млрд долл., или 65,4 % всех фактически освоенных контрактных инвестиций, приходилось на предприятия со 100%-ным иностранным капиталом.

Проводимые китайским правительством активные меры способствовали также расширению сфер применения инвестиций. Так, на первом этапе иностранный капитал в основном направлялся в обрабатывающие отрасли. В начале реформ область привлечения иноинвестиций ограничивалась несколькими отраслями: обрабатывающей промышленностью, строительством и немногочисленными секторами сферы услуг. С 1986 по 1991 г. в структуре распределения иностранных инвестиций преобладала промышленность, на которую приходилось 76,95 %, на торговлю недвижимостью — 15,62, на строительство — 2,4, на продукты питания — 1,87, на сельское хозяйство — 1,06, на транспорт и связь — 0,67 %.

В течение более чем 20 лет происходило непрерывное увеличение числа сфер привлечения иностранного капитала, особенно этот процесс активизировался после вступления Китая в ВТО, в основном за счет быстрого привлечения средств иностранных предпринимателей в сферу услуг. Области привлечения иноинвестиций расширяются, однако с учетом преимуществ, имеющих у индустриальной базы провинции, наибольший интерес иностранные инвесторы испытывают к шести базовым отраслям. Это производство оборудования, энергетическая сфера, нефтехимия, пищевая, фармацевтическая и дерево-

перерабатывающая промышленность. В 2007 г. привлеченные иностранные инвестиции распределились между тремя сферами следующим образом: 1-я сфера (сельское хозяйство, лесоводство, рыбоводство, животноводство) — 20 млн долл.; 2-я сфера (добывающие и обрабатывающие отрасли, энергетика, добыча нефти и газа, строительство) — 1,87 млрд долл.; 3-я сфера (все, что не входит в предыдущие две: транспорт, телеграфные и телефонные услуги, IT-отрасль, торговля, ресторанно-гостиничное хозяйство, финансы, операции с недвижимостью, коммунальные услуги, образование, медицина, культура и проч.) — 190 млн долл., т. е. в пропорции 1,3 : 89,7 : 9,0.

Заметно возросло количество стратегических инвесторов, также постепенно увеличивается вес крупных проектов. Вступив в XXI в., мировая индустрия все более решительно переводит промышленные мощности в Хэйлунцзян, этому также значительно благоприятствует принятая Программа возрождения Северо-Востока КНР. В связи с принятием Программы ряд министерств и ведомств КНР, а также китайские СМИ проводили мощную, рассчитанную на иностранную аудиторию рекламную кампанию, нацеленную на привлечение крупных инвесторов в строительство новых и реконструкцию старых провинциальных предприятий. Был провозглашен стратегический лозунг: «к изменению стратегии вложений инвестиций от малых и средних объектов к главенству крупных объектов; от количества в инвестируемые объекты к качеству». В свете этой стратегии в провинции Хэйлунцзян наметилась отчетливая тенденция роста размеров инвестиций, направляемых в крупные предприятия. Так, если в 1998 г. только 9 из крупнейших мировых ТНК вложили капиталы в 19 объектов на территории Хэйлунцзяна, то в 2007 г. уже 34 ТНК инвестировали в 44 объекта провинции. При этом речь идет о введенных в действие объектах. Это свидетельствует и о повышении уровня экономического развития провинции, и о концентрации ее промышленности. Проведение курса на расширение связки «промышленность — изобретение» также является благоприятным обстоятельством, способствующим развитию экономики территории.

Контракты на строительные подряды за рубежом и сотрудничество по предоставлению трудовых услуг

После начала осуществления реформ провинция Хэйлунцзян стала постепенно наращивать международное сотрудничество в форме контрактов на строительные подряды за рубежом и сотрудничество по предоставлению трудовых услуг. Тридцатилетние усилия, приложенные в этой сфере, привели к значительным результатам. К 2007 г. суммарный объем подписанных контрактов на строительные подряды за рубежом и по предоставлению рабочей силы составил 6,94 млрд долл., а объем завершенных работ — 3,35 млрд долл.

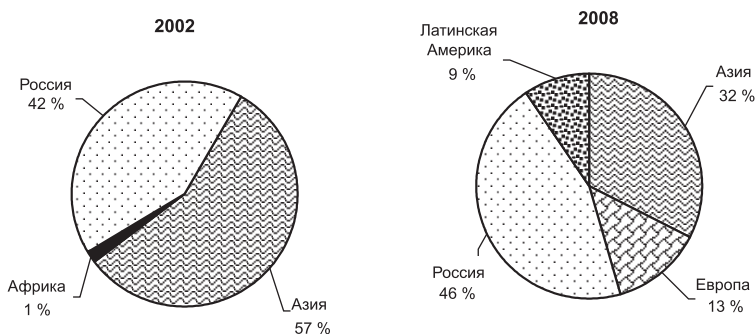

График 10. Географическая структура подрядных инженерно-строительных работ, выполненных провинцией Хэйлунцзян.

Источник: URL: <http://www.hl-doftec.gov.cn>

Этот вид сотрудничества особенно активизировался в 2007 г.: было подписано контрактов на 1,39 млрд долл., что в 3 раза больше, чем в 2006 г. Стоимость уже завершенных работ составила 690 млн долл. Только с Россией в 2007 г. было реализовано 57 новых проектов общей стоимостью 238 млн долл.

За рассматриваемый период международное технико-экономическое сотрудничество провинции непрерывно совершенст-

вовалось. Так, если на начальном этапе в основном практиковалось привлечение сельскохозяйственных рабочих в овощеводство и низкоквалифицированных рабочих в сферу строительства, то с развитием сотрудничества появился спрос на высококвалифицированных рабочих, способных строить высотные дома, автодороги, мосты, вести железнодорожное строительство и даже выполнять подрядные работы при возведении ТЭС и ГЭС, т. е. уже стали реальностью крупные высокотехнологические комплексы работ по строительству «под ключ».

* * *

В заключение хотелось бы высказать несколько соображений относительно прошедшего 30-летнего периода развития внешнеэкономической деятельности провинции Хэйлунцзян.

Во-первых, по сравнению с восточными провинциями КНР Хэйлунцзян значительно позже стал проводить всестороннюю политику открытости, поскольку многие базовые предприятия машиностроения (будучи полностью государственными) производили продукцию ВПК, и, следовательно, основная часть выпускаемой готовой продукции не могла экспортироваться. В связи с этим доля внешней торговли в ВВП провинции была достаточно низка.

Во-вторых, что касается форм торговли, то если на первом этапе их развития была велика доля бартерных операций, то затем, в конце 1990-х годов, выкристаллизовались две основные формы внешней торговли — обычная и приграничная малая. Но по мере увеличения открытости внешнему миру расширяются возможности освоения новых форм сотрудничества и усиления внешнеэкономической ориентации народного хозяйства, проявляются результаты стратегий «Идти вовне» и «Приглашаем приходите», предполагающие увеличение притока прямых иностранных инвестиций и развитие иных форм внешней торговли, таких, как переработка давальческого сырья (топлинговая торговля) и осуществление сделок по подрядам на инженерно-строительные объекты. Следует отметить, что формы внешней торговли проявляют определенную гибкость, что приносит очевидный экономический эффект.

В-третьих, следует остановиться на особенности географического распределения стран — контрагентов провинции. За годы реформ круг ее торговых партнеров значительно расширился, однако необходимо отметить главное направление внешней торговли Хэйлунцзяна. Так, в первые годы открытости основной товарооборот приходился только на три страны и регионы мира (Гонконг, СССР, Японию). Ко второй половине 1990-х годов произошло некоторое расширение круга зарубежных партнеров за счет Республики Корея и США. Но до сих пор мы не можем сказать, что география внешнеторговой деятельности Хэйлунцзяна широка, так как на долю ее основного партнера — Российской Федерации — приходится 45—48 % ОВТ провинции.

В-четвертых, можно очевидным образом констатировать значительное улучшение товарной структуры экспорта провинции, которое произошло вследствие роста объемов сделок по группе «готовая промышленная продукция». В 2007 г. на эту группу приходилось более 90 % товарооборота, и основной прирост в последние 3—4 года был достигнут за счет вывоза машинотехнической продукции. Но в этом вопросе есть свои «подводные камни»: если посмотреть более пристально на машины, станки, стройтехнику и многое другое экспортируемое Хэйлунцзяном машинотехническое оборудование, то можно заметить, что оно в основном было произведено не на территории провинции, а лишь «реэкспортировалось» из развитых восточных провинций хэйлунцзянскими внешнеторговыми фирмами-посредниками. Именно такой подход к ведению ВЭД является сдерживающим фактором в развитии и модернизации местной промышленности. Обратная сторона «медали» товарооборота — импорт. В нем преобладает сырье, главным образом необработанная древесина и сырая нефть. Хотя Хэйлунцзян исторически являлся базой промышленной лесозаготовки Китая, однако в связи с прозрачностью границ с Россией и мерами, введенными в конце 1990-х годов правительством КНР по запрещению свободной вырубке лесов, провинция Хэйлунцзян оказалась в очень благоприятной ситуации: сейчас дешевая российская древесина проходит глубокую переработку на более чем 400 деревоперерабатывающих предприятиях провин-

ции и затем большая доля их готовой продукции реэкспортируется в Японию и иные третьи страны.

И наконец, необходимо отметить, что за прошедшие 30 лет реформ Хэйлунцзян все же не смог извлечь пользу из своего благоприятного экономико-географического положения и наличия высококвалифицированных кадров, ибо только немногочисленные нечистоплотные бизнесмены сумели обогатиться за счет международного торгового сотрудничества, а сама провинция по многим экономическим показателям до сих пор находится во второй десятке провинций КНР.

Примечания

¹ См.: Хэйлунцзян дуйвай маой наньцянь. Харбин, 1991.

² 2000 нянь Хэйлунцзян шэн цзинци шэхуй синши фэньси юй юйцэ [Провинция Хэйлунцзян в 2000 г.: анализ и прогноз социально-экономической обстановки]. Харбин, 2000.

³ БИКИ. 17.04.1999.

⁴ <http://law.uglc.ru>

⁵ Яньбянь кайфан юй Хэйлунцзян — дуйвай цзинци яньцзю. Чанчунь, 1998.

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

*Р. А. Мировицкая**

ОТНОШЕНИЯ СССР С КИТАЕМ В ГОДЫ КРИЗИСА ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1931—1937 гг.)

Прошло слишком мало времени после окончания XX в. — периода стремительных перемен, войн и революций, чтобы дать исчерпывающую оценку событиям и процессам, разворачивавшимся на протяжении того столетия. И тем не менее в наше время, время стратегического партнерства двух великих государств — России и Китая, ставшего важным фактором и элементом международной политической стабильности, историческое прошлое, накопленный позитивный опыт советско(российско)-китайского взаимодействия представляет большой научный и политический интерес, ибо он позволяет лучше понять настоящее, определить перспективы будущего.

* Мировицкая Раиса Анатольевна, к. и. н., в. н. с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

* * *

Советская политика в Китае в первой половине XX в. была направлена на оказание поддержки китайскому народу, добивавшемуся создания объединенного (единого), независимого демократического китайского государства.

Каждое государство, великая держава или страна, ставшая на путь борьбы за независимость, реализует во внешней политике, прежде всего, свои государственные интересы (защита суверенитета, территориальной безопасности и целостности страны, создание благоприятных международных условий для политической, экономической, социальной сфер развития). Определение путей и способов решения этих проблем во многом зависит и зависело ранее от политики правящих кругов государства. В Москве на каждом этапе истории XX в. при разработке внешнеполитических приоритетов на дальневосточном направлении учитывались государственные интересы и СССР, и Китая, и в текущий исторический момент, и на перспективу.

Китай и Россия имели (и имеют сейчас) самую протяженную пограничную линию, обе страны обладают опытом более чем 400-летнего периода добрососедства. В XX в. модель российско-китайского взаимодействия являлась примером отношений двух разносистемных государств в экстремальных условиях революционных преобразований и в России, и в Китае. Оба государства решали свои политические программы развития, активно противодействуя вмешательству разноплановых сил извне¹.

В освещении и толковании событий истории советско-китайских отношений существовали и существуют проблемы, присущие международным отношениям в целом, просвечивается трудно различимая тонкая грань между «чистой историей» и прикладной политикой.

В 1930—1940-е годы отношения СССР с Китаем развивались в обстановке резкого обострения международной обстановки, кризиса Версальско-Вашингтонской системы и возникновения нового очага мировой войны; они находились под влиянием различных сил: японской агрессии в Китае, борьбы

региональных китайских военно-политических сил против нанкинского правительства, гражданской войны в Китае. Основные политические партии Китая Гоминьдан (ГМД) и Китайская коммунистическая партия (КПК) выступали за создание на китайской земле объединенного, независимого государства, что открывало возможности (в определенных исторических условиях) единства действий ГМД и КПК против общего врага — Японии. И ГМД, и КПК возлагали на СССР особые надежды в решении проблемы отношений «ГМД—КПК» в свете борьбы с Японией и были заинтересованы в развитии отношений с нашей страной. Первое обстоятельство вылилось в начало войны сопротивления китайского народа японской агрессии, второе — в начало формирования единого национального антияпонского фронта в Китае, который и определил возможность борьбы Китая за сохранение китайского государства.

На рубеже 1920—1930-х годов *советская дипломатия на дальневосточном направлении была ориентирована на поддержание добрососедских отношений и с Японией, и с Китаем.*

Япония выбрала чрезвычайно благоприятный для военных действий момент — основные военные силы ГМД вели борьбу с армией КПК. Правительство Чан Кайши исходило из того, что его режим слишком слаб, чтобы быть втянутым в вооруженный конфликт с Японией, поскольку Китай был политически нестабилен, главным образом из-за продолжавшейся гражданской войны (к началу 1932 г. КПК контролировала примерно 300 уездов в 11 провинциях Китая). В ноябре 1931 г., через два месяца после вторжения Японии в Северо-Восточный Китай (Дунбэй), была образована Китайская советская республика со столицей в Жуйцзине. Конечно, Китайская советская республика в 1931 г. была скорее виртуальным образованием, но у нее, при советской поддержке, были определенные перспективы. «Выжидательная позиция» западных держав, интересы которых пересекались в Китае, заставила Китайскую Республику (возглавляемую Чан Кайши) принять решение *не объявлять войну Японии, не выступать с заявлением о разрыве дипломатических отношений.* КР ограничилась подачей жалобы в Лигу Наций, потребовав восстановления статус-кво и компенсации причиненного ущерба.

Нанкинское правительство, рассчитывая решить проблему дипломатическим путем, обратилось к армии и населению северо-востока Китая с призывом избегать столкновения с японскими властями и ждать решения Лиги Наций.

Правительство СССР, советская общественность были серьезно озабочены развитием событий в Китае. В сентябре 1931 г. еще не были восстановлены советско-китайские дипломатические отношения (прерванные в 1929 г.). Длительный разрыв этих отношений был одним из обстоятельств, позволивших Японии вторгнуться в Китай.

Одним из прямых последствий японской агрессии явилось восстановление в полном объеме дипломатических и консульских отношений между СССР и КР. 26 июня 1932 г. представитель КР в Комитете по разоружению в Женеве Янь Хойцинъ сделал наркому иностранных дел СССР М. М. Литвинову официальное предложение правительства КР восстановить дипломатические отношения между странами и подписать договор о ненападении между КР и СССР. В Нанкине, столицах других держав не исключали, что нормализация советско-китайских отношений может ускорить начало японо-советской войны. Советский полпред Д. В. Богомолов, прибывший в Нанкин в начале 1933 г., в одном из первых докладов в Москву писал, что ожидание столкновения советских и японских войск как вариант развития событий широко обсуждается в китайском обществе². Правительство КР не исключало также, что восстановление дипломатических отношений с СССР будет способствовать стабилизации японо-китайских отношений.

Советское правительство, принимая решение по вопросам дальневосточной политики, учитывало, что не только Китай, но и Советская Россия тогда не были готовы к войне с Японией, а тем более к войне на два фронта (на Западе и Востоке). Советские программы модернизации страны (коллективизация, индустриализация), создание и укрепление оборонного комплекса находились в стадии начальной реализации, вызывая определенное напряжение в обществе, а оборонная доктрина не предусматривала ведения «превентивной» войны до нападения на СССР.

Отметим, что китайское правительство приняло решение о нормализации отношений с СССР, несмотря на наличие главного «раздражающего фактора» в советско-китайских отношениях — деятельности КПК. Китайская компартия получала из Москвы руководящие указания, разнообразную помощь, включая военную и финансовую. Формально это была помощь по линии Коминтерна, но фактически она являлась поддержкой китайских коммунистов со стороны советского государства.

Несмотря на серьезные разногласия, в Москве и Нанкине не забывали, что в 1920-е годы СССР оказал помощь национально-революционным силам Китая в создании армии, в организации Северного похода национально-революционной армии, руководителем которого был Чан Кайши, т. е. на определенном этапе китайской истории СССР поддерживал ГМД в борьбе за власть. Чан Кайши и его единомышленники осознавали значимость и результативность вероятной поддержки (военной, моральной) советского государства Китаю в складывавшейся международной и внутривосточной обстановке³.

Правительство СССР приняло решение о нормализации советско-китайских отношений в полном объеме. Переговоры о пакте ненападения было решено продолжить после восстановления отношений между странами⁴. Важнейшей задачей советской дальневосточной политики было, сохраняя на должном уровне советско-японские отношения и не вступая в войну с Японией, при необходимости оказать поддержку Китаю в отражении японской агрессии.

В 1933 г. открылись советское полпредство в Нанкине, генеральные консульства в Шанхае и Тяньцзине, а затем и в Пекине (в апреле 1937 г.). Штаты советских представительств были невелики: в полпредстве работало 10 человек, в генконсульствах — 5 (в Шанхае), 3 (в Пекине) и 2 (в Тяньцзине). Генконсулом в Шанхае, а затем и в Пекине был назначен И. И. Спильванек, в Тяньцзине — В. Н. Барков, опытные советские дипломаты. Полпредом СССР в КР стал Д. В. Богомолов⁵.

После восстановления советско-китайских отношений основным направлением советской политики на китайском направлении в 1931—1937 гг. стал диалог с правительством Китай-

ской Республики. В начале 1930-х годов советское правительство, учитывая особенности внутривнутриполитической ситуации в Китае (фактическая независимость или полунезависимость ряда китайских регионов от центра, в том числе вблизи линии прохождения советско-китайской границы, в Синьцзяне, во Внешней Монголии, где шел процесс создания монгольской государственности, в Маньчжурии), поддерживало с администрациями китайских провинций весьма широкие торгово-экономические и иные связи, рассчитывая, что руководители китайских провинций информировали бы о них нанкинское правительство.

В декабре 1931 г. Совет Лиги Наций принял первую резолюцию по маньчжурскому вопросу. Совет не стал вводить против Японии какие-либо санкции. Было принято решение организовать авторитетную международную комиссию для расследования событий в Северо-Восточном Китае. Перед комиссией под руководством лорда В. Литтона, в составе представителей Великобритании, Франции, Германии и США, стояла задача посетить страны Дальнего Востока и представить выводы и предложения в Совет Лиги Наций.

Из государств — гарантов Вашингтонской системы международных отношений наиболее ясную позицию заняли США. В январе 1932 г. государственный секретарь США Дж. Стимсон направил Китаю и Японии ноты, в которых была сформулирована позиция США в отношении японского вторжения в Северо-восточный Китай, получившая впоследствии известность как «доктрина Стимсона». В документе подчеркивалось, что США отказываются признавать какие-либо действия, нарушающие суверенитет и территориальную целостность Китая, а также международные договоренности, навязанные с помощью военной силы.

А тем временем Япония продолжала войну в Китае. В январе 1932 г. японские войска попытались захватить деловой центр Китая Шанхай. Под напором сил США и Великобритании им пришлось отступить, но Япония закрепилась на территории Дунбэя — Северо-Восточного Китая.

Осенью 1932 г. Лига Наций признала Японию агрессором, потребовала вывода ее войск из Дунбэя и призвала все государ-

ства мира не признавать Маньчжоу-го де-юре и де-факто. Экономические, военные санкции в отношении Японии Лигой Наций не предусматривались.

Япония отказалась признать выводы комиссии и резолюцию Лиги Наций, более того, вторглась в еще одну северо-восточную провинцию Китая — Жэхэ и присоединила ее к Маньчжоу-го. 27 марта 1933 г. Япония вышла из состава Лиги Наций. На Дальнем Востоке разрасталась конфликтная ситуация.

Вторжение японских войск в Северо-Восточный Китай побудило советское руководство к укреплению обороноспособности дальневосточных рубежей СССР и активизации усилий по созданию международной коллективной системы безопасности.

Закрепление японской армии в Дунбэе и создание на территории Северо-Восточного Китая плацдарма агрессии чрезвычайно обострило обстановку на Дальнем Востоке. Практически ни одно государство Азии не было застраховано от последующего расширения театра военных действий японской армии на континенте. Советское правительство неоднократно предлагало начать переговоры по заключению регионального Тихоокеанского пакта о взаимной помощи со всеми тихоокеанскими державами.

После получения информации о маньчжурском инциденте заместитель наркома иностранных дел СССР Л. М. Карахан сообщил главе китайской делегации на советско-китайской конференции Мо Дэгуо, что инцидент усиливает необходимость нормализации отношений между СССР и КР⁶. В заявлении Л. М. Карахана подчеркивалось, что китайское правительство может совершенно спокойно и свободно предпринимать те шаги, которые оно считает нужным, и что СССР всегда стоял и стоит за развитие дружественных отношений с Китаем. Наряду с этим *дипломатическим представителям СССР за рубежом было дано указание придерживаться строгого нейтралитета и ограничиваться регистрацией фактов.*

Советское государство по официальным каналам оказало поддержку китайской армии, отступавшей с боями под натиском японских сил к советским границам. Армия генерала Су Бинвэня перешла советско-маньчжурскую границу, далее была интернирована в Китай⁷.

В декабре 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций, считая, что эту международную организацию можно использовать как трибуну для защиты стран, подвергшихся агрессии извне. В 1933 г. были установлены дипломатические отношения с США.

Нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов в беседе с японским послом в Москве выразил серьезную обеспокоенность действиями японской армии, напомнив, что они грубо нарушают Портсмутский договор 1905 г., запрещавший Японии размещать войска в Северо-Восточном Китае. Посол заверил Литвинова, что Япония примет тщательные меры, чтобы избежать столкновения в зоне КВЖД и нанесения ущерба дороге, заметив, однако, что договор 1905 г. подписывался Японией с царской Россией⁸.

Вопросы внутренней и внешней политики Маньчжоу-го решались в Токио. Одной из важнейших стратегических задач советской внешней политики было сохранение добрососедских отношений со всеми странами региона. В директивах НКВД СССР, направленных полпреду СССР в Японии, А. А. Трояновскому поручалось вступить в неофициальные переговоры с японскими дипломатами по вопросу о советско-маньчжурских отношениях. Согласно архивным документам в директивах допускалась возможность сотрудничества де-факто с властями Маньчжоу-го на тех же условиях, которые действовали в отношениях с властями Северо-Восточного Китая с 20 сентября 1924 г. То есть в соответствии с Соглашением между правительством СССР и правительством Трех Автономных Восточных провинций Китайской Республики о КВЖД, судоходстве, передемаркации границы, тарифном и торговом соглашениях⁹.

Японская сторона настаивала на официальном признании Советским Союзом Маньчжоу-го. Однако этот вопрос в Москве был снят. Тем не менее де-факто отношения между СССР и Маньчжоу-го имели место. В 1932 г. открылись консульства Маньчжоу-го в Чите и Благовещенске (однако вопрос об открытии в Москве генконсульства Маньчжоу-го, на чем настаивали японские и маньчжурские власти, был советским правительством заблокирован).

Советские дипломаты в Китае и Японии продолжали отслеживать реакцию нанкинского правительства, а также властей Маньчжоу-го на политику СССР. Советский полпред в КР Д. В. Богомолов в докладе, направленном в Москву 30 января 1934 г., писал: «Первые месяцы 1933 г., от восстановления отношений до приезда полпредства, в китайских кругах возлагали большие надежды на помощь со стороны Советского Союза в японо-китайском конфликте. Возможно, что руководящая часть правительства, представляемая Чан Кайши, не рассчитывала и даже не хотела этого, но часть руководящих кругов нанкинского правительства, находившаяся под влиянием широкой кампании в китайской прессе в пользу восстановления отношений, безусловно надеялась на некоторую поддержку от Советского Союза для оказания сопротивления Японии ... Но охлаждение наступило довольно быстро ... совпало с опубликованием нашего предложения о продаже КВЖД»¹⁰. Однако переговоры между странами о подписании пакта о ненападении, торговле и другим вопросам начались. Ожидать заметного прогресса в сфере межгосударственных отношений в первой половине 1930-х годов было нереально, хотя путь к договоренностям был открыт.

Во второй половине 1934 г. наметились определенные подвижки в деле сближения позиций руководства СССР и КР по проблемам советско-китайских отношений. Это позволило Чан Кайши поставить вопрос о возможности возвращения его сына из СССР на родину.

Цзян Цзинго, сын Чан Кайши, с 1925 г. жил и работал в СССР, на Урале¹¹. 8 марта 1937 г. ПБ ЦК ВКП(б) приняло постановление: «Не возражать против поездки в Китай сына Чан Кайши, если он сам на это согласен»¹². В начале мая 1937 г. Цзян Цзинго вернулся в Китай. В начале мая в Китай также вернулся из длительного отпуска полпред Д. В. Богомолов¹³.

В последующие годы Чан Кайши с успехом использовал неформальные каналы связи или личную дипломатию, направляя в Москву, к И. В. Сталину, специальных представителей из числа доверенных лиц, среди которых был и его сын — Цзян Цзинго, сын Сунь Ятсена — Сунь Фо, генералы Ян Цзэ и Хэ Яоцзу, известный деятель ГМД Шао Лицзы и др., с личными

посланиями, адресованными руководителям СССР для обсуждения и решения вопросов двусторонних советско-китайских отношений, международных связей в целом.

В середине декабря 1933 г. китайским средствам массовой информации было дано указание не публиковать материалы с изложением предполагаемых статей советско-китайского пакта о ненападении, а когда информация о переговорах все-таки появилась в прессе, МИД КР опубликовал опровержение¹⁴. Полпред Д. В. Богомолов в послании, направленном в НКВД СССР, сообщал, что, по мнению китайцев, «дружественные отношения с СССР могли бы иметь для китайцев ценность, если бы создавали гарантию против японской агрессии, с этой точки зрения советский нейтралитет ничего не даст, так как вследствие своей слабости Китай не может оказать сопротивление Японии»¹⁵.

Переговоры продолжались. 11 мая 1933 г. китайская сторона вручила советскому полпреду проект пакта о ненападении между КР и СССР. Полпред направил документ в Москву, выразил сомнение в приемлемости отдельных его статей¹⁶. Л. М. Карахан поручил Д. В. Богомолову заявить китайской стороне о принципиальном согласии на ведение переговоров по пакту о ненападении. Советский проект пакта был утвержден ПБ ЦК ВКП(б) и вручен представителям КР 13 октября 1933 г. Отказ Японии подписать с СССР пакт о ненападении (1931 г.) воспринимался в Китае как подготовка японского правительства к обострению японо-советских отношений. В докладе Богомолова «Политическое и экономическое положение Китая в 1933 г.» отмечалось, что: «1. Политику Китая по отношению к нам определяют: ожидание советско-японской войны, уверенность в ее неизбежности. 2. Нанкин не желает идти на пакт с нами, опасаясь осложнения отношений с Японией, новых репрессий с ее стороны, не желает себя связывать с нами на случай советско-японской войны»¹⁷. В Москве приняли решение занять выжидательную позицию. Как и Китай, СССР опасался санкций со стороны Японии.

К тому же начались советско-японские (маньчжурские) переговоры о продаже КВЖД, вызвавшие дополнительно напряжение в советско-китайских отношениях.

Летом 1934 г. Ван Цзинвэй заверил японскую сторону, что пакт о ненападении с советским государством Китай не подпишет. 11 октября 1934 г. он же в беседе с советским полпредом заявил, что, по мнению китайской стороны, пакт о ненападении в данное время не нужен ни Китаю, ни СССР, ибо оба государства не являются агрессорами, а, наоборот, государствами, которым угрожает агрессия. К тому же обе страны являются членами Лиги Наций, что освобождает их от необходимости заключать особые пакты о ненападении.

Но советские и китайские лидеры продолжали, хотя и очень осторожно, искать пути к сближению позиций. Так, в СССР считали важным довести до китайской стороны содержание советской политики в провинции Синьцзян, во Внешней Монголии и в других районах, пограничных с СССР.

В 1933—1934 гг. советское правительство приняло ряд решений по такой чувствительной в советско-китайском диалоге проблеме, как политика Москвы в отношении провинции Синьцзян: 3 августа 1933 г. на ПБ ЦК ВКП(б) были утверждены (единогласно) директивы по работе в Синьцзяне, первым пунктом которых было: «Считать неприемлемым поддерживать лозунги и политику отделения Синьцзяна от Китая»¹⁸. В развитие документа 27 сентября 1933 г. Г. Я. Сокольников, заместитель наркома иностранных дел (и один из соавторов директив), в письме Д. В. Богомолу сообщал: «Мы будем проводить твердую линию на сохранение суверенитета Китая [в Синьцзяне] и не будем ни в коей мере поддерживать какие-либо сепаратистские движения в Синьцзяне. Но наши экономические интересы в Синьцзяне очень значительны, и мы не имеем никаких оснований отказываться от укрепления экономических связей с Синьцзяном, что также целиком соответствует интересам самого Синьцзяна, для которого СССР в силу своего географического положения при данном развитии путей сообщения почти единственный рынок сбыта»¹⁹.

В развитие директив в июле 1934 г. была начата переписка советского руководства (И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов) с дубанем (губернатором) Синьцзяна Шэнь Шицаем. В письме от 27 июля 1934 г. из Москвы подчеркивалось: «Мы

считаем неправильным мнение о необходимости, целесообразности для Синьцзяна свергнуть нанкинское правительство ... Оно находится на пути борьбы с внешними империалистическими врагами Китая. Теперь, когда империалисты отрывают от Китая провинцию за провинцией ... задача состоит в том, чтобы бороться против всего того, что может ослабить Китай ... *Вот почему мы Вам советуем держаться в отношении нанкинского правительства политики полной лояльности и единого фронта с ним в борьбе с империализмом*²⁰. В директивном письме советскому советнику Шэнь Шицай Г. А. Апресову особо подчеркивалось: «Первое — СССР стоит твердо и непоколебимо на точке зрения целостности Китая и ни прямых, ни косвенных вождедений в отношении Китая не имеем.

Второе. Мы поддерживаем и намерены поддерживать Шэня только потому, что считаем территориальную целостность Китая целесообразным и желательным не только с точки зрения Китая, но и с точки зрения СССР»²¹.

В письме Шэнь Шицай в Москву от 1 ноября 1934 г. отмечалось: «Я также согласен с Вашим указанием о неправильности мнения о целесообразности для Синьцзяна свергнуть нанкинское правительство. Нанкин еще стоит на антиимпериалистическом пути ... Если нанкинское правительство никогда не станет авангардом империализма ... то я, конечно, буду ему полностью и искренне подчиняться»²².

Советскому полпредству в Нанкине поручалось разъяснить правительству КР цели и задачи сотрудничества СССР с местными властями Синьцзяна. 8 августа 1934 г. НКВД СССР обратил внимание полпреда Богомолова на то, что «важнейшим практическим вопросом наших отношений с Нанкинским правительством является договоренность относительно Синьцзяна». Вопрос о Синьцзяне постоянно присутствовал в советско-китайских отношениях 1935—1937 гг., оставаясь одной из приоритетных межгосударственных проблем.

На синьцзянском пространстве постоянно тлели очаги межнациональных конфликтов. Эти события вблизи советских границ не могли не беспокоить Москву. К тому же в советской торговле на азиатском пространстве Синьцзян занимал почетное

третье место после Персии и Монголии. Внешняя торговля в основном велась через Совсинторг. Кроме того, СССР оказывал Синьцзяну значительную финансовую, военно-техническую, инструкторскую помощь²³. В феврале 1935 г. ПБ ЦК ВКП(б) приняло решение предоставить правительству провинции заем в размере 5 млн зол. рублей. Правительство Чан Кайши, естественно, внимательно отслеживало действия СССР в провинции, проявляя озабоченность активностью советских внешнеторговых и других ведомств.

21 марта 1935 г. нарком иностранных дел М. М. Литвинов в беседе с послом Янь Хойцинем особо подчеркнул, что «никакие вождедения в отношении Синьцзяна, ни в отношении других частей китайской территории мы не имеем. Наше сотрудничество с местной властью укрепляет суверенитет Китая. Мы заинтересованы лишь в том, чтобы Синьцзян не попал под влияние третьих стран, в сохранении торговли с Синьцзяном, одинаково полезной и нам, и синьцзянскому населению». Советские дипломаты неоднократно подтверждали, что СССР будет неизменно приветствовать усиление авторитета правительства КР в Синьцзяне.

Как известно, на первом этапе японо-китайской войны, в 1937 и 1938 гг., Синьцзян стал одним из важнейших путей, по которому СССР направлял сражавшемуся Китаю военно-техническую и инструкторскую поддержку²⁴.

После вторжения японской армии в Северо-Восточный Китай осенью 1931 г. ведущим направлением японской политики, как уже отмечалось, было вытеснение России из региона, в том числе с КВЖД. Советское руководство в первой половине 1932 г. полагало возможным сохранение в районе КВЖД режима, существовавшего с сентября 1924 г. (Соглашение с властями Северо-востока, подписанное 20 сентября 1924 г.), но японо-маньчжурская сторона продолжала нагнетать обстановку. Руководство СССР в целях сохранения мира и избежания вооруженных конфликтов с Японией вынуждено было в 1933 г. принять решение о продаже КВЖД японо-маньчжурской стороне и об эвакуации из Дунбэя советских работников КВЖД и членов их семей.

После двух лет проволок и провокаций КВЖД была продана за 140 млн иен, с внесением $\frac{1}{3}$ суммы деньгами, а $\frac{2}{3}$ — поставками маньчжурских и японских товаров по советским заказам в течение трех лет. Дополнительно выделялось 30 млн иен для выплаты советским служащим, работавшим на КВЖД, в качестве выходных пособий, пенсий и т. д. Обусловленная сумма была вынужденной, мизерной по сравнению с фактической стоимостью КВЖД и обслуживавших дорогу объектов.

Соглашение с японо-маньчжурской стороной, повторяем, было вынужденной акцией с целью локализации японских провокаций на дороге, т. е. в зоне советско-маньчжурской границы. В докладной записке полпреда СССР в Японии К. К. Юренева в НКВД СССР от 9 февраля 1935 г. были подведены итоги прошедших переговоров, в которых, по его мнению, ярко проявились гибкость и прагматизм дипломатии России и Японии²⁵. В частности, Юренев отметил, что «мы сделали, несомненно, очень большие уступки Хироте, но и он также пошел навстречу во многом, особенно в вопросе о расчетах с рабочими и служащими ... Сговариваясь с нами о дороге, Хирота, как это нами предвиделось, готовил новый шахматный ход в очень деликатном с точки зрения советско-японских отношений направлении — в вопросе о так называемых вооружениях и укреплении СССР на Дальнем Востоке и в особенности вдоль границы СССР с Маньчжоу-го, в вопросе о советских подводных лодках»²⁶. Да, действительно в период переговоров с японцами СССР ценой огромных усилий значительно укрепил восточную границу и к концу 1936 г. стал одной из крупнейших тихоокеанских держав. Если ранее в Японии считалось, что можно спровоцировать войну против СССР и одержать быструю победу, то в середине 1930-х годов Японии пришлось внести коррективы в свой политический курс на Дальнем Востоке.

Советский Союз подписал соглашение о КВЖД с третьей стороной, переуступил свои права на КВЖД *без согласования с Китаем*, что противоречило советско-китайским договоренностям 1924 г., но действия советского руководства определились главным образом особенностями международных отношений в регионе, опасением ввергнуть Советскую страну в войну еще

неподготовленной и одновременно как на Востоке, так и на Западе. Соглашение «СССР—Японо-маньчжурская сторона» о КВЖД вызвало закономерную реакцию китайской стороны — протесты правительства и общественности, что на неопределенное время снизило возможность улучшения советско-китайских отношений²⁷.

Следует вспомнить, что китайская сторона в 1929 г. предприняла попытку вооруженного захвата КВЖД, объясняя ее стремлением реализовать программу отмены неравноправных договоров западного мира с Китаем²⁸.

После того как информация о переговорах стала достоянием прессы, в ходе советско-японских контактов о продаже КВЖД НКВД СССР неоднократно разъяснял, что «Лига Наций не выполнила свои обязанности по защите Китая от агрессии, в результате нового положения, сложившегося в трех северо-восточных провинциях Китая, СССР несет крупнейший материальный и политический ущерб. Это положение и вызванный им ущерб находится в полном противоречии с Пекинским договором 1924 г. и Китай как контрагент СССР в этом договоре, не мог предотвратить этого ущерба. Советский Союз сам должен был стремиться оградить свои материальные и политические интересы на КВЖД и связанные с КВЖД в результате чего и возникло предложение продать КВЖД новой власти в Северо-восточного Китая, если Китай восстановит свою власть в Дунбэе, то тогда он получит КВЖД целиком в свое владение, без всякого выкупа и, следовательно, выиграет от продажи КВЖД на настоящем этапе»²⁹. Спустя 10 лет, в 1945 г., начался второй этап советско-китайского сотрудничества на КВЖД³⁰.

Обзор упомянутых проблем свидетельствует, в какой сложнейшей международной обстановке, отягощенной непростым историческим наследием, приходилось действовать Советскому Союзу и Китайской Республике в ходе согласования общих для стран вопросов войны и мира, связанных с японской агрессией. Но главной проблемой в советско-китайских отношениях была гражданская война в Китае.

В июле 1935 г. китайская сторона поставила перед советским полпредом вопрос: готово ли советское правительство подпи-

сать с Китаем пакт о взаимопомощи? Вопрос был для полпреда неожиданный. В Китае уже шла необъявленная японо-китайская война, и подписание договора автоматически вовлекло бы СССР в войну с Японией. Полпред заметил, что в настоящее время не подписаны договоры о ненападении, о торговле, по другим вопросам советско-китайских отношений. Кун Сянси, замещавший в тот момент Ван Цзинвэя на посту председателя правительства, заметил, что в отличие от МИД КР правительство Китая готово к переговорам по всем вопросам отношений, но на это требуется время³¹.

Правительству Чан Кайши становилась все очевиднее допущенная им ошибка — неоправданный расчет на военное столкновение Японии и СССР и на решение проблем китайско-японских отношений дипломатическим путем. Требовались другие оценки роли Советского Союза в дальневосточных делах. На передний план выдвигалась проблема получения Китаем активной и дружественной военной помощи от СССР. Параллельно с этим правительство Китая продолжало добиваться военного содействия от западных держав.

Политика СССР состояла в недопущении трансформации Китая в «добровольную жертву» японской агрессии. На V пленуме ЦИК ГМД (6 декабря 1934 г.) были сформулированы задачи, стоявшие перед Китаем: добиваться территориального единства и суверенитета страны и сохранения ее политической независимости, а также построения международных отношений на принципах равенства. Советская политика была направлена на поддержку КР на пути к объединению и независимости, достижению равноправного положения в международных отношениях.

Вопрос о предоставлении советской военно-технической помощи был узловым в отношениях между СССР и КР. В Нанкине понимали, что СССР не начнет поставки вооружения китайской армии, не будучи уверенным, что оно не станет использоваться в борьбе с армией КПК. Таким образом, возможность поставки оружия была увязана с внутривнутриполитическим единством в Китае.

Проблема достижения единства ГМД и КПК в борьбе с Японией особо актуализировалась *после выхода китайской*

Красной армии из глубинных районов Китая в район Шэньси—Ганьсу—Нинся. Именно тогда открылась возможность для начала контактов представителей двух китайских политических партий.

К этому времени советское руководство, Коминтерн, КПК разработали программу действий, учитывавшую изменения в международных отношениях, новые китайские реалии. Ее положения нашли отражение в решениях VII Конгресса Коминтерна³².

Поскольку деятельность Коминтерна находилась под жестким контролем ПБ ЦК ВКП(б), публичное заседание Конгресса Коминтерна в Москве стало подтверждением того, что на китайском направлении СССР взял курс на возможность создания единого антияпонского фронта Гоминьдана и КПК.

Для понимания политической обстановки, в которой приходилось действовать и принимать решения правительству Чан Кайши и правительству СССР, следует напомнить и о беседе Чан Кайши с послом КР в СССР Янь Хойцинем *в ноябре 1934 г.* Чан Кайши говорил послу, что очень хотел бы сотрудничать с Советским Союзом, но ввиду сложившегося положения и той *внимательности*, с которой японцы следят за каждым его шагом по отношению к России, это весьма трудно делать. Японский фактор доминировал в китайско-советских отношениях и в последующие годы.

В первой половине 1936 г. у Д. В. Богомолова состоялись встречи с видными представителями ГМД. В 1936 г. Сун Цзывэнь сообщил полпреду, что японцы настаивают на объявлении Сун Чжэюанем автономии северных провинций Китая, более того, готовят военное выступление в Циндао и Фуцзяни против Внешней Монголии, причем в Берлине подписано военное соглашение, направленное против СССР.

Кун Сянси проинформировал Богомолова о том, что японцы требуют свободы действий в районах [Китай] вне Великой стены: во Внутренней Монголии, северо-западных провинциях, включая Ганьсу и Синьцзян.

23 марта 1936 г. советский полпред направил в НКВД письмо, в котором сообщал, что усиление темпов японской агрессии

должно, по его мнению, «увеличить интерес Чан Кайши к достижению соглашений с другими группировками и партиями [в Китае], включая КПК». Богомолов писал, что не информировал центр «об отношениях Чжан Сюэяна с коммунистами, так как полагал, что в Москве об этом известно больше, чем мне», т. е. из документа следует, что по коминтерновской линии реализовывались определенные новые программные установки по роли региональных китайских группировок в отражении японской агрессии и деятельности КПК в данном вопросе. Полпред сообщал также: «Я следил внимательно за продвижением армии Мао Цзэдуна в Шэньси и не могу себе представить, как бы они могли проникнуть туда, если бы Чжан Сюэян не отвел свою армию со значительного участка, открыв дорогу в Шэньси. Так, вероятно, и было.

Полагаю, что и сам Чан Кайши не возражал против проникновения красных армий в Шэньси»³³. Напомним, эта запись была сделана полпредом *весной 1936 г.*

Как известно, в течение 1931—1935 гг. по коминтерновской линии шел процесс частичного пересмотра политического курса в отношении ряда региональных военно-политических группировок, использовавшихся в борьбе против правительства Чан Кайши.

После выхода основных сил китайской Красной армии (ККА) на северо-запад страны, создания там Пограничного района Шэньси—Ганьсу—Нинся, со столицей Яньанью, руководство КПК установило контакты с командованием Северо-западными армиями³⁴. В ходе переговоров генерал Чжан Сюэян выразил согласие сотрудничать с КПК в борьбе против Японии, но отрицал возможность объединения с Чан Кайши.

Чан Кайши же в ноябре 1935 г. предпринял шаги к установлению неофициальных контактов с КПК, возложив данную миссию на Чэнь Лифу³⁵, и направил военного атташе посольства КР в Москве Дэн Вэньи для встречи с В.К.Блюхером, а также Ван Мином. Запись беседы с Ван Мином была опубликована в издании ВКП(б) «Коминтерн и китайская революция» (Т. 4)³⁶.

27 февраля 1936 г. руководство КПК получило предложение от нанкинского правительства КР приступить к неофициаль-

ным переговорам³⁷. В выступлении 5 апреля 1936 г. Чжоу Эньлай, проанализировав развитие отношений между армией КПК и армией генералов Чжан Сюэяна и Ян Хучэна, высказал мнение о возможности совместного выступления против Чан Кайши. Однако уже 10 августа 1936 г. Чжоу Эньлай на заседании ПБ ЦК КПК внес предложение снять лозунг «для отпора Японии необходимо бороться с Чан Кайши»³⁸. В то же время активизировалась переписка между Чжоу Эньлаем как представителем КПК и Чэнь Лифу, представлявшим правительство Китая (сентябрь 1936 г.).

С июля-августа 1935 г. китайская политика Москвы определялась поисками пути создания в Китае антияпонского фронта ГМД—КПК и развития советско-китайского сотрудничества по государственной линии. 28 декабря 1935 г. Б. С. Стомоняков в письме советскому полпреду разъяснил позицию НКВД СССР и руководства страны. В письме указывалось, что Москва согласна на предложение Чан Кайши о сотрудничестве и взаимной помощи против японской агрессии, и подчеркивалось, что «мы готовы оказать посильную поддержку Китаю, если бы он действительно вступил в освободительную войну против Японии (курсив мой. — Р.М.)». В письме также говорилось, что, возможно, еще не наступил момент, подходящий для соглашения с Чан Кайши, поскольку Чан Кайши на данном этапе колеблется и идет на уступки Японии. Полпреду Д. В. Богомолу было дано поручение встретиться с Чан Кайши, выяснить его планы по защите Китая от агрессии и его мнение о характере вероятных обязательств СССР. Также в письме указывалось, что «без реализации единого военного фронта войск Чан Кайши с частями китайской Красной армии невозможна серьезная борьба против японской агрессии». Полпред должен был заявить Чан Кайши, что *посреднические функции СССР в этом вопросе исключаются*³⁹.

Еще до получения данного указания 19 декабря 1935 г. состоялась встреча полпреда с Чан Кайши. Д. В. Богомолу подчеркнул, что СССР — сторонник политического объединения и экономической стабильности Китая, так как только в этом случае Китай будет важным фактором мира на Дальнем

Востоке. Чан Кайши заявил, что в прошлом между нашими странами были недоразумения, в том числе и по вопросу его отношений с КПК. Чан Кайши предложил положить в основу советско-китайских отношений соглашение Сунь Ятсена — Иоффе, подписанное в январе 1923 г. Богомолов, которого при откомандировании в Китай, очевидно, не ознакомили с историей советско-китайских отношений и соответствующими базовыми документами, направил ряд телеграмм и писем в НКВД СССР с предложением согласиться с Чан Кайши и открыть путь для договоренностей по развитию отношений с Китаем.

Ответ Богомолов получил только 19 мая 1936 г. В телеграмме Б. С. Стомоняков разъяснил полпреду, что «основой этой декларации было признание со стороны А. А. Иоффе, полпреда СССР в Пекине в 1922—1923 гг., о неприемлемости для Китая советского строя и коммунистической организации. Вы сами понимаете, что подтверждение нами этого тезиса... было бы поистине ударом ножом в спину героической китайской компартии и китайским красным армиям»⁴⁰.

3 мая 1936 г. полпред сообщил в Центр, что Северо-западная группировка (Чжан Сюэлян и др.) как часть китайского общества «в принципе за соглашение с красными армиями» и что «перемирие с красными» фактически заключено. В общем, пишет Д. В. Богомолов, в «последнее время внутри Гоминьдана происходит своеобразная переориентировка отдельных группировок по двум направлениям: за соглашение с Японией или за борьбу против Японии». В этом процессе «сущность политики Чан Кайши заключается в игре на время. Он по-прежнему продолжает надеяться, что в международных отношениях на Дальнем Востоке произойдет какой-нибудь крупный фактор (например, советско-японская война), который создаст для него благоприятную обстановку». Однако с усилением японской агрессии все менее возможным становится сближение Чан Кайши с Японией. Полпред информировал Москву, что «из совершенно достоверных источников нам известно, что Чан Кайши принимает серьезные меры к подготовке сопротивления Японии»⁴¹.

В октябре 1935 г. и в октябре 1936 г. представители СССР и КР активно обсуждали вопрос о подписании пакта взаимопомощи и военно-технической помощи Китаю.

9 октября 1935 г. Кун Сянси поставил перед Богомоловым вопрос: возможна ли транспортировка военных грузов из СССР в Китай через Синьцзян в случае войны Китая с Японией? А 18 октября обсуждался вопрос о подписании «секретного военного соглашения, которое смогло бы обеспечить мир на Дальнем Востоке». Чан Кайши заверил при этом полпреда, что Китай не согласится никогда на военный союз с Японией против СССР. 20 ноября 1935 г., получив соответствующие указания из Москвы, полпред сообщил Кун Сянси, что «мы согласны продавать все, что производим» (имелись в виду поставки из СССР самолетов и запчастей к ним, танков и др. через Синьцзян).

В такой ответственный период переговоров, когда реально открывалась возможность подписания документа о советских военных поставках в Китай, Чан Кайши и поставил перед советским правительством вопрос о желательности подтверждения известного соглашения Сунь Ятсена — Иоффе как основы советско-китайского сотрудничества на текущем этапе.

Чан Кайши сообщил Богомолову, что самый важный вопрос в китайско-советских отношениях — КПК, что «хорошо бы, если бы СССР оказал давление в сторону признания ею авторитета Нанкина»⁴². Богомолов отказался «влиять» сам, но обещал информировать Москву. Советское правительство со своей стороны 21 марта 1936 г. интересовалось, готово ли китайское правительство подписать совместное соглашение о военной помощи Внешней Монголии⁴³? В части посредничества СССР в китайско-китайских отношениях (Гоминьдан — КПК) говорилось, что «мы будем приветствовать любое соглашение между ними и их совместную борьбу для защиты целостности Китая», причем на базе признания ККА авторитета власти в Нанкине.

В Москве, кроме того, настаивали на получении полной информации о японо-китайских переговорах по Протоколу от 12 марта 1936 г. и в целом о японо-китайских переговорах, перспективах и задачах, поставленных Чан Кайши. 19 мая 1936 г.

Б. С. Стомоняков писал советскому полпреду, что «у нас за последние два месяца создалось впечатление, что позиция китпра к переговорам радикально изменилась...», имея в виду ноту протеста по монгольской проблеме. В Москве считали, что нота была направлена «под давлением Японии». Между тем, подчеркивалось в письме Б.С.Стомонякова, «защита Монголии Советским Союзом против Японии очевидным образом соответствует интересам Китая и это неоднократно подтверждалось в наших общих переговорах с нанкинским правительством». Кроме того, в письме от 19 мая сообщалось, что «мы с интересом и удовлетворением ознакомились с заявлением Куна, что Чан Кайши считает переговоры между нами продолжающимися»⁴⁴.

28 июля 1936 г. Б. С. Стомоняков, комментируя беседы в Нанкине с Чан Кайши, Чэнь Лифу, Кун Сянси, дал указание поддерживать существующую атмосферу переговоров, подчеркивая их «продолжающийся характер». Вместе с тем в комментарии отмечалось, что «китайская сторона еще не выявила своих намерений, выжидая дальнейшего развития международной ситуации...», «надо избегать заявлений, которые могут быть истолкованы как подталкивание Китая на оказание сопротивления Японии. Нельзя также согласиться с необходимостью подтверждать китайцам, что в случае китайско-японского столкновения мы во всех случаях окажем поддержку Китаю»⁴⁵.

В конце августа китайская сторона вновь вернулась к вопросу о подписании пакта о взаимопомощи.

2 сентября 1936 г. Богомолов в письме Стомонякову, сообщая о беседах в Нанкине, в том числе по вопросу пакта о взаимопомощи, писал: «Я считаю, что вообще заключение нами пакта о взаимопомощи с Китаем весьма желательно... Однако я полагаю, что в данный момент внутривнутриполитическое положение в Китае слишком неясное, чтобы мы могли бы идти на такой шаг. Отсюда практический вывод — по возможности затянуть переговоры, не нарушая той достаточно дружественной атмосферы, которая существует в настоящее время»⁴⁶.

Ранее, 27 июля 1936 г., Г. Димитров, секретарь ИККИ, пишет письмо И. В. Сталину по вопросу о необходимости создания в Китае единого антияпонского фронта и сообщает, что

«необходимо дать нашим китайским товарищам (после беседы с Вами) ... разъяснение и советы по вопросу о едином анти-японском национальном фронте». Г. Димитров пишет, что «нужно взять курс на прекращение военных действий между Красной Армией и армией Чан Кайши, на соглашение с ней для борьбы против японских захватчиков, нужно, чтобы ККА и КПК официально предложили Гоминьдану и Чан Кайши немедленно вступить в переговоры о прекращении военных действий и заключении конкретного соглашения о сотрудничестве». В документе Г. Димитров подчеркивал, что КПК не должна поддерживать юго-западных генералов в их борьбе с Чан Кайши и что необходимо снять лозунг о немедленном объявлении войны Японии, заменив его лозунгом «Вон японских захватчиков из Китая!».

В письме затрагивался и вопрос о генерале Чжан Сюэляне: «Контакт с Чжан Сюэляном необходимо поддерживать, но самого Чжан Сюэляна нельзя рассматривать как надежного союзника. Особенно после поражения юго-западной (группировки) вполне возможны новые колебания Чжан Сюэляна либо даже прямое его предательство по отношению к нам.

Мы ждем вашего делегата, чтобы подробно обсудить с ним весь круг поднимаемых вами вопросов и дать на них исчерпывающие ответы»⁴⁷.

На полях документа *помета* И. В. Сталина: «За. И.Ст [алин]⁴⁸». Таким образом, Коминтерн в лице его руководителя поддержал инициативы правительства СССР на создание единого антияпонского фронта, имевшие огромное значение для последующей истории Китая.

10 ноября 1936 г. Д. В. Богомолов выехал в Москву. Воспользовавшись его отсутствием, посол КР в СССР Цзян Тинфу предпринял попытки перенести переговоры об улучшении отношений между странами в Москву, но нарком М. М. Литвинов, подчеркнув доверительный характер переговоров, которые вел полпред в Нанкине, отклонил предложение.

На расстановку политических сил в Китае заметно повлияли Сианьские события (декабрь 1936 г.)⁴⁹. На их заключительном этапе ГМД и КПК согласились *в принципе* на создание

единого фронта в стране с целью борьбы против японской агрессии. Сами события — попытка командования Северо-западной армии (совместно с представителями КПК) расправиться с Чан Кайши — были расценены Сталиным как самая большая польза, которую можно было оказать Японии⁵⁰. Согласно записям в дневнике Г. Димитрова только вмешательство И. В. Сталина, настаивавшего на необходимости мирного решения конфликта в Сиани и на использовании факта этих событий в переговорах с Чан Кайши, помогло исправить ситуацию.

15 декабря М. М. Литвинов принял посла КР и заявил, что Москва считает выступление Чжан Сюэяна большим несчастьем. 16 декабря Б. С. Стомоняков в телеграмме временному поверенному в делах И. И. Спильванеку осудил Сианьские события, «которые объективно могут принести пользу только врагам Китая»⁵¹.

19 января 1937 г. ПБ ЦК ВКП(б) согласовало директивы для ЦК КПК: курс на поддержку всех мероприятий Гоминьдана и нанкинского правительства, направленных на прекращение гражданской войны и объединение всех сил китайского народа в борьбе против японской агрессии⁵².

Китайское руководство стало интересоваться, когда же полпред Богомолов вернется в Китай. 11 февраля Б. С. Стомоняков поручил И. И. Спильванеку сообщить китайской стороне, что полпред сделал доклад советскому правительству с конкретными предложениями по вопросу о сотрудничестве с Китаем и в конце февраля выедет в Китай⁵³. Однако решение об отъезде Д. В. Богомолова было принято только в марте 1937 г. Это было связано главным образом с корректировкой позиции советского правительства по китайской проблеме. Если в конце 1936 г. советское руководство, считая преждевременным заключение двустороннего пакта о взаимопомощи, все же предлагало заключить советско-китайский пакт о дружбе, то весной 1937 г. оно заняло еще более осторожную позицию. Объяснялось это активизацией политики умиротворения агрессоров, которую последовательно стали проводить правительства Запада в Абиссинии, Испании и Китае, консолидацией сил Германии и Японии, подписавших 25 ноября 1936 г. «Антикоминтерновский пакт»,

направленный против СССР, а также внутривластными событиями в СССР (февральский пленум ЦК ВКП(б)). Советское руководство видело единственную возможность противостоять агрессору в создании коллективного фронта миролюбивых государств. Китайское правительство считало, что пакты, подобные «Антикоминтерновскому», не могут гарантировать безопасность.

7 апреля 1937 г. ПБ ЦК ВКП(б) приняло Постановление утвердить представленный НКВД проект пакта о ненападении. Вернувшийся в Китай после полугодового отсутствия полпред в докладе в Москву от 5 мая 1937 г. сообщал: «Так как наши предложения китпра совпали с моментом наибольшего смягчения японской политики в Китае и с моментом расцвета надежд у китайских политиков достичь наибольших уступок от Японии... в переговорах о Тихоокеанском пакте нам нет никакого смысла проявлять заинтересованность и ждать китайских инициатив»⁵⁴.

7 июля 1937 г. началось вторжение японских войск в Северный Китай (события в районе Лугоуцяо, вблизи Пекина). Одновременно японские войска высадились на ряде островов на Амуре⁵⁵. М. М. Литвинов заявил протест послу Японии в СССР. Д. В. Богомолов в письме в НКВД 17 июля 1937 г. писал: «Я полагаю, что основной причиной усиления японской агрессии в Китае является безусловно англо-японское соглашение»⁵⁶.

Главным фактором, воздействующим на развитие советско-китайских отношений с 1937 г., была война, развязанная Японией. Советскому Союзу пришлось оказывать помощь Китаю не только из-за чувств дружбы и солидарности, но также потому, что японский милитаризм представлял угрозу для безопасности СССР.

Начало широкомасштабного вооруженного нападения Японии на Китай, изменение международной ситуации на Дальнем Востоке побудило советскую и китайскую стороны активизировать усилия по уточнению программы взаимодействия СССР и КР на период японо-китайской войны.

29 июля 1937 г. ПБ ЦК ВКП(б) приняло Постановление о Китае. В Постановлении подчеркивалось: «Увеличить поставку

оружия в кредит до 100 млн кит. долл., предложив нанкинскому правительству 200 самолетов со снаряжением и 200 танков на ранее сообщенных ему условиях, но с поставкой в течение одного года. Считать неременным условием заключение пакта о ненападении. Предложить нанкинскому правительству допустить в Нанкин небольшую группу наших командиров для ознакомления с нуждами китайской армии. Согласиться принять для обсуждения у нас группу китайских летчиков и танкистов. Удовлетворить просьбу о пропуске через Владивосток транзитом в Маньчжурию китайских военных»⁵⁷.

31 июля 1937 г. в директиве Москвы советскому полпреду поручалось сообщить китайской стороне, что «неременным условием военных поставок является предварительное заключение пакта о ненападении». Излагая 2 августа 1937 г. Чан Кайши позицию советского правительства, Д. В. Богомолов отметил, что «китайское правительство должно понять наше положение: мы не можем поставлять наше вооружение Китаю, не имея даже минимальной гарантии в форме пакта о ненападении, что наше оружие не будет употреблено против нас. Чан Кайши заверил со своей стороны, что Китай никогда не нападет на СССР»⁵⁸.

В ходе переговоров 8 августа Чэнь Лифу выразил пожелание китайского руководства, чтобы обе стороны — полпред СССР в Китае и министр иностранных дел КР — при подписании пакта о ненападении *устно* дали заверение, что ни Китай, ни Россия не подпишут с Японией пакт о неагрессии до окончания японо-китайской войны.

10 августа из Москвы полпреду были направлены следующие указания: 2-ю статью пакта завершить фразой «а равно воздерживаться от всяких действий и соглашений, которые могли быть использованы нападающим или нападающими к невыгоде для подвергшихся к нападению», а также устно указать, «что это обязательство исчерпывает поставленный китайцами вопрос о незаключении пакта о ненападении с Японией и что из этого вытекает также, что китайская сторона обязуется не заключать ни с кем т. н. соглашения о борьбе «коммунистической опасностью», которое, как показывает опыт японо-германского соглашения, по существу носит антисоветский характер»⁵⁹.

21 августа 1937 г. Д. В. Богомолов направил телеграмму в Москву вне очереди: «Сегодня в 22 часа подписан пакт о ненападении. Сделал словесное заявление. (Словесное заявление — это: «Устная декларация, строго конфиденциальная, никогда не подлежащая оглашению ни официально, ни неофициально». — *Р.М.*) Условились, что даем в печать 29 августа с таким расчетом, чтобы текст пакта появился в газетах 30-го утром». Далее в телеграмме сообщалось, что «перед подписанием пакта виделся с Чан Кайши. Он согласился со всеми нашими предложениями, в частности с тем, что соглашение о военных поставках будет подписано в Москве»⁶⁰.

Как подчеркивали в своей вступительной статье к IV тому «Российско-китайские отношения в XX в.» В. С. Мясников и А. М. Ледовский, главное значение договора состояло в том, что в нем косвенно осуждалась японская агрессия против Китая. Договором создавалась международно-правовая основа для советско-китайских дружественных отношений. Условия договора не возлагали на СССР прямого обязательства оказывать военно-техническую помощь Китаю в его оборонительной войне против Японии, но и не лишали его такого права, не давая при этом Японии формального повода для агрессивных действий против СССР⁶¹.

С учетом «джентльменского соглашения» (устного дополнения к договору) 21 августа 1937 г. в Нанкине был *фактически* (курсив мой. — *Р.М.*) подписан Договор о взаимопомощи между СССР и КР. А формат подписания документа диктовался конкретикой исторической обстановки в 1937 г.

Примечания

¹ Мясников В. С., Ледовский А. М. Отношения СССР с Китаем в период японо-китайской войны (1937—1945 гг.) // Русско-китайские отношения в XX в. / сост. А. М. Ледовский, Р. А. Мировицкая, В. С. Мясников; ред. академик В. С. Мясников. отв. ред. академик С. Л. Тихвинский. Т. IV. Кн. 1. М., 2000. С. 6. [Далее: РКО в XX в.].

² См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 24 октября 1933 г.

³ См. там же. Док. от 20 января 1936 г.

⁴ См.: АВП СССР. Ф. 0100. Оп. 16. П. 108. Д. 6. Л. 7. См. также РКО в XX в. Т. III. Док. от 21, 23, 27 июля, 17 августа, 27/29 сентября, 31 октября 1932 г. и др. См.: *Тихвинский С. Л.* Избранные произведения. Кн. 4. Отечественная и всемирная история. М., 2006. С. 257—273.

⁵ О Д. В. Богомолове и его деятельности в КР см.: РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. См. также: *Соколов В. В.* «Забытый дипломат». Д. В. Богомоллов в ННИ. 2004. № 3. С. 182—195.

⁶ См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 20, 22, 23, 26 сентября. См. также ДВП СССР. 1968. Т. 14. С. 528.

⁷ По ориентировочным данным советских специалистов, общее число китайцев, готовых сражаться с японской армией в конце 1931 г., превысило 500 000 человек. Но к решительным действиям они не приступали. Согласно сообщению советского консула в Харбине их тактика — пассивные действия сегодня, активность завтра. «Завтра» связывалось с возможностью советско-японского конфликта. См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 25 октября, 28 ноября, 11 декабря 1932 г. и др. См. также: *Мировицкая Р. А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20—30-е гг.). М., 1990. С. 136—142.

⁸ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 16. П. 153. Д. 17. Л. 37.

⁹ См.: РКО в XX в. Т. III.

¹⁰ Там же. Док. от 30 января 1934 г.

¹¹ См. о Цзян Цзинго в: РКО в XX в. Т. IV. Кн. 2. Приложения. РКО в XX в. Т. III. Док. от 3 февраля 1937 г.

¹² См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 4 декабря 1934 г., 15 февраля 1935 г., 28 июня 1935 г. и др.

¹³ См.: РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 40.

¹⁴ См. там же. Т. III. Док. от 26 и 28 декабря 1933 г.

¹⁵ Там же; см. также: ДВП. Т. 16. С. 629.

¹⁶ См.: ДВП. Т. 16. С. 851. См. также: *Соколов В. В.* Указ. соч. С. 18.

¹⁷ РКО в XX в. Т. III. Док. от 30 января 1934 г.

¹⁸ См. там же. Т. III. Док. от 3 августа 1933 г.

¹⁹ См. там же. Т. III. Док. от 27 сентября 1933 г.

²⁰ Подчеркнуто нами (*Р.М.*).

²¹ Там же. Док. от 27 июля 1934 г.

²² Там же. Док. от 1 ноября 1934 г., 20 февраля, 9 июля, 7 сентября, 3 и 4 декабря 1934 г. В постановлении НКВД от 13 ноября 1934 г. было, например, записано: «Считать политически важным установление формально более дружественных отношений между Чан Кайши и Шэнь Шицаем».

²³ См., например, запись беседы И.В.Сталина с генералом Ян Цзэ, главой делегации КР на переговорах в Москве в ноябре 1937 г. в «РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. Док. 121. См. также: *Тихвинский С. Л.* Возвращение к воротам небесного спокойствия. М., 2002. С. 40 (о событиях 1939 г.); *Мировицкая Р. А.* Советский Союз и Китай в годы разрыва и восстановления отношений (1928—1936 гг.). М., 1975. Гл. 5. Синьцзян в советско-китайских отношениях. С. 108—126; *Усов В. Н.* Советская разведка в Китае. 30-е годы XX века. М., 2007. С. 359—368.

²⁴ См.: РКО в XX в. Т. IV. Кн. 2.

²⁵ См. там же. Т. III. Док. от 5, 25 февраля, 10, 29 марта 1935 г.

²⁶ Там же. Док. от 9 февраля 1935 г.

²⁷ См. там же. Док. от 17 февраля и 27 апреля 1933 г. 8, 9, 10, 11, 12, 15, 29 мая 1934 г. и др.

²⁸ См. по данному вопросу: *Тихвинский С. Л.* Путь Китая к объединению и независимости. М., С. 205—206, 503; *Мировицкая Р. А.* Советский Союз в стратегии Гомиьндана. (20—30-е гг.). М., 1990. С. 106.

²⁹ См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 28 сентября 1934 г.

³⁰ См. там же. Т. IV. Кн. 2.

³¹ См.: ДВП. Т. 18. 1973. С. 437—438. См. также: НИНИ. 2002. № 4. С. 187.

³² См.: Коминтерн, ВКП(б) и китайская революция. Т. IV. Кн. 1 и 2.

³³ См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 23 марта 1936 г.

³⁴ См.: *Тихвинский С. Л.* Путь Китая к свободе и независимости... С. 274. С.Л.Тихвинский при этом ссылался на «Чжоу Эньлай Няньпу: 1919—1949». Пекин, 1992. С. 299.

³⁵ См.: *Тихвинский С. Л.* Указ. соч. С. 275.

³⁶ См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 20 января 1936 г.

³⁷ Там же. Док. от 22 января и 23 марта 1936 г.

³⁸ См.: *Тихвинский С. Л.* Указ. соч. С. 284.

³⁹ РКО в XX в. Т. III. Док. от 28 декабря 1935 г., 19 декабря 1935 г.

⁴⁰ Там же. Док. от 19 мая 1936 г.; ДВП. Т. XIX. С. 270.

⁴¹ Док. от 3 мая 1936 г. С. 24 и далее.

⁴² РКО в XX в. Т. III. Док. от 19 октября 1935 г.

⁴³ Там же. Док. от 30 апреля 1936 г.

⁴⁴ Там же. Док. от 19 мая 1936 г.

⁴⁵ Там же. Док. от 19 октября 1936 г.

⁴⁶ САП РФ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 566. Л. 75-77. См. также: Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 190.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 275. Л. 1, 5-9. Оpubл.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919—1943. Документы. 2004. Док. № 466 (С. 735—739).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 14, 15, 17 декабря 1936 г., 21, 24 января 1937 г. Приложение к Т. III. См. также: *Тихвинский С. Л.* Дипломатия: исследования и воспоминания. М., 2001. С. 210—211.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 109.

⁵¹ ДВП. Т. XIX. С. 668, 670.

⁵² Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919—1943. Документы. М. 2004. С. 44. См. также: РКО в XX в. Т. III. Док. от 26—27 февраля 1937 г.

⁵³ РКО в XX в. Т. III. Док. от 11 февраля (два документа), 4 марта, 11 марта, 17 апреля.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 13.

⁵⁵ См.: Постановление ПБ ЦК ВКП(б) от 7 июля 1937 г. (РГАСПИ Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 94); См. также: РКО в XX в. Т. IV. Док. 16 и 17.

⁵⁶ См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 17 июля 1937 г. См. также: РКО в XX в. Т. IV. Док. 20, 21, 22, 24, 27; Док. 20—55.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 115.

⁵⁸ См.: *Ледовский А. М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участников событий. 1937—1952. М., 1999. Л. 247—251.

⁵⁹ См.: РКО в XX в. Т. III. Док. от 10 августа.

⁶⁰ Там же. Т. III. Док. от 22 августа (3 документа), 26 августа.

⁶¹ Там же. Т. IV. Кн. 1. Л. 9.

Научное издание

**Китай в мировой и региональной политике.
История и современность**

Редактор *Е. В. Белилина*
Корректор *Г. Б. Абудеева*
Компьютерная верстка *С. Ю. Тарасова*
Обложка *Д. В. Иваншиной*

Подписано в печать 14.09.2009.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 17,0. Бумага офсетная. Тираж 200 экз.
Заказ № 25